www.lgz.ru

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№52 (6051)
14 – 20 декабря 2005 г.

Газета основана в 1830 году при участии А.С. ПУШКИНА

Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

Выходит по средам

В НОМЕРЕ:

Хотят ли женщины детей стр. 4

В ад по собственной воле стр. 5

«Анфилада»
Новые стихи Константина Ваншенкина стр. 8

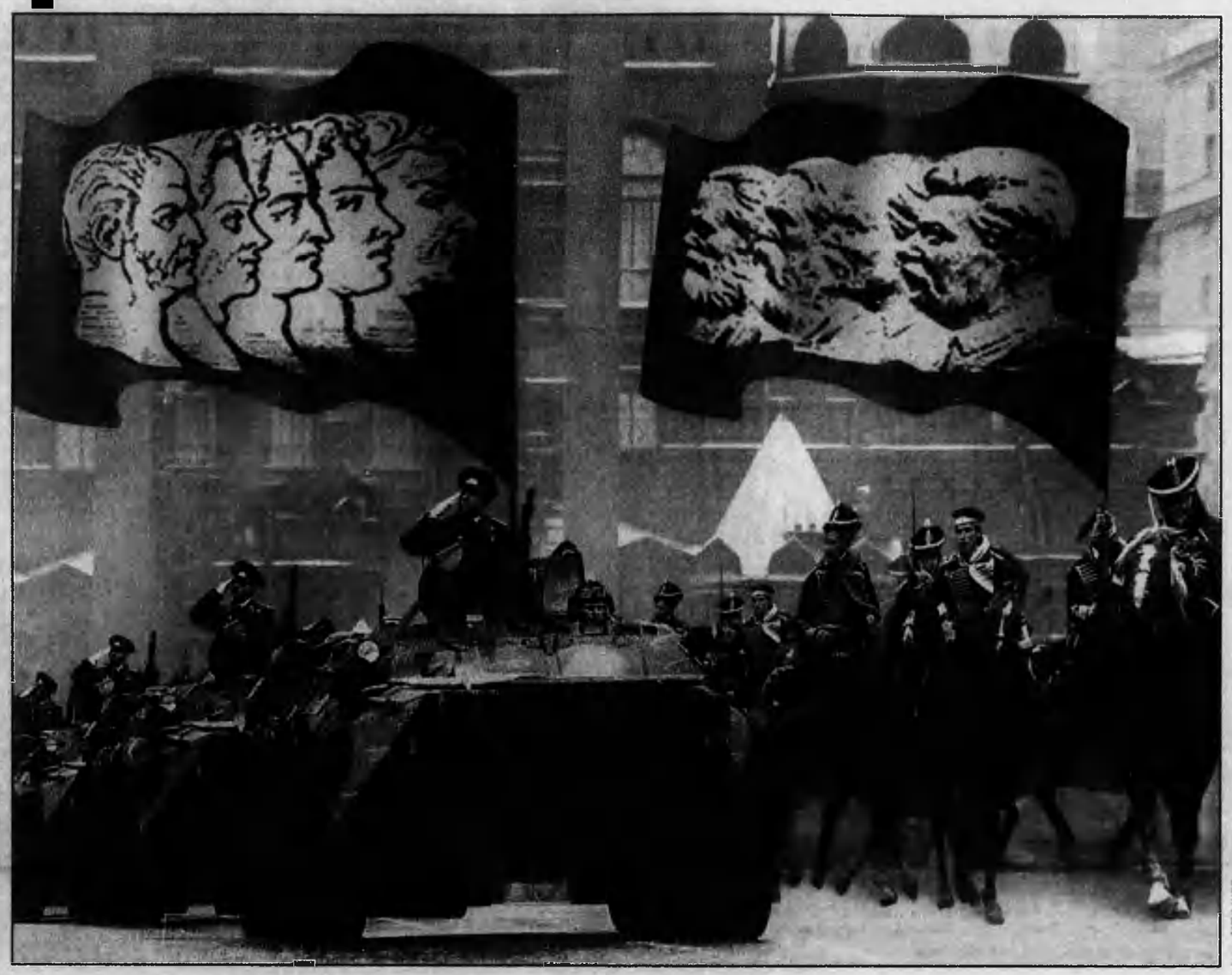
Затворник и прорицатель
Незамеченный юбилей Гелия Коржева стр. 9

«Климатические войны»
Вымысел или реальность? стр. 11

Тайный коридор
Что делал КГБ во время перестройки стр. 14

Кого разбудили декабристы?

180 лет назад в Санкт-Петербурге произошло первое в России организованное вооружённое выступление против самодержавия и крепостничества, вошедшее в историю под названием «Восстание декабристов». О причинах, истоках, особенностях этого явления многие поколения наших сограждан в советскую эпоху знали немного. Хотя добросовестно заучивали знаменитое ленинское высказывание: «... мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала – дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию». Так ли это? Об этом беседа с доктором исторических наук Оксаной КИЯНСКОЙ.



Антон МЕНЬШОВ

– Оксана Ивановна, в вашем представлении декабристы – кто они? Пламенные революционеры? Неистовые республиканцы? Утописты-романтики? «Вольные каменщики» – строители Храма светлого будущего? Какое определение им наилучше подходит?

– Прежде всего они убеждённые революционеры, ставившие перед собой главную цель – изменение государственного строя в России, уничтожение самодержавной монархии. Не секрет, что декабристы в начале своей политической биографии состояли в масонских ложах («масон» в переводе с французского «вольный каменщик». – **Ред.**). Но впоследствии стали представлять собой совершенно отдельное, независимое от всемирного «масонского братства» движение. И, по-видимому, отнюдь не стремились к решению каких-то «специфических» задач, стоявших перед «вольными каменщиками», – вроде строительства Храма Соломона и всего такого прочего...

Если уж говорить о масонстве, то следует отметить: как форма тайного объединения масонская ложа в то время была наиболее эффективной. Других образцов для создания широкой общественной организации, которая действовала бы независимо, тайно от правительства, практически не было. Волей-неволей декабристы ориентировались на известный им европейский опыт.

– Кем себя мнил ваш «любимый» декабрист Павел Пестель? Этаким российским Робеспьером?

– Безусловно, он был прилежным учеником Великой французской революции, учитывал её опыт и в своих сочинениях, и в повседневной деятельности. Пестель мыслил себя диктатором постреволюционной России, но задумывал и разрабатывал заговор вовсе не только ради личной власти. Причём Павла Ивановича и его единомышленников волновали даже не столько проблемы рабства крестьян, сколько невозможность политической, социальной самореализации для абсолютного большинства подданных Российской империи. Как-то ученики обычной средней школы меня спросили: «А чего, собственно, декабристы хотели? Почему так радели за простой народ? Неужели были готовы отдать свои жизни за освобождение крепостных крестьян?»

Эти вопросы из уст совсем ещё юных школяров заставили меня тогда всерьёз задуматься. Ведь действительно, в какой-то чрезмерной любви к крестьянству членов российских тайных обществ того времени – аристократов, в большинстве своём прагматиков, реалистов – трудно заподозрить. Практически никто из них, владельцев разной величины поместий, не отпустил крестьян на волю. Внимательно изучая документы, постепенно пришла к выводу: перво-наперво декабристы хотели сломать сословность в стране, жёсткую стратификацию общества. Ибо верхняя граница возможностей каждого в России той эпохи была предопределена, известна заранее. И даже многие люди, принадлежавшие к высшему дворянству, не могли никоим образом влиять на политику государства.

Из сакраментального лозунга Французской революции «Свобода, равенство, братство» самым главным для декабристов было требование равенства – равных прав и возможностей, создания условий для наиболее полного раскрытия каждой личности, всеобщего участия в политической и общественной жизни страны. Такую необходимость Пестель осознал раньше своих соратников, а написанная им «Русская правда» – проект постреволюционного устройства России – как раз основывалась на идее вот этого юридического равенства.

– Авангардом Великой революции во Франции был, как известно, «третий класс». И что, наши прогрессивные дворяне начала XIX века с ним как-то себя ассоциировали?

– Идеологи российских тайных обществ были, может, и не самыми богатыми помещиками, но, несомненно, людьми с достатком. Среди них оказались и выходцы из родовитой русской знати (например, князья Волконский и Трубецкой), и сыновья представителей имперской административной верхушки (отец Пестеля был сибирским генерал-губернатором). Поэтому с французским «третьим классом» они себя, конечно, не сравнивали. Более того, очень опасались ужасов Французской революции – стихийных народных движений, разгула черни. Тот же Пестель планировал после революции установить десятилетнюю военную диктатуру именно для того, чтобы не допустить массовых народных выступлений, бунтов «бессмысленных и беспощадных». При этом декабристы понимали, что Россия экономически отстала, что появление «третьего сословия», отечественной буржуазии ей необходимо – при одном условии: ни в коем случае эти люди не должны принимать участие в революции...

Окончание на стр. 2

ЛГ-РЕЙТИНГ

● Игорь Виноградов. **Духовные искания русской литературы.** – М.: Русский путь, 2005. – 672 с.

Игорь Виноградов – литературовед, критик, прозаик, главный редактор журнала «Континент», принявший это издание от его основателя – Владимира Максимова. В книге галерея портретов русских писателей и мыслителей XIX–XX веков: Лермонтова, Толстого, Достоевского, Солженицына, Булгакова, Искандера... В историко-литературных исследованиях и критических очерках Игорь Виноградов концентрирует внимание на «начавшемся ещё во времена Возрождения» «тотальном, всемирно-историческом кризисе религиозного сознания». «Я говорю о ситуации сознания, которому отход от традиционных религиозных способов духовной ориентации» принёс необходимость «заново, самостоятельно, ответить на все... «проклятые» нравственно-философские вопросы человеческого бытия». «Отвечать» русская литература начала романами Достоевского и продолжает до сих пор. Сверяясь с Достоевским. «Конечно, очень тяжко думать, что народ наш только Достоевским или Толстым и способен оправдать своё бытие в мире. Но то, что и самой печальной исторической его судьбе такое оправдание у него всё же есть, для меня тоже очевидно».

● Вера Лукницкая. **Любовник. Рыцарь. Летописец. Ещё три сенсации из Серебряного века.** – СПб.: Сударыня, 2005. – 342 с.

«Жениться надо на хорошей вдове», – записал когда-то в своём дневнике поэт и путешественник Павел Николаевич Лукницкий, исследователь творчества Н. Гумилёва и А. Ахматовой. Так и получилось: Вера Константиновна многие годы продолжает дело мужа, работает с его архивом. Лукницкий с юных лет стал восторженным почитателем Анны Андреевны, посвящал ей стихи. «Его желанием было сохранить её для потомков живой. Какой именно он знал эту женщину». «Любовник. Рыцарь. Летописец...» состоит из нескольких сюжетов. «Совершенно интимные записи» Лукницкого об Анне Андреевне. Письма Льва Гумилёва – «Гумильвёнка» – к Павлу Николаевичу. Рисунки Николая Гумилёва... Впрочем, как пишет в предисловии член-корреспондент РАН, директор Пушкинского Дома Николай Скатов, «искушая читателей интимным дневником, неизвестными рисунками, письмами, автор... оставляет на свою долю скромную роль комментатора... На поверку же именно такое комментирование... даёт ключ к некоей разгадке – человеческих судеб, идей, исторических ситуаций».

● Александр Лонгинов. **Рассказы о Шолохове.** – М.: ИД «Литературная учёба», 2005. – 124 с.

Огромный интерес к фактам из жизни и творчества великого русского писателя у читателя не иссякнет и после того, как минет год нынешний, год 100-летия Михаила Александровича Шолохова. Ценным подарком к юбилею стала книга известного журналиста и литератора Александра Лонгинова. Судьба распорядилась так, что отчим автора Павел Борисович Посвянский стал первым литератором, приветившим молодого Шолохова в Москве, первым редактором его рассказов, настоящим другом. Их встречи, страницы об их встречах, запечатлённые А. Лонгиновым, представляют большую ценность. Впервые публикуются фрагменты их переписки. Собран обширный материал о том, как укреплась в сознании людей и была увековечена память писателя. Автором собрана уникальная коллекция марок и конвертов с изображением писателя, разыскан его экслибрис. Перед нами несомненный вклад в дело собирания и изучения всего, что связано с именем Шолохова.

ЗАМЕТКИ НЕСОГЛАСНОГО

Юрий ПОЛЯКОВ

Писатели и пипы

Бедным людям не до «Бедных людей»

Некоторое время назад состоялся конгресс в поддержку Чтения. Что и говорить, мероприятие нужное и своевременное, ибо общая варваризация общества, неизбежная при любых революционных ломках, самым печальным образом отразилась на судьбе книги в нашем Отечестве, а специалисты говорят сегодня даже о катастрофе чтения в России.

«Как! – воскликнет иной читатель. – Да вы пройдитесь по книжным магазинам! Настоящее изобилие! Никогда не было столько названий и авторов!»

Так-то оно так. Однако есть цифры, заставляющие взглянуть на эту проблему шире – с точки зрения общенародной, а не общечеловеческой, ибо общечеловеческие ценности в нашей стране нынче мало кому по карману. Итак, почти 40 процентов наших соотечественников сегодня вообще не читают, а 52 процента никогда не покупают книг, 34 процента не имеют дома ни одной книги. Далее, тиражи газет и журналов по сравнению с 90-м годом сократились в 6 раз, и всего лишь каждый пятый сегодня берёт в руки периодику. Почему это случилось, понятно: скажем, в позднюю советскую эпоху средняя цена книги составляла рубль с небольшим, а это значило, на обычную зарплату можно было купить около двухсот томов. Сегодня средняя цена книги перевалила за сто рублей. Например, мой новый роман «Грибной царь» в магазинах после всех накруток стоит от 180 до 280 рублей. А это уже почти Европа, где доходы у населения, между прочим, на порядок выше наших. Теперь посчитайте, сколько книжек может сегодня купить на зарплату, допустим, учитель – один из главных и традиционных в прежние времена приобретателей издательской продукции! А ведь ему ещё надо платить немалые деньги за квартиру и коммунальные услуги, что раньше составляло почти символическую сумму.

«Ага! Сравнил! – возразит мне другой читатель. – Купить бы он купил. Да кто б ему дал! В стране был жуткий книжный дефицит!»

И с этим никто не спорит. Сам помню, как рассчитывался с дантистами детективами, а за «Нерв» Высоцкого добыл недоставаемую в принципе вагонку для дачестроительства. Но прежде это был дефицит наличия, а теперь это дефицит наличных. Поясню мысль: с недостатком мяса можно бороться с помощью серьёзного увеличения и удешевления производства данного продукта питания, а можно с помощью превращения населения в невольных вегетарианцев. Мы двинулись вторым путём: потребление мяса в сравнении с прежними временами резко сократилось, и проблема недоедания, прежде всего белкового, теперь, как известно, весьма актуальна на просторах России. Хотя чисто внешне нынешние мясные прилавки отличаются от советских так же, как мандариновые субтропики от Голодной степи.

С книгами случилось примерно то же, и для подавляющей части губернской России роскошные новые книжные магазины по доступности мало чем отличаются от застойных «Берёзок». Увы, бедным людям не до Фёдора Михайловича с его «Бедными людьми». В результате произошла парадоксальная вещь: книжный рынок в России процветает, поражая многообразием обложек, а массовое чтение увядает. В подтверждение ещё одна цифра: половина всей книжной продукции так и остаётся на издательских складах невостребованной...

Тот, кто хоть однажды презентовал свои сочинения на ярмарках, конечно, обратил внимание на особую и довольно многочисленную категорию посетителей – «книжных нищих». Обычно это старые, бедно одетые люди с хорошими умными лицами – интеллигенты. Явно стыдясь своего нынешнего состояния, они ходят от стенда к стенду и робко просят пищу – духовную, без которой не могут жить, но купить которую сегодня не в состоянии. Иногда им подают. Книгу. Но чаще гонят прочь...

Дурацкое чтенье – нехитрое

Все помнят гордый, часто повторяемый советский слоган: «Мы самая читающая страна в мире!» Не знаю, вполне возможно, агитпроп и погорячился, но вот в том, что мы были самой с е р ь ё з н о читающей страной, сомнений нет. Достаточно вспомнить, как мгновенно исчезали с прилавков гигантские тиражи философских и исторических сочинений. Когда, будучи в командировке, я обнаружил на полке дальневосточного сельпо фёдоровскую «Философию общего дела», то чуть не заплакал от счастья. А разве можно было в середине 70-х завести разговор с приличной девушкой, не прочитав, скажем, в «Новом мире», допустим, «Алмазный мой венец»? Один мой литературный знакомый покорил не одно девичье сердце и овладел не одним дамским телом, растолковывая, кто под каким прозвищем зашифрован в этом сочинении почти забытого ныне Валентина Катаева, из «мовизма» которого, как из шинели Гоголя, и вышел, между прочим, весь неблагодарный российский постмодернизм. «А кто такой Колченогий?» – «Не догадываетесь?» – «Нет...» – «Нарбут!» – «Нарбут? Надо же... И откуда вы только всё знаете?.. Ах!»

Окончание на стр. 3

АНОНС

«Любишь – докажи!»

Слиток золота как эквивалент любви

...Когда охваченные демократическим порывом граждане рвались к рыночной экономике, они, конечно же, совершенно не думали о том, что в первую очередь эти вожделенные рыночные принципы скажутся на такой деликатной сфере, как интимно-романическая.

Никто об этом не думал. Кроме, может быть, специалистов по роману XIX века, по разным там «Ругон-Маккарам», которых даже студенты-филологи давно уже не читают. А зря, потому что там, как и в пьесах незабвенного Александра Николаевича Островского, очень наглядно показано, какое воздействие оказывает рынок «без берегов» на такую зыбкую материю, как людские нравы.

Статья писателя Анатолия МАКАРОВА – в следующем номере «ЛГ»

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 8119 человек. Заходите!

РЕЗОНАНС

Казалось бы, не связанные события: крушение новых пирамид, теперь строительных, и предупреждения о росте тарифов на электроэнергию и о возможных отключениях электричества в морозы. Но это лишь на первый взгляд.

Напёрсточная экономика

В чём суть проблемы строительных пирамид? Граждане, покупающие жильё на стадии строительства, участвуют в процессе не как покупатели, а как предприниматели, равно ответственные за результат с теми, кому они передали свои деньги. При этом деньги они передают субъекту сильному, сами же остаются слабыми, не имеющими рычагов воздействия на процесс.

Спросите любого настоящего предпринимателя (а не покупателя квартиры, загнанного в «соинвесторы»): стоит ли на таких условиях играть? И вам ответят: ни в коем случае – у партнёра велики возможности вас кинуть.

Но если так, зачем же люди на подобное идут? Почему не действуют, как во всём мире, – не покупают жильё готовое, да ещё и в кредит? Ответ известен: рады бы, но нет возможности.

Обратимся к электричеству. Оставим за скобками вопрос об управляющих нашей электроэнергетикой: способностью управлять чем-либо именно в наших с вами интересах на прежних постах они, как известно, не отличились. Но это теперь уже вопрос не к ним, а к руководителям государства, опирающимся на подобных «спецов». В чём же ещё, кроме очевидного кадрового вопроса, причина нехватки мощностей и роста тарифов?

Нам объясняют: нынешнего тарифа хватает лишь на поддержание системы, но не на её развитие. Нет «инвестиционной составляющей». Поэтому, мол, наросло отставание от потребностей и надо повышать тариф.

Но в экономике, если, конечно, это экономика, а не игра в «напёрстки», есть важный принцип: кто инвестирует, тот и собственник созданного на вложенные средства.

В примере с жильём этот принцип, казалось бы, соблюдался: «соинвесторы» должны были стать собственниками. Но налицо и отступление: деньги «соинвесторы» вложили сразу, а права собственности им будут оформлены, лишь когда готовые квартиры введут в эксплуатацию. А до того «соинвесторы» – нечто безмолвное и бесправное.

В ситуации с электроэнергетикой отступление от этого принципа ещё очевиднее: через рост тарифа нам предлагают соинвестировать развитие чужого частного бизнеса (государственного лишь наполовину). Но будущими прибылями делиться с нами никто не собирается.

И беда не в том, что платить за свет будем несправедливо больше. Ситуация хуже: рост тарифов ведёт к повышению себестоимости любой нашей продукции, к снижению её конкурентоспособности. А значит, и к сворачиванию производства, потере рабочих мест…

А как же должно быть? Как это делается там, где граждане не дают себя дурачить разговорами о рыночной экономике, а действительно рыночные отношения в экономике строят и поддерживают?

Тут мы подходим к главному – к нашей банковской системе.

Что есть банковская система на Западе применительно к жилищному строительству? Это ответственное звено между строителями и гражданами. Взаимоотношения просты и прозрачны: банки привлекают средства граждан, кредитуют строителей, причём под процент совсем не намного более высокий; контролируют использование средств, а затем долгосрочно (на 20 – 30 лет) кредитуют граждан, желающих купить жильё, причём под процент, лишь на 2 – 3 пункта превышающий инфляцию. Проценты могут быть и меньше, если государство содействует приобретению гражданами жилья: дотирует жилищное кредитование, берёт на себя страхование рисков и т.п.

Какова роль западной банковской системы в энергетике, в промышленной инфраструктуре? В точности та же: банки собирают с населения те самые деньги, которые у нас сейчас забирают через растущий тариф за электричество, но не навсегда, а в долг, не бесплатно, а под процент и, разумеется, не принудительно. А затем инвестируют, в частности, в ту же электроэнергетику. Соответственно никакой «инвестиционной составляющей» в тарифе нет и быть не может – только амортизация.

Почему же у нас не так?

Да потому, что не для того наша банковская система создавалась. Не для того, чтобы ограничиваться лишь тем соотношением трудозатрат и доходов, каким довольствуется западная банковская система. И кто же теперь согласится на то, чтобы рядом с нашей обновленной «семибанкирщиной», готовой, как это у нас уже было в 96-м, из своих супердоходов часть потратить на защиту «демократии» (то есть сохранение нынешнего бандитизма вместо капитализма), появились конкуренты – банки, готовые зарабатывать свою минимальную маржу в поте лица? Потому и оказывается, что сдать при вступлении в ВТО практически всё, включая наше машиностроение (а значит, и «оборонку»), а значит, и реальные рабочие места, – рука не дрогнет. А вот банковскую систему, ту самую, что не выполняет своего предназначения для хозяйства страны, её монопольные позиции и право на паразитирование – это будем защищать до последнего.

Так что же, впустить западные банки? И это – не панацея. Запустить их в нашу среду – значит и их вовлечь в паразитирование. Заботиться о нашем долгосрочном развитии больше нашего они не обязаны.

И далёк ли час, когда наши граждане, обрадовавшиеся возможности сплошь и рядом почти всё (правда, в основном нероссийского производства) покупать в краткосрочный кредит, вдруг осознают, что рассчитаться-то за всё они не могут? Своего производства так и нет – нет и нормальных рабочих мест. А значит, и платить за жильё, растущие тарифы на тепло, газ и свет да плюс ещё и за кредиты возможности тоже нет. И начнут попросту разоряться. К кому в кабалу они попадут?

Что ж, заведомо дефективная экономическая система может существовать исключительно за счёт вытягивания соков из населения. К банкирам при этом у меня вопросов нет. Вопросы – к руководителям государства. И плюс к гражданам, к этим своим руководителям своевременно адекватных требований не предъявляющим.

Юрий БОЛДЫРЕВ

Воровством грозит Украйна

Ситуацию вокруг поставок российского газа на Украину комментирует депутат Государственной Думы, директор Института стран СНГ Константин ЗАТУЛИН

Сварка первого стыка Северо-Европейского газопровода на участке в Вологодской области

ИТАР-ТАСС

– Константин Фёдорович, напомните вкратце предысторию взаимных «газовых атак» последних месяцев.

– Инициатива пересмотра цен на газ принадлежит, по сути, украинской стороне, заговорившей с приходом к власти Ющенко о необходимости расплачиваться за транзит «живыми» деньгами, а не газом. Россия этим поводом воспользовалась и поставила вопрос иначе, заявив о своём желании перейти на рыночные европейские расчёты за поставку газа Украине.

Уже почти год ведём переговоры. И пока безуспешные, поскольку правительство Украины всячески уклоняется от перезаключения на следующий год соглашения на поставку газа, а также договора о повышении цены, составляющей сегодня 50 долларов за 1000 кубометров, в то время как средняя цена в Европе – 174 доллара. Цены за транзит через Украину – тоже ниже европейских, однако при любых подсчётах очевидно: подъём цен на газ до уровня рыночных приводит к прямым потерям для украинской казны трёх миллиардов долларов. Именно такой налог «в превращённой форме» до сих пор брала Украина с России, получая дешёвый газ.

В своё время наша сторона согласилась поставлять Украине газ по цене в три раза ниже рыночной только потому, что отношения с этой республикой были «отношениями надежды» – в рамках договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве. С приходом новой власти на Украине её руководство создаёт всевозможные трудности для России, стремится всячески оппонировать ей на постсоветском пространстве, предпринимает репрессивные меры против оппозиции внутри своей страны, против русского языка и культуры даже в традиционно русскоязычных регионах. Пропал всякий смысл поставок чего-либо по льготным ценам государству, демонстрирующему всё больше и откровеннее свой генеральный курс на разрыв особых отношений с Россией. Не всяких, а именно особых, которые только и могут быть основой для предоставления льгот и взаимных уступок.

– При этом западные поборники свободного рынка, благоволящие Ющенко, делают вид, что ничего неестественного в экономических отношениях России и Украины не происходит…

– Украина делает всё, причём демонстративно, чтобы переговоры по газу зашли в тупик, предполагает поставить нас перед фактом «несанкционированного отбора» из транзитного газопровода. Проще говоря, она на уровне руководства своего ведомства «Нафтогаз Украины» провозгласила, что для неё такой отбор – законное дело, то есть воровство возведено в ранг государственной политики. Ни в каком обществе невозможно к воровству относиться иначе как к воровству, а основы западной цивилизации утверждают право собственности, необходимость договоренностей между теми, кто продаёт и кто покупает. А что на деле? В то время, когда Украина устами главы «Нафтогаз Украины», руководителя Конгресса украинских националистов господина Ивченко (отнюдь не эксперта и не профессионала в сфере энергетики) провозглашает своё право на воровство российского газа, лидеры Европейского союза, ОБСЕ, ряда стран Европы охотно позируют в Киеве рядом с украинской властью и объявляют Украину страной с рыночной экономикой…

Ясно, что с точки зрения подписанных и ратифицированных Украиной международных соглашений она обязана обеспечить транзит газа через свою территорию. Если же этого не делает, то должна быть подвергнута в международном суде различного рода санкциям. Наиболее грамотные люди на Украине это прекрасно понимают и пытаются найти выход из положения. Однако, видимо, к категории этих грамотных не относятся ни господин Ивченко, ни те, кто им руководит на высшем государственном уровне.

– Какой видится выход?

– Последнее предложение, сделанное Украиной, а точнее говоря, её парламентариями, обеспокоенными сложившейся ситуацией, сформулировано как раз представителями от оппозиции.

В Госдуме на днях побывал председатель парламентского Комитета по топливно-энергетическому комплексу Украины Андрей Клюев, представляющий в Верховной Раде Партию регионов, то есть основную оппозиционную силу республики. Соглашаясь с необходимостью пересмотра цен на газ, он предлагает свой алгоритм поэтапного их повышения, которое бы не привело к обвалу украинской экономики. Безусловно, такое поэтапное повышение – наша возможная уступка. Её следовало бы сделать с учётом понимания трудностей, перед которыми встанут украинская экономика и украинский потребитель. Слишком долго там сидели на «газовой игле», чтобы так просто от неё отказаться.

На Украине розничные цены на газ меньше, чем в России, что, наверное, ненормально. Но и такие уступки, на мой взгляд, возможны, однако только в том случае, если наши интересы будут восприниматься украинской стороной с теми же вниманием и пониманием, с какими мы готовы воспринимать её проблемы. Ныне же, создавая нам трудности во внешнеполитической, гуманитарной областях, в сфере обороны и безопасности, Украина требует от нас уступок в экономике.

У нас часто задаются вопросом: чего больше в газовом конфликте – политики или экономики? Нахожу наивной попытку подсчитать в процентном соотношении их доли в этом контексте. До тех пор, пока газовый вопрос волнует миллионы людей на Украине и в России, пока его пытаются решить президенты, ведущие политики обеих стран, газовую трубу никоим образом из политики не выдавить.

И, конечно, различные политики могут решать судьбу этой газовой трубы поразному. На Украине с 1 января 2006 года вступает в силу политическая реформа. А 26 марта пройдут парламентские выборы, и уже началась избирательная кампания. Не в наших интересах делать подарки режиму, поставившему нас в очень сложное положение на международной арене и во взаимоотношениях между Россией и Украиной.

Беседовал
Сергей АЛЕКСАНДРОВ

ФОТОГЛАС

ИТАР-ТАСС

Новосибирский академический театр оперы и балета готов к открытию сезона после долгой реконструкции

Самый крупный пожар в послевоенной Европе вспыхнул в воскресенье на нефтехранилище к северу от Лондона после серии мощных взрывов. Сообщается, что жертв нет, но пострадали десятки человек. Очень велик материальный и экологический ущерб. Пожарные опасаются, что огонь не потушат несколько дней. Причины катастрофы неизвестны. Многие жители близлежащих районов подозревают теракт.

ГАЗЕТА.RU

ДАТА

Кого разбудили декабристы?

Окончание. Начало на стр. 1

– Вы не пытались проанализировать некий коллективный психологический феномен этих революционеров, например, в контексте известной «формулы» о радикалах в юности и консерваторах в зрелости? Ведь декабристы были в основном людьми, повидавшими виды, повоевавшими, заслуженными. Даже генералы среди них присутствовали. Какова природа их взрывной революционной страстности-пассионарности, максимализма, свойственного, как правило, молодым?

– Средний возраст декабристов – 26 лет. Наверное, большинство из них к моменту восстания на Сенатской площади ещё не достигли того возраста, в котором сильнейшее влияние на личность оказывают умудрённость, опытность, консерватизм... Пестеля, руководителя Южного общества, автора большого количества теоретических работ, казнили через три недели после того, как ему всего лишь 33 года исполнилось. Рылеев казнён 29 лет от роду, Сергей Муравьёв-Апостол – также. Откуда пассионарность? Такое, видимо, поколение было. Лидеры революционеров участвовали в войне с сильным врагом, вышли из неё победителями. От их энергии и воли, находчивости и сообразительности зависели итоги сражений. А после войны с Наполеоном они вернулись в Россию и увидели, что от них уже больше ничего в судьбе страны не зависит, что они простые винтики в государственной бюрократической машине. Осознав это и проникшись революционными идеями, стали создавать свои тайные общества…

– Повлиял ли на мировоззрение декабристов фактор личной неприязни к Александру I? Ведь самодержавие, которое они хотели уничтожить, связывалось первоначально с именем этого царя…

– К императору Александру I члены тайных обществ относились по-разному. С одной стороны, большинство из них понимали, что для достижения главной цели цареубийство необходимо, что добровольно на уничтожение монархии царь никогда не пойдёт, что он, в сущности, враг, тиран, всячески препятствующий демократическому развитию страны и общества, символ самодержавной системы. Но с другой – Александр 1 прослыл в глазах и европейцев, и наших соотечественников спасителем от Наполеона. Русский монарх был очень популярен и в армии, и в народе. И всё это не могло не сказаться на отношении к нему декабристов. Хотя были у некоторых из них и личные какие-то взаимоотношения с императором, и, конечно, собственные симпатии-антипатии.

Здесь снова уместно вспомнить Павла Пестеля, имевшего серьёзную причину лично не любить Александра I, относиться к нему с неприязнью и негодованием. Лидер южан писал об этом в своих показаниях на следствии. За несколько лет до восстания декабристов царь, поверив наговорам приближённых к нему бюрократов, с большим позором снял отца Пестеля с должности сибирского генерал-губернатора. Этот случай в рассматриваемом контексте не был единичным, хотя и типичным тоже не был. В среде декабристов находилось ещё несколько человек, считавших императора личным врагом. Большинство же из них мучительно колебалось, решая для себя дилемму: «Тиран должен быть уничтожен» – «Жалко убивать: хороший человек, Польше Конституцию даровал, от Наполеона избавил».

Многие тогда Александра I искренне почитали. Даже Пушкин о нём писал: «Как был велик, как был прекрасен он, народов друг, спаситель их свободы!», и это при том, что сам поэт царя явно недолюбливал. Сходные противоречивые чувства были у основной массы декабристов...

– Мог ли антимонархический мятеж под предводительством дворян – лидеров тайных обществ – при каких-то более благоприятных для них обстоятельствах закончиться удачей? Насколько разумной и реалистичной была программа руководителя южан Павла Пестеля?

– На мой взгляд, Павел Иванович Пестель был человеком гениальным, выдающимся политическим мыслителем, рядом с которым в России XIX века мало кого можно поставить. А среди российских политиков первой половины того столетия Пестелю вообще не было равных.

Программа его в чём-то была утопической. После революции он собирался провести масштабный земельный передел – отобрать у помещиков половину принадлежавших им земель и отдать их либо в общинное пользование, либо мелким частникам. Утопичность же вот в чём состояла: Пестель рассчитывал при этом невиданном переделе избежать всеохватного народного бунта. Не было в тогдашней России показательного исторического опыта, никто толком не представлял, чем может обернуться столь радикальное решение земельного вопроса. Тем не менее считаю, что в основном программа Пестеля была вполне осуществимой. Она была очень жёсткой и даже жестокой, например, в сфере национальной политики, которую коротко можно охарактеризовать как тотальную унификацию, уничтожение национальных обычаев, сведение всех бытовавших в России укладов к одному-единственному – форме жизни русского народа…

Основным средством выполнения этой программы предполагалась десятилетняя диктатура, после чего в планах значились демократические преобразования с введением всех присущих настоящей республике институтов и атрибутов – парламента, конституции, референдумов и прочих.

Пестель считал, что если объявить республику сразу после революции, то неминуемы народный взрыв и полный паралич власти.

И в этом смысле, по-моему, гораздо менее реалистичной выглядит вторая программа, разработанная в Северном обществе, автором которой был декабрист Никита Михайлович Муравьёв. Он-то как раз хотел сразу после свержения абсолютной монархии созвать великое народное собрание, причём по мере освобождения губерний от старой власти проводить собрания народа и на этих собраниях избирать местные органы власти. Вот только непонятно: кто бы проводил эти вече и сопутствующие им выборы, кто бы собирал всевозможных представителей, делегатов в отсутствие какой бы то ни было власти вообще?

Вариант Пестеля – жестокая вещь, но, на мой взгляд, был тогда единственно возможным способом удержания власти в крепких руках. Победа заговорщиков была бы полной лишь при условии установления диктатуры. Иначе неуправляемой стихией смело бы и их самих. А может, и вообще Россия была бы стёрта с лица земли...

Подготовил
Сергей ГРОМОВ

Историк во все времена

Умер замечательный человек, известнейший историк и публицист, постоянный автор «ЛГ» Владлен Георгиевич СИРОТКИН. Ещё совсем недавно он приходил в редакцию, как всегда жизнерадостный, оптимистичный, воодушевлённый новыми замыслами. Но болезни всё же одолели его.

Владлен Георгиевич – выпускник истфака МГУ, доктор исторических наук. Профессор Сироткин преподавал в Дипломатической академии МИД РФ, был ассоциированным профессором Сорбонны, Кембриджского

и Принстонского университетов, читал лекции в Беркли.

Он автор популярных книг по истории России, Франции, их взаимоотношений – «Дуэль двух дипломатий Франции и России перед войной 1812 года», «Великая французская революция и Россия», «Наполеон и Россия», «Золото и недвижимость России за рубежом» и других. Многие поколения историков и студентов ещё долго будут учиться по ним.

Ему было 72 года. Он хотел сделать ещё так много, повоевать за возвращение богатств российских, оставшихся за границей… Мы постоянно будем по-доброму вспоминать его. Вечная ему память.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
1971 1979

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ОАО «Издательский дом «Литературная газета»

Главный редактор
Юрий ПОЛЯКОВ

Заместители главного редактора
Леонид Колпаков,
Игорь Серков,
Валерий Павлов
(представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)
«Политика, экономика» – тел. 208-63-21
ведущий редактор
Владимир Поляков;
Сергей Громов,
Ирина Хуземи
«Общество» – тел. 208-82-80
шеф-редактор Игорь Гамаюнов;
ведущий редактор
Людмила Мазурова
«Литература» – тел. 208-94-19
заведующий отделом
Сергей Мнацакаян;
Надежда Горлова,
Ольга Рычкова,
Александр Яковлев
«Искусство» – тел. 208-98-76
ведущий редактор Александр Вислов;
Ирина Тосунян,
Жанна Васильева
«Клуб 12 стульев» – тел. 208-82-62
дежурный администратор
Валерий Бурт
Выпускающий редактор
Борис Фуров
Обозреватели:
Павел Басинский,
Сергей Казначеев,
Сергей Луконин,
Александр Ципко,
Аркадий Соснов (Санкт-Петербург),
Алесь Кожедуб (Минск)
Отдел оформления – тел. 208-81-82
бильд-редактор
Александр Карзанов,
художественный редактор
Антон Меньшов
Генеральный директор
Алексей СОБОЛЕВ
Управление делами – тел. 208-89-21
Вадим Лаврентьев
Отдел рекламы:
тел. 208-91-62, 208-95-24
Юлия Лукьянова
Отдел распространения:
тел. 208-98-55, 208-97-00
начальник
Валерий Андрюшин;
Екатерина Калагина, Вероника Рукина
Служба экспедирования: тел. 208-56-00
Наталия Донская
Сектор Интернета: тел. 208-56-18
Общий тираж 83 000 экз.
Газета печатается в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Хабаровске, а также Германии, Великобритании, Греции и Израиле
Отпечатано в ИД «Медиа-Пресса», ул. «Правды», 24, Москва, 125993
Номер подписан к печати 13 декабря 2005 г.
Зак. № 5038052
Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.
Подписные индексы: 50067, 34189 и 84874
(для предприятий и организаций)
Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications»
Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № 77-1835 от 10.03.2000 г.
Адрес редакции:
Костянский пер., 13
Москва, 107045
Для телеграмм:
Москва 90 Литгазета
Электронный адрес:
litgazeta@lgz.ru
Факс: 208 99 14, 206 62 25
Автоматический телефон для справок по редакции: 200-02-38

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна

ОАО «Система Масс-Медиа»

Юрий ПОЛЯКОВ

Писатели и пипы

Окончание. Начало на стр. 1

Сегодня принято объяснять особенную начитанность советских людей тем, что прежняя система сковывала реальную инициативу человека и ему оставались только книги. Отчасти это верно, как верно и то, что в застойном, иначе говоря, стабильном обществе читается лучше, нежели в стране, где тебе постоянно стучат по башке колотушкой реформ и обирают с помощью инфляций-дефолтов.

Но есть и ещё одна историческая правда, которую подзабыли: большевики при всех их грехах собирались строить новое общество с просвещённым (да, по-советски просвещённым) народом. А советская образованность (что бы нам теперь ни говорили перепрофилировавшиеся выпускники ВПШ) при известной ограниченности была тем не менее версией – и не самой худшей – общемировой образовательной нормы. Государство на просвещении народа, как, впрочем, и на пропаганде, не экономило! Отсюда тогдашняя, культивировавшаяся мода на серьёзное чтение. Отсюда государственное внимание (в том числе и со стороны КГБ) к человеку умственного труда. Отсюда же гигантский интеллектуальный потенциал СССР, не исчерпанный до сих пор при всей утечке мозгов и унижениях постсоветских интеллигентов, объявленных чуть ли не начитанными дармоедами. Сегодня же не экономят только на пропаганде…

Всем памятна «книжная революция» конца 80-х годов. Тогда начал бурно развиваться издательский бизнес, в магазинах появились книги, о которых прежде серьёзный читатель мог только грезить, – Ильин, Мережковский, Шпенглер, Бердяев, Флоренский, эмигрантская литература. Владельцы одного из самых крупных нынешних издательств сделали начальный капитал на том, что космическим тиражом на газетной бумаге журнальным форматом в мягкой обложке издали избранного Фрейда. К примеру, мой «Апофегей» в 90-м году Литфонд РСФСР, никогда прежде не занимавшийся книгопечатанием, выпустил миллионным тиражом и мгновенно распродал. Серьёзный читатель мог ликовать: за Рильке не нужно идти к барыгам на Кузнецкий Мост, теперь Рильке продавали в обычном газетном киоске. Это был первый шаг к десакрализации хорошей литературы, ибо Булгаков, стоящий на витрине рядом с «Бешеным», уже немножко не Булгаков.

Надо признать: социализм был строем серьёзным, развлечения считал делом второстепенным, а следовательно, и развлекательная литература: детективы, фантастика, приключения, любовная проза – занимала в книжной номенклатуре, определяемой государством, достаточно скромное место. Кстати, такое же отношение к авторам, работавшим в «лёгких» жанрах, сохранялось и в писательском сообществе: какой-нибудь нудный сочинитель производственных эпопей считался вдвое значительнее обоих братьев Стругацких, вместе взятых. А вышедший на трибуну Юлиан Семёнов, самый, наверное, тиражный советский автор, удостаивался в лучшем случае снисходительной усмешки собратьев: «Ну, и что скажет Юстас Центру?» Зато трудно говорящий и ещё труднее пишущий литератор, бросивший в своей последней книге еле заметный вызов социалистическому реализму, приковывал восторженное внимание товарищей по мукам творчества. Где они теперь, эти шепотливые обличители? Увы, там же, где их книги…

Понятно, как только издатели и книгопродавцы получили вольную от КПСС, они бросились навёрстывать упущенное: прилавки накрыла цветастая волна кровавых детективов, эротических, а то и эротоманских романов, разнузданной фантастики и противоестественных приключений… Как известно, хорошего много не бывает, а развлекательной книжной продукции должно быть очень много, иначе не заработаешь, ибо в книжном бизнесе, как и в сексе, только новизна способна заменить качество. Правда, ненадолго. И начала формироваться целая система навязывания потребителю абсолютно бессодержательной, одноразовой книжной продукции, возникла своего рода торговля обложками. Конечно, и при Советской власти имелась своя обложечная литература, но такого вала книг, которые не просто не стоит, а категорически не следует читать, никогда ещё не было! Потребность рынка – закон: в мгновение ока, откуда ни возьмись, нахлынули сотни авторов, готовые заполнить промежутки между обложками необременительными текстами. Ещё вчера одни из них были безнадёжными графоманами, отвергнутыми всеми издательствами, вторые томились в бесперспективных НИИ, третьи уныло домохозяйничали… Но возник спрос – и они стали ПИПами!

Пипизация страны

В самом факте существования развлекательно-коммерческой литературы ничего уникального нет, она процветала и при Пушкине, и при Достоевском, и при Чехове… Но процветала на своём, развлекательном месте. Уникально то, что в постсоветской России она начала вытеснять из общественного сознания настоящую литературу, традиционно в нашей стране ценимую и простыми, и руководящими читателями. Почему у нас серьёзное слово пользовалось почти религиозным поклонением – вопрос отдельный, уходящий корнями в наши историко-культурные глубины. Скажу лишь, что в пору абсолютизма и диктата литература отчасти заменяла обществу политическую оппозицию, а в период насильственного атеизма – религию. За это славилась, за это же и страдала…

Власть за столетия выработала два основных способа взаимодействия с сей чересчур влиятельной особой – русской литературой. Верхи её или просто душили, или душили в объятиях, но всегда при этом внимательно прислушивались к мнению отечественной словесности. И вдруг в начале 90-х возник третий способ: традиционное место писателей, властителей дум, заняли ПИПы – ***персонифицированные издательские проекты***. Именно они населили телеэкран, их саженные портреты появились в витринах магазинов, они начали произносить спичи на общенациональных торжествах, балагурить насчёт реформ и выборов, им стали посвящать подножные звёзды на тротуарах, новая власть, лаская их, принялась демонстрировать миру заботу об отечественной культуре… Поначалу пипы слегка ошалели от этой предложенной им роли, на которую они не смели надеяться даже в своих самых интимных грёзах. Но потом быстро вошли во вкус: какой же Лейкин не хочет слыть Чеховым!

Повторюсь для ясности: возникновение пипов – явление рыночное, стихийное. А вот вытеснение с помощью пипов писателей – продуманная акция, исполненная по всем правилам манипуляции общественным сознанием. По своим целям эта акция сродни безуспешным попыткам в 20-е годы вытеснить из литературы влиятельных «попутчиков» с помощью безупречных в классовом отношении борзописцев. Но прежде чем задаться вопросом: «Зачем это было сделано?» – поговорим немного о смысле и назначении пипов.

Думаю, нет необходимости объяснять, что персонифицированный издательский проект – это не всегда бригада литературных негров, которым для удобства присвоили некое условное имя, ставшее после рекламно-маркетинговых усилий раскрученным брендом. Брендовая литература создаётся иногда и вполне конкретным человеком, который в свободное от выполнения пиповских обязанностей время может сочинять вполне нормальные тексты. Яркий пример – Борис Акунин, который под своим настоящим именем Григория Чхартишвили выпустил любопытное исследование о писателях-самоубийцах. С другой стороны, не всякий автор, сочиняющий детективы, – пип. Пример: Виктор Пронин. По его повести «Женщина по средам» Станислав Говорухин снял свой замечательный фильм «Ворошиловский стрелок».

Чем же отличается писатель от пипа? Писатель сочиняет литературу, иногда очень талантливую, иногда среднюю, иногда бесталанную. Пип изготавливает коммерческий книжный продукт (ККП), плохой или хороший. Но даже самая неудачная литература отличается от самого удачного ККП так же, как самый глупый человек отличается от самой умной обезьяны. Ведь в основе художественного творчества, даже убогого, лежит стремление понять жизнь, познать изображаемую реальность, найти для этого адекватные формы, донести это познание до читателей. В основе же того, чем заняты пипы, – только стремление изготовить товар, который купят. Это не значит, что серьёзная литература не может иметь коммерческого успеха. Тот же Булгаков, сочиняя «Мастера и Маргариту», ставил перед собой сложнейшие философско-художественные задачи, а, поди ж ты, скольких книгопродавцев обогатил и продолжает обогащать! «Тихий Дон», кстати, до сих пор одна из самых раскупаемых книг. Я уже не говорю о Библии.

Но здесь важно другое – мотивация литературного труда. Именно она в конечном счёте определяет отношения сочинителя с публикой. Писателя с читателями связывает своего рода идейно-нравственный завет: я буду всерьёз, по-взрослому, разбираться в жизни, но вы будете относиться к моим книгам и словам не как к словесности, а как к социально-нравственному пророчеству. Выполняя этот завет, писатель часто идёт на конфликт со своим временем, властью, зато к его мнению, его оценкам и прогнозам общество прислушивается с доверчивым трепетом, не прощая при этом лукавства и заискивания перед сильными мира сего. Помню, как моя любимая учительница, услышав, что я увлёкся поэзией Межирова, презрительно пожала плечами: «Да, талантлив, но он сочинил стихи к съезду партии… «Коммунисты, вперёд!» «Но это же хорошие стихи!» – возразил я. «Хорошие. Но к съезду партии…»

У пипа же нет никакого завета, кроме заветного желания, чтобы продалось как можно больше экземпляров, а гонорар был как можно выше… Кстати, кто-то может заподозрить, будто к написанию этой статьи меня подтолкнуло чувство зависти к более успешным в рыночном смысле сочинителям. А вот и нет, ибо тиражи моих книг, как известно, вполне сопоставимы, а то и превосходят по массовости пиповские издания. Итак, ничего личного, а только желание объективно разобраться в этом социально-культурологическом явлении.

Пипл хавает пипов

А теперь давайте зададимся вопросом, почему в начале 90-х в нашем культурном пространстве неандертальцы вытеснили кроманьонцев, другими словами – пипы вытеснили писателей. И это несмотря на то, что у многих мэтров, например, у Ю. Бондарева, В. Богомолова, В. Пикуля, Е. Евтушенко, П. Проскурина, А. Рыбакова, Ф. Искандера и других, тиражи были вполне коммерческие. Почему с экранов телевизоров (а это самый чуткий индикатор присутствия деятеля культуры на информационном поле) сначала исчез серьёзный писатель-консерватор, а через несколько лет и приличный писатель-либерал?

Взамен эфир заполонили пипы, похожие на покемонов и рассказывающие в утренних и вечерних шоу о том, что они едят на завтрак, как обставили новую квартиру, как любят отдыхать и как избавляются от лишнего веса или целлюлита… Собственно литературные передачи исчезли вообще со всех каналов, если не считать «Культуру», ставшую своего рода эфирной резервацией с явным преобладанием экспериментальных автохтонов. Но даже это благо! А последняя поэтическая передача «Стихоборье», которую автору этих строк довелось вести на «Семейном канале», была закрыта в 96-м. Сразу после того, как в благодарность за поддержку на выборах распадавшегося прямо на глазах Б. Ельцина НТВ полностью отдали четвёртую кнопку.

Итак, почему? Увы, без политики тут не разберёшься. На мой взгляд, писатели пали жертвой своей традиционной для отечественной литературы (не важно, почвеннической или либеральной) привычки делиться с обществом тревогами и прогнозами, а также обидами за Державу. «Не могли молчать!» Консерваторы, упорно верившие в возможность модернизировать социализм, были удалены именно за это, ведь отечественные либералы, пришедшие тогда к власти, при слове «эволюция» зверели, предпочитая строить новое исключительно на руинах. Однако и писатели-демократы, повинуясь профессиональному завету, вдруг через какое-то время озаботились: «А куда, собственно, девался наш замечательный либерально-рыночный проект, которым мы хотели осчастливить недостойный народ России?» И в самом деле, то, что начала лепить команда «младореформаторов», с либерализмом имело общего не больше, чем садомазохизм с садоводством. Стоило совестливым писателям-либералам задать этот вопрос – и они выпали из телевизионного (а значит, из глобально-информационного) пространства вслед за своими супостатами.

Конечно, в эфире сохранили для приличия несколько знаковых литературных фигур, которым антисоветизм давно заменил как первую, так и вторую сигнальные системы. Но даже Солженицыну с его идеями обустройства России в телевизоре места не нашлось. Ведь, если помните, сопротивление подавляющей части общества «гайдарономике» и «прихватизации» в начале 90-х было настолько мощным, что выплёскивалось на улицы, собирая многотысячные митинги, и закончилось танковой пальбой в центре Москвы. В этой «реперной» точке новейшей российской истории достаточно было воздействия какой-то неучтённой, дополнительной силы – и развитие страны, не исключено, пошло бы по другому сценарию, например, по китайскому. Именно такой силой и могла, по-моему, стать отечественная словесность, писатели… Погодите снисходительно улыбаться над альтернативными фантазиями автора, а лучше-ка припомните, какую незаменимую роль сыграли писатели в крушении однопартийной политической системы да и в дискредитации советского проекта! Вспомнили? То-то…

Вот тогдашняя верхушка и решила: «Ну их, этих непредсказуемых властителей дум! Пусть пипл хавает пипов!» Ведь они абсолютно безвредны с политической точки зрения и даже полезны. Если какая-нибудь пипа и не может молчать, то исключительно о том, что сделала удачную подтяжку или разбила миленький газон перед загородным домиком. Не случайно, кстати, прочитав книжку какой-нибудь Дунайцевой, ты готов немедленно обнять и расцеловать всех богатых, даже заработавших свои деньги вопреки всем людским и божеским законам. А закончив очередной исторический детектив, хочется немедленно сменить родину или, на крайний случай, поменять прошлое «этой нелепой страны».

Очень похоже на манипуляции с тайным, 25-м, кадром, внушающим зрителю не просто жажду, а жажду пива, и не какого-нибудь, а определённой марки – от конкретного производителя. Кстати, пипы в своих книжках за дополнительную плату осуществляют product placement, т.е. рекламируют товарные бренды. И это давно уже никого не возмущает, даже наоборот – считается похвальной предприимчивостью автора, вполне возмещающей ему отсутствие литературных способностей. Один известный глянцевый журнал для мужчин, поместивший рецензию на «Грибного царя», совершенно серьёзно отругал меня за неточно указанное название фирмы, пошившей рубашку, в которую одет мой герой. Поразительно, но то, что это сознательная, пародийная, антирекламная неточность, рецензенту даже не пришло в голову. Увы, литературоведы, специализирующиеся на пипах, невольно превращаются в товароведов.

Но, допустим, какой-то пип вдруг ощутил в сердце писательский зов и восхотел, согласно профессиональному завету, глаголом жечь сердца людей. Пустое. Достаточно прекратить рекламно-маркетинговую поддержку – и он исчезнет с читательских глаз внезапно, как ложная беременность. А если ещё учесть, что права на имена-бренды зачастую принадлежат не авторам, а издателям, то и говорить тут не о чем! Никто даже не узнает, что под именем Алины Пташковой теперь пишет Устинья Татьяничева или наоборот. Вообще пипы напоминают мне специально выведенную породу абсолютно домашних кошек, у которых пушистость и мурлыкость доведены до идеала, но при этом полностью атрофированы когти и зубы. Однако это не мешает им занимать всё новые и новые культурные ниши.

Недавно мне случилось выступать перед читателями в областной библиотеке, и, повинуясь самолюбивому писательскому интересу, я заглянул в каталог, естественно, в ящичек с буквой «П». Там я с огорчением обнаружил, что самая свежая моя книжка поступила в фонд чуть ли не в начале 90-х. Тогда я стал просматривать персоналии своих товарищей по перу – Ю. Бондарева, В. Белова, В. Распутина, Ю. Козлова, С. Есина, П. Крусанова, М. Веллера… Результат тот же. Несколько лучше обстояло дело с постмодернистами, чёрными метафизиками, капрофагами и певцами наркотического расширения сознания, а также литераторами, имеющими особые заслуги перед общечеловеческими ценностями. Но и их книжки перестали поступать примерно с конца 90-х, когда Сорос прекратил свою странную, заслуживающую специального разбирательства поддержку российских библиотек. Зато легион пипов оказался представлен в каталоге всеми своими изданиями, переизданиями, доизданиями, в том числе и теми, на которых ещё не просохла типографская краска. А ведь речь идёт в основном о книжках, которые после одноразового пролистывания попросту выбрасывают. Почему наши библиотеки превращаются в «пипотеки» – отдельный вопрос. Я надеюсь, заинтересованные читатели «ЛГ», в том числе и библиотекари, выскажут свои соображения по этому поводу на страницах нашего издания…

Даёшь дедебилизацию эфира!

Итак, казалось бы, дело сделано: традиционная литературоцентричность российского общества разрушена. Писатель из властителя дум превратился в полумаргинального, плохо обеспеченного чудака, сделался чем-то вроде Эйнштейна без теории относительности. Но не надо забывать, что «опускание» писателей и возвышение пипов случилось в ту пору, когда воцарилась либеральная моноидеология, когда многим казалось, будто умный рынок вот-вот осчастливит глупый народ. Ещё оставалась иллюзия безболезненного врастания нашей страны в западную цивилизацию, а все разговоры про «особый путь» считались проявлением ксенофобского скудомыслия или черносотенной мечтательности. Но историческая реальность оказалась гораздо сложнее и мучительнее. Конечно, все пути ведут в глобальный мир, но каждая страна придёт туда своей особой дорогой и займёт там своё особое место. Не ясно это сегодня только людям, страдающим острой формой либерального слабоумия.

Да, сдача всех и всяческих позиций, геополитических, культурных, экономических, растаскивание общего достояния на куски, мгновенно заглатываемые новым широкогорлым классом, не требуют от народа ни моральной стойкости, ни размышлений, ни серьёзного чтения… Достаточно лишь длительного пребывания в состоянии паралитического изумления. Именно это состояние общества и обеспечивали в 90-е годы российские СМИ при самом активном участии телекидал, именуемых экспертами, смехачей, пипов и некоторых писателей-беспочвенников. Зато возвращение утраченного потребует, как писал Пушкин, «мыслей, и мыслей истинных». А живая мысль в России традиционно обитает именно в литературе и смежных с ней областях. К политологам, и особенно к политтехнологам, мысль залетает лишь изредка – подивиться тому, что этим людям с мозгами развратных тинейджеров доверена судьба страны.

Кстати, в отличие от своих великих предшественников большинство нынешних политиков (хотя есть и исключения) почти не читают серьёзную отечественную литературу. А если и читают… Причины кошмара 90-х мне стали гораздо понятнее, когда Б. Ельцин сообщил в телеинтервью, что «прочитал всего Сорокина». Читать, однако, следует нормальную современную художественную литературу, она (и российская история это многократно подтвердила) является столь чутким социально-экономико-морально-политическим сейсмографом, что может предсказывать будущие социумотрясения намного раньше, чем все эти фонды и институты, удивительно напоминающие незабвенную контору «Рога и копыта».

Вопреки известной пословице у входа в будущий глобальный мир встречать нас будут не по демократической одёжке, а по уму, по тому культурно-интеллектуальному потенциалу, которым обладает страна, разумеется, если он подкреплён и прочими потенциалами, особенно тем самым, который в предыдущий период так лихо резали автогенами «на иголки». А развернуть российское общество к «созидательному реваншу» (см. мою статью «Зачем вы, мастера культуры?». – «ЛГ», № 28, 29) с помощью кодирующих увеселений не удастся. Это невозможно в принципе. Надо снова научить общество думать, серьёзно читать и принимать консолидированные решения, ибо осознанный выбор – источник могучей исторической энергии, а выбор, навязанный по принципу «да-да-нет-да», рождает лишь запоздалую и потому особенно разрушительную ненависть.

Но как раз этим – обучением людей серьёзному, вдумчивому и ответственному отношению к жизни – всегда у нас занималась литература, которая неизбежно снова становится приоритетной областью национальных и государственных интересов. Кажется, и за кремлёвскими елями начали задумываться о снятии высочайшей опалы с отечественной словесности. Во всяком случае, членами Общественной палаты, смысл коей пока туманен, как взор затомившейся дамы, стали всё-таки несколько писателей, хоть и разновеликих. Подчёркиваю, не пипы, а именно писатели. И на том пока спасибо!

Следующий шаг – возвращение думающего и честно говорящего писателя (шире – просветителя) на экраны телевизоров. И это не частность, а главное, ибо, увы, мы теперь живём в таком мире, где люди едят, пьют, надевают и читают именно то, что видят по телевизору. Значительная часть общественной, политической, экономической и культурной жизни переместилась в виртуальное пространство, и это важная особенность современной цивилизации. Если тебя нет в эфире, то тебя почти нет в жизни. Пока, слава Богу, почти! Нынешняя телевизионная номенклатура определяет в нашей жизни не меньше, а возможно, и больше, чем в советский период определяла номенклатура партийная. И так же, как партноменклатура, теленоменклатура не хочет нести никакой ответственности за страну, на жизнь которой влияет столь решительным образом.

Все опасения теленачальников, что зритель заскучает от мудрёных разговоров и рейтинг упадёт, как потенция, поддерживаемая исключительно виагрой, абсолютно беспочвенны. Всякому нормальному человеку гораздо интереснее слушать умного и подготовленного собеседника, нежели детский лепет на отвлечённые темы поп-звезды, не научившейся толком петь даже под фанеру. Это не значит, что на экране не должно быть развлекаловки, конечно, должна! Но воля ваша, человека, запевшего на похоронах: «А ты такой холодный, как айсберг в океане…», тут же поведут к врачу. Зато телебарона, пускающего в эфир всем осточертевшего смехотронщика сразу вслед за сообщением о гибели в Чечне отряда спецназовцев, считают почему-то вполне нормальным и перспективным менеджером.

Кстати, о нормальности. Например, патриотизм – это норма, антипатриотизм – отклонение. Если не верите, спросите хоть американского негра преклонных годов, хоть нашего соотечественника, переехавшего на историческую родину. Так вот, один из парадоксов современного российского телевидения в том, что горстка людей, страдающих антипатриотическими отклонениями, вот уже скоро пятнадцать лет вещает на миллионы людей, обладающих нормальным патриотическим сознанием. Что в итоге? Ничего хорошего. В том числе – экстремистские сборища и ростки фашизма в многонациональной стране, победившей Гитлера… Вынужден тут самопроцитироваться. Лет двенадцать назад в одной статье я написал, что, смеясь над патриотизмом, очень легко досмеяться до фашизма. Так и вышло.

На меня, честно говоря, сильное впечатление произвели слова Сергея Иванова о дебилизирующей роли ТВ в современном российском обществе. Нет, не в силу их оригинальности. А в силу того, что он с властных вершин наконец произнёс то, о чём из своих маргинальных низин с начала 90-х вотще кричала серьёзная отечественная литература. Может, это всего лишь частное мнение министра обороны, иногда заглядывающего в телевизор и тихо столбенеющего? Или всё-таки услышали! И это долгожданное проявление коллективного государственного разума, осознавшего наконец, что с задураченным, нечитающим, разучившимся думать народом нельзя воплотить никакие серьёзные национальные проекты, а можно лишь играть в «Поле чудес». Но если наша историческая будущность – «поле чудес в стране дураков», то и следующим президентом тогда уж пусть будет у нас Якубович с подарками…

Центросоюз. 1929 год

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ: УБЫВАЮЩИЙ НАРОД («ЛГ», № 47)

Хотят ли женщины детей

Ещё несколько лет назад наше население убывало со скоростью миллион человек в год! Совсем недавно мы чуть-чуть отодвинулись от гибельного края – сейчас мы теряем примерно 800 тысяч в год. Но пока эта разница мало что меняет. *Каждые сорок секунд нас становится меньше на одного человека.* Это похоже на тикающие часы, на циферблате которых написан приговор России. Можно ли спасти страну от исчезновения? Специалисты утверждают – *совсем переломить тенденцию не удастся.* В этом нам не помогут ни мигранты, ни денежные дотации на детей, ни сокращение смертности. Ведь для сохранения нации нужно резкое и быстрое изменение к лучшему. А оно в одну секунду невозможно. И всё же, если предпринять экстренные меры, то можно замедлить процесс вымирания России. А значит, нам дан шанс.

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

В России, как выяснилось, слишком много ранних смертей! Особенно среди мужчин активного возраста, когда они должны стать отцами, обеспечивать семью. Можно ли требовать от людей, жизнь которых не ценится, брать на себя ответственность за детей?

...Городок металлургов Новотроицк живёт только за счёт того, что существует Орско-Халиловский металлургический комбинат. Это предприятие – градообразующее. Несколько лет назад там шла смена собственников, полгода рабочим не выплачивали зарплату. Чтобы удержаться на работе, люди не отказывались и от ночных смен. Случались и аварии: один раз в ночную смену люди заживо сгорели в раскалённом металле. Мой друг Александр Муленко, бывший металлург, потерявший здоровье и пишущий сейчас статьи в газеты, прислал мне фотографии: Новотроицкое кладбище, таблички на могилах. На них даты рождения и смерти. Смотреть на это тяжело: слишком много могил, в которых похоронены мужчины сорока–пятидесяти лет.

Сколько таких в России? Сколько до срока умерших людей? Кто-то погиб в Чечне, кто-то умер от болезней, перегрузок и переработок, вечного стресса в поисках средств, чтобы прокормить семью, так и не дожив до пенсии, скоропостижно скончался от инсультов или просто погиб от рук местных бандитов.

А теперь – простая арифметика. Предположим, нам удастся устранить хотя бы три главные причины ранней смертности в России: сердечно-сосудистые заболевания, бытовые драки и смерть от алкоголизма. Предположим, что мужчины в расцвете сил перестанут погибать в горячих точках и бандитских разборках. Заодно исчезнут с прилавков бутылки суррогатного алкоголя, а наши правоохранительные органы станут надёжной защитой жизни россиян.

Что мы получим в итоге? Социологи подсчитали: **нам удастся сохранить как минимум 200 тысяч жизней в год!** Это четверть от ежегодной убыли населения! Причём мы сохраним людей в возрасте сорока–пятидесяти лет. По мнению социологов, ещё 200 тысяч прибавки могло бы дать повышение рождаемости. Таков нынешний потенциал России. А вместе это уже половина от наших ежегодных потерь.

ОДНА СЕМЬЯ – ТРОЕ ДЕТЕЙ!

Не один год Россия ищет свою новую национальную идею. В эпоху Гайдара был выдвинут лозунг «Обогащайтесь!». Помню, как в середине девяностых в одной из передач радиостанции «Ракурс» в качестве рекламной вставки транслировался этот самый лозунг, насмешкой брошенный в лицо обнищавшему населению. Зато эта идея гайдаровских экономистов нашла отклик в душах «приватизаторов» той эпохи. А Россия в то время тихо вымирала, и сейчас мы видим результат тех лет.

Жизнь сама подсказала «русскую национальную идею» – каждый выживает как может. Не рассчитывая на государство. Но если серьёзно, то идеей может стать крепкая многодетная семья.

В России показатель рождаемости около 1,3. Это означает, что в среднем в российской семье один ребёнок, и примерно в каждой третьей – двое. Для сохранения страны этот показатель должен быть примерно 2,2. Но если учесть запущенность проблемы, то актуальным становится лозунг **«Одна семья – трое детей!»**. Так считают социологи. Этот простой лозунг можно было бы сделать национальной идеей.

Но хотят ли русские женщины иметь столько детей?

На детской площадке одного из микрорайонов юго-запада столицы я встретила молодую маму с коляской. Ольга оказалась студенткой пятого курса, её дочке Леночке – полгодика. Муж Ольги три года назад окончил институт, он – менеджер, работает в совместной с итальянцами фирме. Сейчас его зарплата – 800 долларов, и есть перспектива роста.

– Как вы относитесь к лозунгу «Одна семья – трое детей»? – спрашиваю я Ольгу.

– В целом неплохо. У меня нет братьев и сестёр, и мне их не хватает. А у бабушки была большая семья, четверо детей. Они переехали в Москву из Курской области, в её годы в деревнях такие семьи были обычным делом.

– А вы готовы в перспективе завести троих детей?

– Пожалуй, нет. Я не хочу становиться домохозяйкой.

– А на кого вы учитесь?

– Буду переводчиком. Муж обещал помочь устроиться в свою фирму. А ещё я хочу посмотреть мир, и, когда дети подрастут, мы будем ездить вместе, я хочу, чтобы они видели разные страны, ведь наши бабушки этого не видели.

Желание получить профессию часто становится причиной того, что женщины не хотят заводить детей. Последняя перепись населения в России показала: у нас женщин с высшим образованием больше, чем мужчин. Среди моих университетских подруг большинство имеет одного ребёнка. И большинство – в разводе. Воистину – горе от ума.

Есть и одна более удачливая подруга, у которой двое сыновей и растёт внук. Но она отказалась от науки почти сразу после окончания МГУ, стала домохозяйкой, а её муж сейчас – директор успешного института. «Европейки» тоже жертвуют детьми, чтобы сделать карьеру. Но главные причины проблемы с рождаемостью у нас другие. Для кого-то работа – это самореализация, как, например, для Ольги. Но в России в отличие от богатой Европы чаще карьера нужна как гарантия материальной независимости женщины.

Если государство обеспечит такие гарантии, россиянки готовы поставить семью во главу угла.

Фонд «Общественное мнение» недавно провёл опрос 1500 человек в разных областях и регионах России. Оказалось, что существует большой разрыв между желанием иметь детей и реальным положением дел. Опрашиваемым был задан вопрос: «Сколько бы вы хотели иметь детей, если бы у вас были для этого идеальные условия?» Ответы поразительны: почти половина (44 процента) хотели бы иметь двух детей, почти треть (27 процентов) согласны завести трёх, а четверть – иметь не менее четырёх детей!

Это означает, что лозунг «Одна семья – трое детей» вовсе не из области фантастики.

Игорь ГОНЧАРУК

Но реальность пока иная: среди наиболее молодой части опрошенных (до 35 лет) только каждый третий хочет иметь детей. Половина же не планирует рождение ребёнка в ближайшее время.

В качестве основной причины низкой рождаемости назвали уход государства из сферы поддержки материнства и детства.

ПОЧЁМ НЫНЧЕ ПАМПЕРСЫ?

Сказать, что в России пособие на детей самое низкое – мало. Оно несопоставимо с элементарным здравым смыслом. Пособие на ребёнка в России с 2001 года для малоимущих семей составляет аж... 70 рублей! Пару пакетов молока и пара буханок хлеба!

На улицах Москвы я обратилась к нескольким молодым парам, прогуливавшимся с маленькими детьми в один из выходных дней. На мой вопрос: «Во сколько вам обходится содержание ребенка?», ответы были похожи.

– Не помнишь, сколько мы потратили за эти две недели? Кажется, половину твоей зарплаты? – Светлана вопросительно смотрит на мужа.

– Ну да, – отвечает Игорь. – Понимаете, реально ребёнок обходится дороже, чем взрослый. В месяц тысяч восемь выходит.

Это означает, что если вы – одинокая мама или просто ваша семья малообеспеченная, то только на пособия в большинстве случаев и в подавляющей части регионов страны ребёнка вам не прокормить.

Известно, что Европа вымирает. И очень серьёзно относится к этой проблеме. Системы социальной поддержки в большинстве развитых стран похожи: пособия на детей получают все семьи вне зависимости от дохода. Оно составляет примерно 200 долларов. Иногда немного больше.

Вот только один пример.

Мы много говорим про «шведский социализм». Но Швеция – удивительная страна, её можно назвать «страной победившего феминизма»!

Здесь пособие составляет 850 крон в месяц, по европейским меркам негусто, но всё же на эти деньги можно прокормить дитя. На детей из неполных семей вы получите раза в полтора больше. Если в семье родился ребёнок, оба родителя имеют право на 450 дней оплачиваемого отпуска. Причём его может взять как муж, так и жена. Или поделить дни отпуска между собой. Но один месяц с ребёнком обязательно сидит отец! И можете не переживать, когда ваш ребёнок начнёт взрослеть: государство поддержит вас, пока ему не исполнится 18 лет.

Россия относится к странам Северной Европы, входящим в межгосударственный Арктический совет и проводящим согласованную семейную политику. Все страны этого совета приняли на себя полную ответственность за детей. Все кроме России: наше государство практически самоустранилось от этой проблемы.

МОСКОВСКИЙ ФЕНОМЕН

В отличие от других регионов страны в Москве начиная с 2000 года рождаемость растёт каждый год! Можно уже говорить о московском феномене. И в этом большая заслуга московских властей.

Ольга, о встрече с которой я уже писала, рассказала о том, что в её студенческой группе есть молодая семья, в которой недавно появился малыш.

– Праздновали всей группой! А после рождения молодые получили от властей города около тридцати тысяч!

Москва не в последнюю очередь – это город молодёжи и студенчества. Учитывая это, московские власти предусмотрели специальную программу поддержки молодых родителей в возрасте до тридцати лет. Если доход семьи на человека меньше прожиточного минимума, то помимо общего для всех пособия в 2000 рублей такая пара получает ещё надбавку в 5 прожиточных минимумов (сейчас он в Москве составляет около 4200 рублей). Если это – второй ребёнок, то надбавка вырастет до семи минимумов, за третьего – до 10. Плюс федеральное пособие.

– А жить молодым есть где? – продолжаю я расспрашивать Ольгу, зная, как трудно молодой семье решить эту проблему. И сколько во времена моей молодости распалось студенческих семей из-за того, что не могли ужиться с тёщей или свекровью, или просто уставали от тесноты общежитий!

– Они пока живут у родителей мужа, но там, в двухкомнатной квартире, уже пять человек. Ребята слышали, что для таких семей есть московская программа по жилью, нужно лишь внести от 10 до 30 процентов первоначального взноса.

Такая программа действительно существует и называется *«Молодой семье – доступное жильё»*. Семья может стать участником программы, если возраст обоих супругов не превышает 30 лет, они оба прописаны в Москве, а продолжительность их брака не превышает трёх лет (в случае рождения в семье детей последнее ограничение снимается). Участником программы может стать и неполная семья с детьми, в которой мать (или отец) младше 30 лет и постоянно проживает в столице. Сегодня в столице насчитывается около 18 тыс. семей, имеющих возможность воспользоваться молодёжной программой.

Ежегодно по программе жилья для молодых строилось примерно 200 тысяч кв. метров жилья. Как недавно заявил мэр Москвы Юрий Лужков, объёмы жилья для молодёжи будут каждый год увеличиваться ещё на 100 тыс. кв. метров. В целом вместо запланированных 12,3 тыс. квартир мэр обещает построить в полтора раза больше.

Уже сейчас существуют целые молодёжные микрорайоны, в которых возникли и свои проблемы. Так, например, в районе Кожухово в одном из кварталов расположено сразу восемь домов, где жильё получили молодые семьи. В результате через несколько лет в этом квартале, по словам мэра, «потребуется строительство аномально большого количества детских садов, школ и детских поликлиник, которые через 15–17 лет снова начнут пустовать». Так что в ближайшее время молодые семьи получат жильё и в других районах Москвы.

Второй этап программы «Молодой семье – доступное жильё» предполагает ряд нововведений. Планируется предоставлять внеочередное право на покупку или получение квартир молодым семьям, у которых родились двое или больше детей одновременно. Кроме того, льготы получат родители трёх и более детей. При этом для этих граждан размер первоначального взноса может быть снижен с 30 до 10 процентов от стоимости жилья.

Участвовать в программе наравне с молодыми семьями-очередниками теперь смогут и некоторые категории горожан, не стоящих в очереди на квартиру. Например, семьи молодых преподавателей и аспирантов государственных вузов столицы, рекомендованные Советом ректоров вузов Москвы и Московской области. Причём для этих семей возраст ограничен 35 годами, а не 30, как для остальных.

По оценке московских властей, в ближайшие 3 года около 65 процентов молодых семей очередников будут покупать жильё с рассрочкой платежа, а ещё 10 процентов получат квартиры на условиях найма. Остальные квартиры пополам будут распределены между попавшими в эту программу неочередниками (работниками бюджетных организаций и научными работниками) и пайщиками молодёжных жилищно-строительных кооперативов.

ЕСЛИ ВЫ НЕ МОЛОДЫ

Ну а если вы уже не молоды? Всё равно москвичам просто везёт в том, что они живут в Москве, где о них позаботились городские власти!

По нашей просьбе Департамент социальной защиты населения города Москвы предоставил данные о детских пособиях. Они впечатляют – несколько таблиц с цифрами. Это – надбавки к общефедеральным выплатам. Здесь – и одинокие мамы, и дети тех, кто уклоняется от алиментов, и многодетные семьи, и просто небогатые люди. Помощь – не только деньгами. Например, детям из многодетных семей до 2-летнего возраста производится бесплатный отпуск молочных продуктов, если они достигли школьного возраста, то им предоставляется бесплатное двухразовое питание в школе, бесплатный проезд на городском транспорте. Такие семьи получают скидки по оплате за содержание детей в государственных детских садиках и по оплате за жильё и коммунальные услуги.

Прикидываю разные жизненные ситуации и понимаю, что и этого недостаточно. Видимо, понимает это и правительство Москвы, которое обещает с 2006 года увеличить эти пособия. И всё же даже 300 рублей для одиноких мам, обещанные в новом варианте, не решат проблемы такой неполной семьи. Или 2000 рублей в месяц на семью с десятью детишками, родители которых живут только на пенсию. Но всё же на сегодняшний день московские надбавки – это лучший вариант по сравнению со всеми другими регионами страны.

Среди многодетных семей столицы появились и богатые семьи. В этом кругу стала входить в моду большая семья. Кстати, если московская семья обзаведётся сразу тройней, «от мэра» она получит 13 тысяч рублей. Это помимо федеральных выплат.

Москва, конечно, не вся Россия. Но, возможно, именно столица первой приходит к тому, к чему должна наконец прийти вся Россия.

Виолетта БАША

ПОЛЕМИКА: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Две ветви одного дерева

Чего только не случается в полемическом угаре! Игорь Яковенко в статье «Страница перевёрнута» («ЛГ», № 48), утверждает: «Контрольная точка формирования интеллигенции – возникновение славянофилов и западников. Последнее поколение, целостно выражающее интеллигентское сознание, – шестидесятники прошлого века. Писатели-«деревенщики», пришедшие на пятнадцать лет позже шестидесятников, не составили поколения и стали отзвуком интеллигентского мифа в его славянофильской версии».

Всё неправда! Прежде всего, что это за «контрольная точка»? Звучит почти, как «контрольный выстрел». Интеллигенция в России формировалась отнюдь не спонтанно и не благодаря, а вопреки возникающим время от времени группам и течениям. Лучших представителей её называют «аристократами духа», поскольку понятия «национальное самосознание» и интеллигенция взаимосвязаны.

Яковенко же подливает масло в огонь: сталкивает лбами два литературных и общественных явления, так ярко заявивших о себе в культурном пространстве России в XIX и XX веках, – славянофилов и западников, шестидесятников и «деревенщиков». К тому же Яковенко «сдвинул» «деревенщиков» аж на 15 лет, в 70-е, что в принципе не верно, так как возникли они в 50-х. Да и сами шестидесятники вряд ли согласятся со столь сомнительной ролью, отведённой им Яковенко в интеллектуальном процессе, ибо трудно понять, что это за категория – «интеллигентское сознание»?

Неужели профессор Яковенко не читал или хотя бы не слышал о Валентине Овечкине, Ефиме Дороше, публицистах, которые уже в 50-е, а потом в 60-х честно и смело писали о проблемах сельского хозяйства, о нерадивых хозяйственниках и партийных чинушах не газетным «языком плаката», а публицистически заострённо, как это делали русские писатели XIX века? Шестидесятники ещё только оперялись, а деревенская литература мощно, напористо шагала по просёлочным дорогам страны. В 1952 году в «Новом мире» были опубликованы «Районные будни» Валентина Овечкина. Держа в руках сигнальный номер, Александр Твардовский произнёс: «Ну теперь поплыло!..» Вслед за овечкинским очерком последовали другие, расширявшие и углублявшие совершённый им порыв в изображении реальной сельской жизни. Среди них была и первая часть «Деревенского дневника» Ефима Дороша. Он же, Ефим Дорош, с восторгом отозвался о «Привычным деле» тогда молодого вологодского писателя Василия Белова. Один за другим шли Владимир Солоухин, Юрий Нагибин, Сергей Залыгин, Юрий Казаков, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Василий Шукшин и другие писатели. Все они вместе с Василием Аксёновым, Владимиром Максимовым составляли цвет тогдашней интеллигенции.

Да, кровная связь между «деревенщиками» и великими предшественниками прочерчивается особенно на славянофильском замесе. Что ж тут плохого? Они, «деревенщики», с одной стороны, подхватили знамя крестьянского романтизма русских писателей XIX века, а с другой – по силе художественного воздействия и гуманистического пафоса – встали на равных с Фёдором Достоевским, но с собственной любовью и собственным сочувствием к униженному и оскорблённому человеку земли.

В наступившей эпохе потепления созревали одновременно две ветви одного дерева национальной литературы. И противопоставлять их, что делалось в последующие 70-е годы, в корне неверно.

Сергей ЛУКОНИН

Взгляни на себя в зеркало

Казалось бы, всё просто: спроси себя, на чьей ты стороне – простого народа или богатства *(личного достатка, благополучия, спокойствия, близости к власти, к экрану ТВ, прессе, т.д.)*, и получишь ответ на вопрос, интеллигент ты или нет.

Однако здесь мы выходим к одной таинственной струнке человеческой души: почему же так хочется причислять себя к интеллигентам людям, не имеющим к этой категории никакого отношения? Интеллигент – это что, некоторая награда?

И ответ прямой: да, это награда. Здесь скрывается главная тайна притягательности этого слова и «тайной войны» вокруг него. Ибо это – награда благодарного простого человека, народа, истории.

Желание многих интеллектуалов быть «причисленными» к интеллигентам исходит из глубоких моральных оснований признания и благодарности интеллигентам за участие в судьбах других людей. Но чтобы иметь право на такую (часто молчаливую) благодарность, порой перераставшую в благоговение перед учителем или врачом в деревне, нужно это право заслужить своей позицией, поступками, делами. Причём отнюдь не позицией «меценатства» (а то так недолго возвести в ранг главного интеллигента какого-нибудь Абрамовича), а позицией, пронизанной уважением к простому человеку и готовностью разделить его историческую судьбу.

Именно отсюда исходит тайное желание многих интеллектуалов назваться интеллигентом. Правда, многим хочется несовместимого – и жить только для себя, и иметь народное признание и признательность.

Истинная интеллигенция в России – не миф, а неотделимая от неё социальная реальность, определяемая существом русской традиции. Интеллигенция будет жива до тех пор, пока не исчезнет сама русская культура. Другое дело, что количество людей, готовых к служению народу (их «процент» от интеллектуалов) колеблется от эпохи к эпохе. Однако оно никогда не равно нулю, вне зависимости от того, показывают их по ТВ или нет, пишут о них или говорят лишь о катастрофах и бандитах.

Александр СЕЛИВАНОВ,
доктор философских наук, профессор

ГРИМАСЫ ЖИЗНИ

Как стать Моной Лизой

Жить стало лучше. Жить стало веселей. Вот заходишь в аптеку и видишь в продаже препарат с названием «Санта-Русь». «Санта» – для тех, кто не в курсе, – транслитерация католических названий и означает «святая», «святой»: бывает Санта-Мария, бывает Санта-Клаус. Уж если «Русь», так «Святая». Но как-то не идёт. Ведь лекарство-то от поноса! Какая философская мысль при этом была в голове тех, кто изобретал название? Зато раскидисто, широко, с диалогом Запада и Востока.

Вообще с названиями лекарств творится ныне что-то чрезвычайно литературное. «Виардо» и «Медный всадник» – лекарства от простатита. «Золотой конёк» и «Красный корень» – от импотенции. «Мадонна» с картинкой рафаэлевской Богоматери с младенцем – витаминно-минеральный комплекс. «Санта-Русь» органично смотрится в этом ряду.

Заглянешь в винный отдел продмага, шикарно ныне именующегося *шопом*, и видишь молдавские вина «Душа монаха», «Старый монах». И в каком это смысле вино – «душа» клирика? В смысле «истина в вине»? Так, впрочем, думали римляне-язычники, христиане придерживаются на этот счёт несколько иного мнения.

Зато романтично. Правда, когда скажешь приятелю, что выпил «душу монаха», как-то серой тянет. А вот ещё «Исповедь грешницы красное полусладкое» и «Исповедь грешницы белое полусладкое». Красная исповедь почему-то стоит дороже белой.

На московских улицах в течение долгого времени висели растяжки «От пожара спасёт Неопалимая Купина и служба 01». Может, и теперь висят. Сегодня, видимо, и пожарники уповают не на профилактику и современные средства тушения – зачем, если можно воззвать к Купине Неопалимой, которая, как известно, горела и не сгорала?

Стремление к высокому и красивому – в крови у нашего человека. И побольше, побольше. Цветы мы обожаем, например. Сколько спето песен про ромашки, лютики, миллион алых роз. София Ротару в телефильме «Монолог о любви» говорит, что, исполняя песню, она чувствует, будто на о д н о й ветке расцвели акация, горная лаванда, розы и ещё что-то, а *«ветка – это я»*. Просто мичуринское чудо.

А исполнительница новейших времён прямо так себя и назвала – Жасмин. И в одном интервью без кавычек и напрямик говорит: «Просыпаюсь всегда со словами: «Нас ждут великие дела!» Сегодня, например, сразу отправилась заниматься аэробикой с тренером». Это, конечно, дело великое. Думаю, тому французу, которого, как известно, гувернёр будил словами: «Вставайте, граф. Вас ждут великие дела», такая *великость* и не снилась.

А фотки какие пошли – нам и не мечталось. Хочешь – Моной Лизой тебя заделают, даром что Клава из Урюпинска. Хочешь – Давидом микеланджеловским, будь ты хоть Ваней, хоть Колей. Старая провинциальная фотомастерская отдыхает. Там ведь как было? Русалка или горец на заднике, клиент голову вставлял в прорезь и фотографировался. Отстой. А сегодня?

Одна столичная художница почин дала. Известнейших звёзд наших одела, загримировала, подретушировала, в тела персонажей классической живописи всунула – замечательно пиаровский проект получился. Все в восторге. За ней и провинция потянулась. По этой же технологии всю элиту свою краевую отработали. Вы подумали, что перед вами портрет сеньоры работы Гойи, «Святое семейство» кисти Рафаэля, что это княгиня Голицына или мадам Рекамье? Ан ошибочка вышла. Это жена губернатора, любовница губернатора, кума губернатора, матушка губернатора. Подруга детства мэра или префекта. То есть тело и антураж – ихние, музейные, а головы – нашенские!

Александр КАРЗАНОВ

Этот снимок сделан в селе Большое Болдино в дни празднования 200-летия поэта.

...Россия на протяжении веков была логоцентричной страной, здесь Слово понимали и чувствовали – даже неграмотные крестьяне, даже калики перехожие. И молились свято, и бранились страшно – в соответствующих пространствах, адекватных хвале и хуле. Было понятно, что человек, не чувствовавший этих рамок, – исключение, бесноватый, дурак. Или блаженный, видимым нарушением принятых норм утверждавший основы веры парадоксальным образом.

Сегодня как-то не видно ни дураков, ни блаженных. Одни, имея в качестве идеологического ориентира пресловутую политкорректность, сами отнюдь не политкорректны. Другие полагают, что уважение к теме спишет любые ляпсусы.

Неладно что-то с нашим королевством. И язык здесь – диагноз.

Анна ЯКОВЛЕВА

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

У каждого свой ад

Самоубийц хоронят на перекрёстках больших дорог... Почему-то эта фраза напугала меня до дрожи – в детстве, когда никаких самоубийц я не знала, больших дорог в таёжном краю не видела и в то, что жить мы все будем вечно, верила безоговорочно. Я долго обходила стороной перекрёстки – боялась остаться в них навсегда.

Почти семнадцать лет меня мучил один и тот же сон. Отец стоит на краю пропасти, не замечая, что под его ногами ползёт земля и осыпаются камни. Я бегу к нему, кричу, молюсь: успеть, успеть! И – не успеваю. Один психотерапевт сказал мне, что дети самоубийц не могут быть полноценными людьми. Наверное, это правда.

Иногда я ненавидела отца – за еженощные слёзы мамы, за сестрёнкины страхи, за мои сны. За то, что никто на свете не мог заменить нам его. За то, что он ушёл, а мы остались навеки виновные: жена и дети самоубийцы. Мы боялись говорить о нём с чужими, храня постыдную и страшную тайну. Мы пытались не говорить о нём между собой, потому что каждое упоминание кончалось слезами и истериками. Но молчать о нём было ещё труднее.

Иногда я любила его больше прежнего, и не было для меня ничего дороже открытки, надписанной скачущими, знакомыми до слёз буквами: «Девочка моя дорогая...» Все эти годы я знала, что была виновата в его смерти. Я притягивала к себе беды – это была самоказнь. Думала, так будет легче ему там, между кругами ада. Мне хотелось жить, но я вскрывала вены – надеялась понять, что чувствовал он, умирая. Всё казалось: чуть-чуть, и уловлю что-то важное, всё время ускользающее... Самоубийство – сила или слабость? В последнюю минуту на свете он прощался с нами или отчаянно ждал нашего прощения?

ОН БЫЛ ПОЭТ

Мои юные родители поженились, едва окончив школу. Отец – тогда просто Санька, боксёр, хулиган и поэт – уговорил регистраторшу расписать их через неделю после того, как ему исполнилось 18. Надоело бить морды ухажёрам, отирающимся вокруг Галки, своенравной тихони с каштановой косой и чуть раскосыми тёмными глазами, доставшимися неизвестно от каких предков.

Оба были почти сиротами при живых матерях и сгинувших где-то папашах. Недобрав любви, старались сделать нашу семью дружной и прочной. Это была их единственная крепость в мире. Меня учили быть честной и порядочной, верить в людей и помогать слабым. Вещи в нашем доме не держались – мама с папой отдавали их тем, кому нужнее. Им было неловко жить лучше других. Скитаясь по разным точкам Союза в поисках «своего» места, родители непременно оставляли в школах часть домашней библиотеки – сеяли разумное, доброе, вечное. Им казалось, что так должны поступать учителя. И я думала: так живут все.

Помню их лет с четырёх. Мама – уже без косы, тоненькая, с детскими плечиками – почти ничего не ела, всё оставляя нам, потому что на жизнь не хватало ни стипендий, ни отцовского «строительного» приработка. Она не плакала, когда я, светясь от гордости, приволокла с помойки одноглазую куклу. У нас не принято было лить слёзы. Мы вместе отмыли целлулоидную красотку в ванне и долго пытались изобразить на её голове причёску из оставшихся волос. На другой день отец – сильный и всемогущий – вырезал мне целый кукольный театр из листа пенопласта. Лису и волка, Буратино и Мальвину... Мы ставили домашние спектакли...

А потом вдруг стало трудно дышать в нашем доме. Никто, конечно, не рассказывал мне ни о чём, но я поняла враждебное слово «она». Что пережила тогда мама, знает только Бог. Отец – он был поэт, он не выносил обыденности! – напился до бесчувствия. Первый и последний раз в жизни. Мы были в гостях, он лежал на кушетке, красивый и длинноногий. Чужой дядька бил его по щекам, а я рвалась из маминых рук, захлёбываясь криком: «Не делайте ему больно!»

ВЕРА В ЛЮБОВЬ

В угол он поставил меня лишь раз, когда я примчалась жаловаться на драчливого ухажёра лет пяти. Велел больше не ябедничать и бить всегда в нос. Я стала отчаянной драчуньей. Правда, девчонок никогда не трогала: папа сказал, что нет ничего подлее, чем ударить женщину. Я, трясущаяся от сквозняков «соломинка», как говорила мама, мечтала быть мальчишкой. Отец, всё своё голодное послевоенное детство боровшийся с туберкулёзом, поставил меня на лыжи – учись быть сильной! Когда на дистанции переставали слушаться ноги и в горле отчётливо ощущался привкус крови, сжимала зубы: «Не подведу тебя, папочка». Мама, ужасаясь, лечила мои стёртые ноги, но не спорила. Рассердилась только, когда я, не сумев сильно прижать к плечу ружьё, разбила ключицу прикладом. На охоту мы всё равно ходили вдвоём с отцом, но моими трофеями перед мамой больше не хвастались. Потом у нас родилась Юлька, и пришлось всё же заняться девчачьими делами.

Родители казались мне на удивление похожими на детей, которых учили, – бесхозяйственные, бесшабашные. Нянчиться не умели совершенно! Они ничего никогда не копили, наверное, тоже верили, что жить будут вечно. Отец называл нас лучшими в мире девчонками, дарил ромашки и возил кататься на машине.

Десятый класс я заканчивала в посёлке, затерянном среди тайги, – родителей бросили на «подъём» местной школы. Посёлок, куда только вертолётом можно долететь, и сейчас, говорят, похож на маленькое государство со своими законами, не всегда совпадающими с Уголовным кодексом. «Яма», – называл его отец. Первого сентября мы сфотографировались перед нашей школой: обнимаемся вчетвером, держа в руках охапки цветов. А вскоре опять началось «это» – отец уезжал вечерами, забывая про мои соревнования и не слыша маминых просьб. И, конечно, весь посёлок уже всё знал. Кроме мамы. Я догадалась раньше, когда ночью вышла открыть дверь и увидела странно косящие, виновато-вызывающие глаза отца. Даже не думала, что мой папа может так смотреть.

Исповедь

И опять стало тягостно в доме. И страшно было ходить в школу, где одноклассники смотрели с нездоровым любопытством, и страшно было возвращаться домой к потерянной осунувшейся маме. Мне приснился кошмар: я открываю дверь, а на крюке в прихожей висит удавленник с распухшим и жутким лицом. В доме поселился странный запах, будто где-то в углу разлагался труп.

Мама стала медленно умирать. Она двигалась, как сомнамбула, ничего не ела. И молчала. Я любила их обоих, жалела и стыдилась. Но ничего не делала. А должна была. Должна – ведь я умела давать сдачи в отличие от мамы. Единственное, до чего додумалась, – налила в валенки воды из колодца и села на лавочке, ожидая, когда ноги примёрзнут к земле. Надеялась, что моя болезнь оживит маму и вытянет из ямы отца. Почти обледенела, но не схватила даже насморка.

Мама всё-таки сорвалась. «Убирайся!» – кричала она, швыряя в отца посудой. Подушка, натянутая на голову, не помогала – невозможно! Невозможно было не слышать, как они зачёркивали все наши счастливые годы. «Да разводитесь вы!» – не выдержав, завопила я, вылетев из спальни.

Они повернули разом совершенно одинаковые лица – серые, застывшие, бессмысленные. Похоже, пытались вспомнить, кто я такая и что означает слово «развод». Отец ударил меня. Тяжело, наотмашь, по щеке, как бьют подлецов. И пока я поднимала голову, во мне сломалась вера в него, в людей, в любовь и счастье. Во всё, чему он учил меня. «Ты мне больше не отец», – сквозь зубы процедила я. Я умела давать сдачи.

Маму увезли в больницу, а я перестала говорить отцу «доброе утро» и бросила тренировки. Старалась не сталкиваться с ним в кухне – сводило скулы от отвращения. Через неделю врач сообщил, что у мамы опухоль, не поддающаяся лечению. Врач был друг семьи. «Если она умрёт, в этом будешь виноват только ты», – это он сказал отцу по секрету, но я, конечно, подслушала. Вечером отец позвал нас с Юлькой кататься. Подъезжая к дому, отец резко затормозил. Спросил, будто решившись: «Дочь, если меня не будет, вам станет легче?»

«ЕСЛИ МЕНЯ НЕ БУДЕТ»

Я поняла сразу: не мозгами, животом – он говорит о другом. Уехать – было бы слишком очевидным и слишком невероятным выходом. Но почему-то легко согласилась, убедив себя, что потом, когда всё пройдёт, мы снова будем все вместе. Я была его последней надеждой, его плотью и кровью. И подписала ему приговор.

Он не спал всю ночь. Я слышала, как он ходит, пьёт воду, тяжело дышит. К утру задремала, спрятавшись под одеяло от трезвона будильника. Наверное, он ждал, что я встану... Проснулась от тяжёлого стука в соседней комнате. Отец лежал на ковре лицом вниз и хрипел. Я даже засмеялась, решила, что он пьян и всё пройдёт, как тогда, в детстве. Подошла по ковру, который оказался почему-то мокрым и липким, опустилась на колени, подсунула руки под грудь, чтобы перевернуть... Он всхлипнул – изо рта толчками стала выходить кровь. Уже всё понимая, но не желая ничего понимать, включила свет. Увидела ружьё на полу и красные брызги везде: на стенах, потолке, на моих руках и коленях.

Что было потом, помню плохо. Испуганный шёпот сестренки: «Кто его так, Наташа?», её босые ножки, утонувшие в кровавом ковре. Белое лицо соседа, судорожно тянущего на себя ружьё. Синие глаза следователя. Полувскрик полуживой мамы, с трудом приподнявшейся на больничной койке: «Он умер, доченька?» Рука врача на моём плече: «Будь мужиком, Наташка. Будь мужиком».

Когда его несли на кладбище, встряхивая на ухабах, я думала только одно: «Не делайте ему больно». Нам не разрешили некролога в газете, оркестра и речей над могилой. А когда мама всё же вышла из больницы, она не могла позволить себе умереть, оставив нас с сестрёнкой одних на белом свете.

ДВЕ СМЕРТИ

Не прав был Данте – нет никаких семи кругов, и души самоубийц не мечутся между ними в поисках успокоения. У каждого из нас свой ад. Мы создаём его сами: каждый свой собственный, личный ад. Почти семнадцать лет после смерти отца я металась между этим светом и тем. Хотелось жить – и не было на это права. Почти семнадцать лет не могла его простить за то, что сделал меня преступницей. Когда он застрелился, мне тоже было почти 17. Я отрабатывала свой грех ровно столько, сколько прожила рядом с ним. Потом *умерла*. Очень просто – вдруг ни с того ни с сего потеряла сознание и впала в кому. Консилиум, констатировавший две клинические смерти – одну за другой, рекомендовал направить биологическое тело для дальнейшего исследования в лабораторию. В морг то есть. После чего «биологическое тело» немедленно начало «воскресать». Никто ничего не понял. Кроме меня.

Мне кажется, люди никогда не умирают от болезней или старости – они просто устают жить. Любая смерть – самоубийство. Пуля убивает скорее, чем мысль, только и всего. Ад – это знать, видеть, чувствовать, как мучаются твои родные. Почему я заметила это только в коме? Они оба были со мной. Позже я узнала, что маму в реанимацию не пускали. А отцу, наверное, пропуска не нужны. Они *сидели* возле меня, *говорили* со мной и друг с другом. *Я их всё-таки соединила*. Оживила маму – она больше не плачет ночами. Вытянула из ямы отца – он больше не снится нам. Не потому, что мы забыли его, а потому, что и к нему наконец пришёл покой. Мы больше не мучаем друг друга – просто любим.

Я поверила в Бога и не хожу с тех пор в церковь. Бог – внутри, а не снаружи. Не нужно было отцу прощение Всевышнего – жизнь человека принадлежит только ему и только тем, кого он любит. И прощения он ждал только нашего, и нашей только любви. Я видела свет. Врач объяснял что-то про галлюциногены и реакцию зрачков. Наверное, это правда. Но свет дал мне новую, *третью жизнь*, в которой я перестала быть палачом и жертвой, судьёй и подсудимым одновременно.

Теперь я заглядываю в чуть раскосые тёмные глаза моей маленькой дочери и удивляюсь: какое это чудо – жизнь. Я вижу в них тот же свет, и ни при чём тут реакция зрачков. Я знаю, от меня зависит, гореть любви или гаснуть.

Я больше не боюсь перекрёстков. И всё же обхожу их стороной – не хочу топтать чужие судьбы.

Галина СИБИРКИНА,
ИРКУТСК

НРАВЫ

Озорные девчонки

«Дорожницу» Лену Колчину оперативники «брели» буквально с колёс: шестнадцатилетнюю девицу опекуны возили по трассе в фургоне КамАЗа, оборудованном под секс-салон.

Ах, как радовались жители местной глубинки, когда встали над Волгой и Свиягой железобетонные мосты и сбежала с крутобережья широкая лента автотрассы! Ещё бы! Столько лет мучались от бездорожья – не выбраться ни в ту, ни в другую сторону. А тут – и асфальт, и мост, и заправки. Да ещё и шикарный мотель близ деревни Бурнашево построили – с баром, с рестораном. И назвали весело: «Озорные девчонки». Не с этого ли всё и началось?

Что привнесла в жизнь-бытие небольшой деревни Лесные Борквaши новая автотрасса? Ответ неоднозначен. С одной стороны, мужское трудоспособное и трудолюбивое население получило возможность работать. Значит, пошла копейка в дом; значит, семейный уклад стал прочнее, устойчивее?

Дабы прояснить этот вопрос, обошёл я несколько домов в Борквaшах. Семья Мякишевых: мать-отец, взрослый сын. Отец шоферит; сын – в ремонтной бригаде. На автотрассу молятся: не было её – не было и достатка в доме. «Купили мебель, копим на машину; сын жениться собрался». Все довольны. Бывшие учителя, ныне пенсионеры Борис и Мария Кротовы, тоже рады дороге: «У нас дети в Казани живут, теперь нет проблем их повидать, деревенских гостинцев отвезти...» Довольны ликвидацией бездорожья и молодожёны Жуковы: они поставили у околицы торговый ларёк, появился свой бизнес...

Но не все так приветствуют явление цивилизации в глухомани. «До трассы у нас хулиганили только свои, а теперь чёрт знает откуда на мотоциклах накуренные подростки являются, мак по огородам шарят», – жалуется Иван Молвин. И плюётся в сердцах. У молодого лесника Олега Селина – другая претензия к новому автобану: «Жениться не на ком! Все девчата с ума посходили – подай им фирмача на иномарке. Да и бежит женский пол из деревни – в иную, сладкую жизнь. Вон та же Ленка Колчина – слыхали? Эх, и девка была!» И замолкает. Видать, и он неравнодушен был к сельской красавице...

Теперь о Лене. До недавних времён Колчина жила-поживала, как все деревенские подростки: ходила в школу, тусовалась возле полуразрушенной водокачки, покуривала и обсуждала со сверстниками красивую жизнь из телеящика: «Эх, везёт людям!»

Но когда за околицей обозначилось некое шевеление; когда возник вагончик геодезистов; потом явился разный приезжий люд, тут уж: «Эх, загудели-заиграли провода!» Безработные мужички оказались при деле, молодайки приободрились... И подрастающему поколению, как вскоре выяснилось, тоже определилась «трудовая ниша»...

Для Леночки Колчиной она (по свидетельству соседей) оказалась такой:

– Как-то Леночка не поладила с родителями – отец у неё пьющий. Подружка отвела её к своему приятелю в вагончик дорожников – переночевать пару дней... Ну и пошло...

Так началась её новая, «интересная» жизнь. Эпизоды и детали этого бытия настолько типичны и широко известны, что нет ни смысла, ни желания о них рассказывать: сутенёры, «крышеватели», рабское повиновение «работодателям»; похотливые охранники, журналы «рабочего времени»... В них фиксировалось всё – заказ, время вызовов, итоговая сумма, полученная от клиента. Однажды исчезла подружка по «бизнесу». «А где Натка?» – поинтересовалась Елена. «На лечение отправили, – хохотнул сутенёр. – Права качать надумала». И ткнул пальцем в небо. Елену охватил ужас...

Сначала Елену и её несовершеннолетних подружек заставляли «работать» в кабинах дальнобойщиков. Клиент, понятно, разный. Как-то с девчатами «проводили досуг» весёлые кавказские джигиты. Всё было о'кей: и еда, и питьё, и обращение. Настроение у жриц любви было приподнятое. Но испортилось утром, когда парням напомнили об оплате услуг. Джигиты весело заявили: «Мы вам пассатижами передние зубы выдерем. Без наркоза».

Вот после этого случая и появилась у Леночкиных сутенёров идея – оборудовать на трассе передвижной салон секс-услуг. Купили КамАЗ, оборудовали соответственно – теперь «работницы были у себя дома...» Оттуда и извлекла их в конце концов милиция, которая занялась поиском Елены Колчиной после заявления матери об исчезновении дочери...

Тут можно бы и поставить точку. Однако без некоторых сентенций не обойтись.

Одно отступление. Во всём мире явление новой дороги – это и улучшение быта, и оживление экономики, и приобщение к цивилизованной жизни... Но так ли у нас? Браконьерам – и своим, и приезжим – стали доступны все речные поймы и потаённые уголки природы. Результат: всё выбито, всё истреблено – и дичь, и рыба... Или: шинкарей по местным сёлам ранее не водилось.

Сейчас же – в любой час суток в любой деревне торгуют палёной водкой... Опять же: нравы меняются. В тихий Свияжск крутые везут «на венчание» в сельскую церковь девиц со всей округи. «Невест» меняют по три-четыре раза в году.

Словом, ожидали от новой трассы лишь благ, а обернулась она и новыми проблемами. И вот стою на высоченной круче над поймой Свияги и Волги, озираю весьма живописные просторы – и странная мысль не уходит из головы: ну почему у нас всё по Черномырдину? То есть *«хотели как лучше, а получилось как всегда?»* Почему юные девы наши рвутся в путаны? Почему цивилизация разрушает мораль? Как писал классик: «Нет ответа...»

Неужели – нет?

Жан МИНДУБАЕВ,
Республика Татарстан

ПОЧТИ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Вышел ёжик из тумана

И попал в печать

Фото Э. ЧАЗОВОЙ

История эта началась с довольно давней заметки в одной из множества бесплатных русскоязычных газеток Баварии. Некий аноним от лица безымянной славянки поведал о ёжике, которого она будто бы нашла на дороге, где тот *«лежал окровавленный, кверху лапками»*. Далее шло описание процесса его спасения. Вот несколько цитат этого опуса:

«...Зашла в кабинет. Встречает какой-то Айболит перекачанный: за два метра ростом, из халата две простыни сшить можно... Подождите, говорит, около часа. Часа через полтора сообщает: мол, как хорошо, что вы вовремя принесли бедное существо. Сейчас, «либе фройляйн», его забирать и даже навещать нельзя... Пару дней пациенту («ёжику!») придётся полежать в отделении реанимации, а потом сможете его забирать... У меня ещё сил хватило сказать, мол, я посоветуюсь с близкими, прежде чем пойти на такой ответственный шаг, как усыновление ёжика, и спрашиваю, сколько я должна за операцию?

– О, нет, – говорит, – вы ничего не должны. У нас действует федеральная программа по спасению животных, пострадавших от людей. Наоборот, вы получите премию в сумме сто евро за своевременное обращение к нам».

Отправили мы этот текст приятелю-журналисту в Воронеж. Чтобы развеселить. А он, поверив в достоверность этой истории, был так потрясён, что написал очерк. Не успели мы предостеречь его от излишней торопливости, как прилетело электронное письмо уже от сочинской журналистки:

– Ребята, в каком же вы раю оказались! Мне тут одна подруга пересказала типичный эпизод из немецкой жизни...

Все дальнейшие подробности копировали изложенную выше заметку. В тот же самый день из редакции «Литгазеты» нам прислали такую же заметку, дав срочное задание: *«Проверить на достоверность и прокомментировать!»*.

И вот мы в Мюнхене расспрашиваем специалистов.

– Ох, ну вы меня и насмешили! Это же надо было такое сочинить! – Эльвира Нойвирт, отдавшая спасению животных более трёх десятков лет, считается опытнейшим ветеринаром юга Германии. Да и Сильвия Даннер очень давно держит свою престижную зооклинику в самом центре баварской столицы. Обе докторши множество раз оперировали принесённых им с улиц ёжиков и прочую живность, но никогда не слышали о Федеральной программе по спасению животных, пострадавших от людей.

– За чей же счёт вы станете спасать ёжика?

– За свой собственный, конечно. Диких животных по немецким законам строго-настрого запрещено уносить домой. Всех больных – только к ветеринарам! Что очень часто и совершенно бескорыстно делают здесь сострадательные люди. Все они потом действительно переживают за исход операции, ждут... Ну а на прощание, без намёка с врачебной стороны, оставляют кто сколько может вот в этой жестяной копилке.

– А как же государственные сто евро?

– Если бы практиковались подобные бонусы, боюсь, даже в Германии нашлось бы немало негодяев, способных умышленно покалечить животное, а потом принести его к нам.

В ходе дальнейшего нашего расследования выяснилось: руководством к действию для всех, включая и спасателей ёжиков, является Федеральный закон о защите животных от 25 мая 1998 года («Тиршутцгезетц»). В нём ничего не сказано об упомянутых премиальных, зато имеется достаточно рычагов для предотвращения насильственного обращения с животными. До 25 000 евро штрафа грозит «избавляющимся от надоевших домашних животных путём оставления их без надзора и заботы на улицах и в других местах». «Тиршутцгезетц» прямо предписывает «всем гражданам информировать полицию и органы местного самоуправления о случаях жестокого или ненадлежащего отношения к животным».

Именно по сигналу соседей, например, 35-летний бюргер угодил на полгода за решётку после «умышленного причинения телесных повреждений» собственному коту, польстившемуся на шмат довольно дорогой малосольной рыбы с хозяйского стола.

В ФРГ давно действуют несколько академий по подготовке зоопсихологов. Они здесь не менее востребованы, чем психотерапевты у людей. Такие высокооплачиваемые специалисты, как Гюнтер Блох, издают бестселлеры типа «Германия на четырёх лапах» или «Всё, что нужно знать о домашних животных».

Бесконфликтное, комфортное сосуществование двуногих и четвероногих давно уже строится как на фундаменте строгого соблюдения законов, так и на доверительном уважении друг к другу. За неполных четыре года нашего проживания в стране, официально запрещающей *«дрессировку животных на злобу и агрессивность»*, мы так ни разу и не услышали раздражённого оклика либо резкой команды.

Из собственных наблюдений: в обеспеченном, законопослушном и достаточно культурном обществе подобного рода эффект достигается за счёт системы «сдержек и противовесов». Тут ведь семь раз подумаешь, прежде чем возьмёшь щеночка из приюта. Согласно стандартному «договору передачи» служащие богоугодного заведения вправе «систематически проверять на месте условия содержания животного», а государство в зависимости от породы и размеров собаки взимает от 70 до 615 евро налога в год.

Зато в разнообразнейший спектр страховых случаев включена потеря домашнего животного. Но прежде следует за «тридцатник» (в обязательном порядке) имплантировать в собачий загривок микрочип ISO с личным кодовым номером животного. Примета легко считывается приборами, имеющимися как у полицейских, так и ветеринаров.

Всё это только подтверждает факт отрадный, бесспорный, но умышленно обойдённый в придуманной истории про ёжика. Германия много, старательно и последовательно работала над гармоничными и умными отношениями между людьми и животными. Да-да, и сами животные тут «при чём»! Не обнаружив вдруг зёрнышек в кормушке на балконе, синички здесь могут требовательно постучать в окно. В надежде освободиться от мотка колючей проволоки дикий олень безбоязненно подойдёт к фермеру. И даже главный герой этой истории, как нам теперь кажется, наверняка бы ткнулся раненым носиком в ладонь: «Чего ждём? Пора спасать! Так вам, людям, предписано. И по закону, и по совести».

Эмма ЧАЗОВА,
Сергей ЗОЛОВКИН,
МЮНХЕН

ЖЕЛТЫЕ СТРАНИЦЫ СТОЛИЦЫ
ИЗДАНИЕ 2006 ГОДА УЖЕ В МОСКВЕ!
Справочник можно получить БЕСПЛАТНО! Позвоните в редакцию по телефону 730-8000 и узнайте условия его получения!

Москва, Мясницкая ул., 13, стр. 18 – 18-а
Телефон (095) 730-8000 www.yell.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

❑ **Литературно-музыкальный вечер, посвящённый 125-летию со дня рождения Александра Блока, состоялся в помещении библиотеки-фонда «Русское зарубежье».** В гостях у фонда был театр-студия «Слово» им. М.Р. Перловой.

❑ **Государственный институт искусствознания организовал презентацию серии учебников и учебных пособий.** Они подготовлены и изданы в 2005 году по инициативе Министерства культуры и массовых коммуникаций и Федерального агентства по культуре и кинематографии в рамках мегапроекта «Учебная литература в сфере культуры и искусства».

❑ **Исполнилось 80 лет Николаю Ефремовичу Гончарову, фронтовику, ветерану журналистики, члену Союза писателей России, литературному критику, очеркисту, прозаику и поэту, заслуженному работнику культуры РФ, лауреату ряда творческих премий, известному своей приязнью к Донбассу, автору книг «Поющие пласты», «Иванова гора», «Товарищ министр и господин директор» и др.** Почти треть века работая в газете «Трибуна», по материалам её конкурса «СНГ: директор года» за последние 10 лет он подготовил 10 томов очерков о лучших деловых людях Содружества, приобщив к их созданию многих писателей разных стран. Юбилей встретил в отличной творческой форме: завершил свою книгу «Прощальный свет» – о шахтёрах XX века. «ЛГ» сердечно поздравляет Николая Ефремовича и желает ему крепкого здоровья и новых творческих удач.

❑ **Союз писателей России провёл творческий вечер харьковского поэта Александра Романовского, приуроченный к выходу книги его избранных стихотворений.** Доктор педагогических наук, проректор по научно-педагогической работе Харьковского политехнического института, лауреат Государственной премии Украины, он автор более 9 книг стихов. Вечер сопровождался песнями Людмилы Тимофеевой-Русиной, написанными ею на стихи А. Романовского.

❑ **Московское общество греков презентовало в Московском Доме национальностей сборник эссе российско-греческого философа, академика Феохария Кессиди «Идеи и люди» (СПб., «Алетейя»).** В этом году философу, чьи труды переведены на 15 языков, исполнилось 85 лет. Он автор свыше 250 научных работ по древнегреческой философии, русской философской мысли. Выступили представитель посольства Республики Греция Теодора Янници, председатель региональной общественной организации «Московское общество греков» Константин Шотиди, Анатолий Коцонис, Никос Сидиропуло, Яннис Николопулос, Игорь Савкин.

❑ **Омские власти собираются снести дом № 34 по ул. Карла Либкнехта, в котором с 1937 по 1944 год проживал выдающийся русский советский поэт Роберт Рождественский.** Это тревожное известие сообщил «ЛГ» председатель Омского отделения Союза российских писателей Александр Лейфер.

❑ **Творческий вечер члена Союза писателей России Ирины Бариновой в связи с тридцатилетием её литературной деятельности состоялся в Ярославской библиотеке имени Лермонтова.** Звучали стихи поэтессы, а также написанные на них песни многих композиторов, в том числе Г. Пономаренко.

❑ **Библиотека-фонд «Русское зарубежье» отметила на днях десятилетие существования.** В праздновании юбилея приняли участие: представители правительства Москвы, депутаты Московской городской думы, сотрудники посольства Франции в РФ и многие другие.

❑ **Новый роман Юрия Полякова «Грибной царь» стал предметом обсуждения в Малом зале ЦДЛ.** С докладом выступила доктор филологических наук Алла Большакова. В обсуждении приняли участие: В. Бондаренко, В. Агеносов, П. Басинский, Л. Трубина, В. Куницын, И. Ростовцева, В. Линник, Д. Жуков, О. Ярикова, Н. Переяслов, А. Бархатов, А. Тер-Маркарьян. А. Дементьев и другие. Вёл вечер Владимир Мирнев.

❑ **Калининградские литераторы поздравили с 70-летием Альбину Самусевич.** Автор 10 поэтических книг, она снискала заслуженную известность в янтарном крае. Стихи её оригинальны по форме. Так, например, книга «Цветёт шиповник в дюнах» состоит из трёхстиший в стиле хокку. Вечер, посвящённый А. Самусевич, прошёл в областной библиотеке имени Чехова.

❑ **В Брянской областной библиотеке имени Ф.И. Тютчева прошла встреча с местными писателями, участниками альманаха «Литературный Брянск», недавно возобновившего своё издание.** Поэты Л. Ашеко, Ю. Кравцов, В. Сорочкин, В. Потапов, В. Крисанова, прозаики Я. Соколов, Л. Семенищенкова и другие рассказали о своём творчестве, поэты прочитали стихи.

❑ **Вручена Всероссийская литературная премия имени М.Н. Алексеева, учреждённая администрацией Саратовской области и Союзом писателей России.** Диплом первой степени получил К. Скворцов за книгу пьес «Сим победиши». Диплом второй степени – В. Маняхин за роман «Саратовская рапсодия». Третьей – И. Малохаткин за большие заслуги в развитии художественных и нравственно-литературных традиций русской литературы. «ЛГ» поздравляет первых лауреатов премии и желает им новых свершений.

❑ **Выдающемуся русскому советскому спортсмену, писателю и публицисту Юрию Власову исполнилось 70 лет.** Многократный чемпион мира, Европы, СССР по тяжёлой атлетике, Юрий Петрович за все годы спортивной биографии достойно защищал честь страны. Он автор многих книг о спорте, таких, как «Себя преодолеть», «Справедливость силы», и других. Позднее выступал как историк, прозаик и публицист с книгами «Красные валеты», «Огненный крест», «Особый район Китая». А недавно увидела свет и новая работа Ю. Власова – двухтомник «Русское дело». Писатели России, «ЛГ» поздравляют знаменитого атлета и писателя с юбилеем, желают творческих успехов.

❑ **Краевое совещание молодых писателей прошло в Краснодаре.** Возглавил его поэт и литературный критик А. Шорохов. Работой семинаров руководили краснодарские литераторы В. Динска, В. Архипов, Н. Василинина, В. Серков, Н. Хрущ, Л. Мирошникова, С. Макарова, Л. Бирюк, Н. Ивеншев, Б. Бендерюк.

❑ **5 декабря – в день рождения великого русского поэта Ф.И. Тютчева – поэту Владимиру Фирсову была вручена юбилейная серебряная тютчевская медаль Международного пушкинского фонда «Классика».** В почётном дипломе, подписанном президентом фонда академиком Н.Н. Скатовым, сказано: *«За большой вклад в осуществление программ поддержки русской словесности и культуры».* «ЛГ» поздравляет лауреата.

❑ **Памятник русскому поэту Дмитрию Веневитинову открыт в музее-усадьбе поэта в селе Ново-Животинное Воронежской области.** Создателями памятника выступила семья известных скульпторов: И. Дикунов и Э. Пак, а также их сыновья Максим и Алексей.

❑ **В Санкт-Петербурге состоялось вручение Всероссийской премии «Ладога» им. А. Прокофьева.** Учреждённая в 1999 году правительством Ленинградской области и СП России с целью поддержки творчества современных поэтов, она стала одной из престижных литературных наград (каждый лауреат получает 57 тысяч рублей). На торжественной церемонии вручения в Смольнинском выставочном зале было зачитаны поздравления губернатора Ленинградской области В. Сердюкова и секретаря правления СП России Г. Иванова. В этом году, в день 105-летия А. Прокофьева, высокая награда была вручена в номинации «Областная» ленинградскому поэту Ю. Красавину за его книгу «Первослов» и в номинации «Всероссийская» поэту из Мурманска Н. Кольчеву за книгу «Есть у каждого Русь изначальная».

❑ **Скончался классик научной фантастики Роберт Шекли. Причиной смерти 77-летнего писателя стала аневризма сосудов головного мозга. Ухудшение здоровья у фантаста началось весной, во время его поездки на Украину для участия в форуме фантастов, о чём «ЛГ» уже писала. Он простудился в Одессе, затем был госпитализирован в Киеве. Проведя месяц в больнице, Шекли вернулся на родину. Последнее время автор романов «Корпорация «Бессмертие», «Обмен разумов» и «Координаты чудес: второе путешествие» жил в Ред-Хук (штат Нью-Йорк). Отечественные поклонники творчества Р. Шекли скорбят о кончине одного из самых знаменитых авторов жанра.**

ФОРУМ

«Малых народов не бывает!»

Все звания поэта и прозаика Исхака МАШБАША перечислить трудно: народный писатель Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, сопредседатель правления Союза писателей России, заслуженный деятель искусств Кубани, заместитель председателя исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС), лауреат Государственных премий Адыгеи, России, СССР, Российской литературной премии им. М.А. Шолохова, член Совета старейшин Южного федерального округа, академик, Международной Адыгейской (Черкесской) академии, почётный доктор Майкопского технологического университета, почётный гражданин Майкопа... Награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степеней и другими орденами и медалями. А читатели знают его прежде всего по романам «Оплаканных не ждут», «Тропы из ночи», «Сто первый перевал», сборникам стихов и поэм. Мы встретились с Исхаком Шумафовичем на VI съезде МСПС, на который писатель возлагает большие надежды.

– Этот съезд я считаю объединительным и надеюсь, что он положит конец длительному расколу в писательской среде, разделу и захвату имущества. К литературе надо относиться честно. Может быть, это звучит громко, но писатель живёт и пишет для народа. У меня первая книжка вышла в 1953 году, моя фамилия стоит более чем на 70 книгах, изданных на русском, адыгейском и других языках, в том числе за рубежом, и литература никогда не была для меня предметом обогащения! Литература и культура вообще не могут быть товаром.

– В советское время книги писателей из разных республик переводили на языки народов СССР, устраивали выездные встречи с читателями, а сейчас многие оказались в изоляции...

– Конечно, каждая большая литература – русская, казахская, узбекская, украинская и т.д. – самостоятельна и имеет право на существование, но нельзя замыкаться на себе. Я как писатель во многом учился у нашего фольклора – эпоса «Нарты», у зачинателей адыгейской литературы Тембота Керашева и Ахмеда Хаткова, кабардинской – Алима Кешокова, черкесской – Хусина Гашокова... Но все мы вышли из кафтана русской литературы. Я много издавался в Москве... Переводил на адыгейский «Слово о полку Игореве», драматические произведения Пушкина, «Железную дорогу» Некрасова, «Анну Снегину» Есенина, «Облако в штанах» Маяковского – всё это издано в сборнике под названием «Слово». Студентом Литинститута читал русскую классику, а сейчас перечитываю – и снова учусь и восхищаюсь. Мы, адыги, считаем Пушкина, Лермонтова своими национальными поэтами: сколько они посвятили Кавказу и его народам! Правда, Пушкин в молодости написал в «Кавказском пленнике»: «Смирись, Кавказ: идёт Ермолов...»

– А Лермонтов: «Злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал...»

– Да, но Пушкину его друзья сказали, что нельзя такие вещи говорить о народах. А если бы Россия не пришла на Северный Кавказ, там появились бы Англия, Турция... В СССР, кстати, тема кавказской войны считалась запретной, и не будь нынешней свободы слова, я не смог бы издать свои исторические романы «Жернова», «Хан Гирей», «Два пленника»... «Жернова» увидели свет в 1991 году, и недоброжелатели упрекали: как Машбаш быстро переориентировался! А я писал этот роман скрытно, в советские годы, зная, что не напечатают. Начал его в гостинице «Москва», где жил два с половиной года, будучи членом Верховного Совета СССР. Шолохов великолепно показал трагедию донского казачества, а кто, если не я, расскажет о трагедии моего народа? Попытался сделать это честно, но никого не виня... Мы не должны забывать историю, но нам делить нечего, и сегодня Адыгея – самая мирная республика Северного Кавказа. Наверное, Всевышний нас спасает. Но и мы, писатели, творческие люди, воспитанные в духе интернационализма (который, к сожалению, сейчас не в чести), тоже способствуем этому, призывая жить в мире и согласии. В знатных русских родах – Лопухины, например, которые даже роднились с царями, – текла адыгская, черкесская кровь... Солнце для всех одно – что на Кавказе, что на Руси, что в Азии. Оно обогревает всех и не спрашивает, какой ты национальности. Я родился в большом селении Краснодарского края. Когда был мальчиком, мы с родными выходили вечерами за калитку и слушали доносившиеся из-за реки великолепные казачьи, русские народные песни. Я по ним тоскую, они стали частью меня. В Москве есть Большой Черкасский переулок: черкасы – это адыги, которые при Иване Грозном были членами Думы, служили России своим мужеством, своей кровью при Петре I, Екатерине...

– А вы никогда не ощущали несколько снисходительное отношение к «представителям литературы малых народов»?

– Нас нельзя называть малыми народами: не бывает малой матери, малого отца! Мы не малые, а малочисленные. Аварцев представлял великий Расул Гамзатов, так что, они – малый народ?! Или Алим Кешоков у кабардинцев, Кайсын Кулиев у балкарцев... В Литинституте я сидел за одной партой с Робертом Рождественским, учился в семинаре с Беллой Ахмадулиной, Евгением Евтушенко и был в числе получивших диплом с отличием. Но не потому, что требования ко мне были ниже. Когда говорят: мы – больше, вы – меньше, это напоминает перетягивание каната. А нужно относиться друг к другу с пониманием: от этого зависит будущее России. Страна поднимается с колен, и я уверен, что она вновь заявит миру о себе как о великой державе. Для этого нужна идея, идеология. Вот у нас, адыгов, есть великий памятник «Нарты». Горький в предисловии к его изданию написал, что «Нарты» – свидетельство здоровья нации. У нас есть «Адыгахабзэ» – свод нерукотворных законов чести и этикета, передаваемых из века в век: уважение к старшим, например. И вопрос: «Разве ты не адыг?!» – всегда приводит в чувство.

– Традиции традициями, но, как сказал Пушкин: «К чему бесплодно спорить с веком? Обычай – деспот меж людей...»

– Да, сегодня в нашу жизнь вторгаются телевидение, Интернет, мы теряем читателя, как во всём мире. За последние 15 – 20 лет книжные прилавки заполонили боевики, детективы с простенькими сюжетами, зато в ярких обложках. Пушкин, Толстой как бы отошли на задний план, но уверен: настоящая литература вернётся к читателю. И мы, писатели, по мере сил стараемся этому способствовать. В Союзе писателей Адыгеи 35 человек – все думающие, серьёзные люди. Издаются четыре журнала: «Дружба» (на адыгейском), «Литературная Адыгея» (на русском) и два детских – «Созвездие» и «Родничок Адыгеи». Ежегодно проводим семинары молодых литераторов, куда приезжают из Северной Осетии, Дагестана, Краснодарского края... При писательском союзе работает литобъединение «Оштен» под руководством Кирилла Анкудинова. У молодых выходят персональные книжки, коллективные сборники. Всегда говорю начинающим: не смотри на мир через дырочку в плетне – увидишь только соседний дом, а надо стремиться к масштабу. Наши классики проложили тропу, мы немножко её расширили, а те, кто приходит в литературу сейчас, расширят ещё больше. Или появится гений, который проложит новую дорогу, и о нас скажут как о его современниках...

Беседовала
Ольга РЫЧКОВА

ФОРУМ

Недавно прошедший в Москве VI внеочередной съезд Международного сообщества писательских союзов получился очень представительным. Его участниками стали литераторы не только из российских республик и автономий, но и из бывших союзных республик – Белоруссии, Украины, Киргизии, Казахстана... Корреспонденты «ЛГ» задали им два вопроса:

Чем для вас явился прошедший съезд? Как живётся вашим литераторам?

Сергей САМУНОВ,
прозаик, председатель правления Союза писателей Республики Алтай

Вопросы, которые рассматривались на съезде, очень серьёзные. Самое главное: нам, представителям национальных литератур, нужно сплотиться, возобновить дружбу, существовавшую в советское время. Раньше алтайские писатели всегда активно выступали в центральных СМИ, переводились на русский язык, и сегодня у нас много хороших поэтов, прозаиков, драматургов, которые нуждаются в переводах.

В Союзе писателей Республики Алтай 33 человека – есть русскоязычные, есть пишущие на родном языке. Наш лозунг: «Работать вместе». Издаём цветной журнал «Мир Алтая» тиражом около 3000 экземпляров на алтайском и русском языках, который расходится по школам, библиотекам, по подписке. В нём печатаем не только местных писателей – дружим с другими регионами Сибири, в свою очередь, публикуемся в кемеровских, новосибирских изданиях. Правительство республики нам не помогает, пробиваемся сами. Сдаём в аренду помещения нашего союза и за счёт этого ежемесячно помогаем писателям-пенсионерам, платим им 500-рублёвую «стипендию».

Владислав БАХРЕВСКИЙ,
прозаик, заместитель главного редактора журнала «Брега Тавриды»

У нас с МСПС давние связи – Автономной Республикой Крым (АРК) и МСПС установлена премия имени Анатолия Домбровского, которой награждаются лучшие крымские и московские писатели. В 1990-м был создан Союз русских, украинских, белорусских писателей АРК, а в следующем году начато издание журнала «Брега Тавриды». Он имеет достаточно большой авторитет в писательских кругах: у нас печатались Юрий Кузнецов, Юрий Поляков, Иван Евсеенко, Юрий Козлов, писатели из Воронежа, Нижнего Новгорода, Оренбуржья, Сибири, Украины, Минска... Беда в том, что наши книги и журналы имеют тиражи 1000 экземпляров. На всех клеймо «Для рынка непригодны», хотя это ложь. Библиотекари криком кричат: дайте современную книгу, особенно детскую! А на полках книги – новенькие и зачастую подленькие, и вороха книжек-лохмотьев, но читаемых! Может быть, МСПС сумеет не на словах, а на деле быть преемником Союза писателей СССР, во времена которого книга являлась нужной и желанной.

Единство и взаимодействие

30 ноября 2005 года состоялся внеочередной VI съезд Международного сообщества писательских союзов, который обсудил вопросы:

1. О противозаконной продаже строения № 3 «Дома Ростовых» бывшим первым заместителем председателя исполкома МСПС Ларионовым А.В.; 2. О единстве и взаимодействии литератур на постсоветском пространстве и 3. О довыборах членов исполкома и ревизионной комиссии МСПС. Съезд открыл С.В. Михалков, вели его Ф.Ф. Кузнецов и В.Г. Бояринов.

Накануне состоялось заседание Пресненского суда, на котором рассматривался иск Ю.В. Бондарева к С.В. Михалкову, в котором ставилась под сомнение легитимность предыдущего, V отчётно-выборного съезда МСПС и выдвигалось требование об утверждении судом Ю.В. Бондарева в должности председателя исполкома МСПС. В удовлетворении иска, подготовленного и направленного в суд от имени Ю.В. Бондарева А.В. Ларионовым, который и представлял в суде истца, было отказано в силу полной противозаконности мероприятия, организованного А.В. Ларионовым 24 февраля с.г. и поименованного им «съездом МСПС». Как выяснилось в ходе судебного заседания, Ларионовым не было предпринято даже попытки обращения в Министерство юстиции с целью регистрации результатов этого противозаконного мероприятия.

Важной особенностью внеочередного VI съезда МСПС явилось то, что на этом съезде были представлены практически все писательские организации, являющиеся членами МСПС, что позволяет говорить о благополучном разрешении кризиса, который по вине Ларионова А.В. переживало Международное сообщество писателей на всём протяжении 2005 года.

В работе съезда активно участвовали делегаты практически всех писательских организаций, которые в начале года доверились Ларионову, беззастенчиво их обманувшему и втянувшему руководителей этих организаций в проведение противозаконного раскольничьего мероприятия 24 февраля с.г. Представители Союза писателей Таджикистана, Азербайджана, межрегионального Союза писателей Украины, Союза российских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Тираспольского отделения СП России избраны на VI съезде в исполком МСПС, что автоматически означает их выход из так называемого «исполкома», избранного 24 февраля Ларионовым, и лишает Ю.В. Бондарева не только юридического, но и морального права продолжать называть себя председателем исполкома МСПС.

Объединительный характер VI съезда, свидетельствующий о росте его авторитета и влияния среди писателей на постсоветском пространстве, проявил себя и в том, что в МСПС вошёл целый ряд крупных и авторитетных союзов писателей на постсоветском пространстве, включая Объединённый союз писателей Грузии, Союз писателей Чечни, Независимый союз писателей Чувашии, Союз писателей «Нистру» (Молдавия), Союз писателей Юга и Востока Украины, Эстонское отделение СП России и другие. Приветственное письмо съезду направил и Союз писателей Армении, заявивший о своей готовности заключить двусторонний договор о сотрудничестве с МСПС. Своих представителей на съезд направили Национальный союз писателей Украины и Санкт-Петербургская организация СП России, также заявившие о готовности заключить с МСПС двусторонний договор.

Съезд поддержал решение расширенного исполкома МСПС от 19 октября 2005 года, осудившего противозаконную продажу Ларионовым А.В. строения № 3 и попытку продать весь «Дом Ростовых», одобрил предпринятые меры по возвращению строения № 3 его законному владельцу – МСПС и привлечению Ларионова А.В. к уголовной ответственности за мошенничество в особо крупных размерах.

Рассмотрение второго вопроса повестки дня VI съезда МСПС «О единстве и взаимодействии литератур на постсоветском пространстве» показало, что Международное сообщество не только достигло объединения писательских сил, но и успешно выходит из кризиса. В обсуждении этого важного вопроса приняли участие Валерий Ганичев (Россия), Чингиз Абдуллаев (Азербайджан), Маркабай Авматов (Кыргызстан), Юрий Поляков (Россия), Владимир Спектор (Украина), Владимир Иллашевич (Эстония) и другие. По результатам оживленной творческой дискуссии съездом принято «Решение» и «Декларация об укреплении единства и расширении взаимодействия литератур на постсоветском евразийском культурном пространстве», в которой, в частности, говорится: «Исключительно важную, первостепенную роль в развитии взаимодействия в гуманитарной сфере сегодня призвано выполнять Международное сообщество писательских союзов – правопреемник объединительных традиций «горьковского» Союза писателей СССР, являющее собой феноменальную базовую структуру гражданского общества, формирующуюся в России и странах СНГ. Мы все, писатели, исповедующие проверенные временем идеалы гуманизма, дружбы, братства, плодотворного сотрудничества между культурами разных народов, торжественно заявляем, что основной упор в своей творческой и общественно-организационной работе будем делать не на то, что нас разъединяет, а на то, что нас объединяет; мы отдаём принципиальное предпочтение спасительной целостности литературного процесса, сохранению единого общего евразийского культурного пространства, расширению взаимодействия связанных историческими узами литератур».

Первоочередные задачи, стоящие перед Международным сообществом писательских союзов, нашли своё отражение в «Решении Внеочередного VI съезда МСПС».

РЕШЕНИЕ
Внеочередного VI съезда МСПС

1. Разделяя дух и принципы Декларации о взаимодействии в гуманитарной сфере, подписанной 8 мая 2005 г. в г. Москве руководителями стран СНГ, съезд поручает исполкому МСПС разработать программу «Взаимодействия литератур на постсоветском пространстве», которая одновременно явится программой деятельности Международного сообщества на ближайшие годы.

2. В целях разработки и утверждения данной программы провести в 2006 г. научно-практическую конференцию с привлечением крупнейших писателей и учёных на тему «Взаимодействие литератур на постсоветском пространстве».

3. При разработке программы «Взаимодействие литератур на постсоветском пространстве» считать первоочередными следующие направления сотрудничества:

3.1. Взаимное ознакомление с духовными, историко-культурными ценностями народов Европы;

3.2. Взаимное продвижение лучших произведений современной литературы, обсуждение закономерностей литературного процесса в странах СНГ.

3.3. Поддержка издательской деятельности, взаимная забота об издании произведений как классиков, так и современных писателей стран СНГ.

3.4. Восстановление традиций художественного перевода на русский язык и языки народов СНГ.

3.5. Поддержка молодых писателей, проведение семинаров и конференций молодых писателей как в России, так и в странах СНГ.

3.6. Забота о социально-экономических условиях писательского труда и защита социальных и профессиональных интересов писателей.

3.7. Восстановление правопреемственности МСПС по отношению к Союзу писателей СССР, с целью возможного возвращения общеписательской собственности; постановка вопроса об отчислении определённого процента от прибыли издаваемых книг в пользу Литературного фонда, скорейшее принятие Закона о творческих союзах во всех странах СНГ.

4. Съезд поручает исполкому МСПС обратиться в правительство Российской Федерации с ходатайством о выделении средств для реставрации и капитального ремонта «Дома Ростовых», являющегося резиденцией МСПС и памятником архитектуры, истории и культуры.

5. Съезд поручает исполкому МСПС обратиться к руководству России и стран СНГ, а также в руководящие структуры СНГ с просьбой о финансовой поддержке реализации программы «Взаимодействие литератур на постсоветском пространстве».

6. Считать важным резервом в деле реализации данной творческой программы рачительное использование собственности, полученной Международным сообществом и Международным Литфондом от Союза писателей СССР, а также освоение методов хозяйствования и деловой инициативы в рыночных условиях – не в личных корыстных интересах, но во благо организации. Осуществлять кооперацию усилий МСПС и МЛФ в социальной защите писателей и решении творческих задач.

7. Начать издание собственной газеты и литературного журнала, открыть сайт МСПС в Интернете, изыскать пути для развития издательской и книготорговой деятельности, включая возвращение МСПС контрольного пакета акций издательства «Советский писатель».

8. Поручить исполкому создать комиссию по выработке новой редакции Устава МСПС, с тем чтобы в 2006 году, собрав съезд, принять новый Устав Сообщества.

9. Принять от имени съезда «Декларацию об укреплении единства и расширении взаимодействия литератур на постсоветском пространстве», обращённую ко всем писателям России и стран СНГ.

ФОРУМ

«В иске отказать...»

Окончание многолетней тяжбы вокруг Международного Литфонда

Закончилась многолетняя судебная тяжба, затеянная бывшим генеральным директором Международного Литфонда Р.С. Гюлумяном после того, как внеочередная III конференция МЛФ 10 января 2002 г. за вопиющие правонарушения освободила его от должности. Тогда же дополнительным иском Гюлумяна поддержали самозванно именующая себя председателем Международного Литфонда, первый секретарь Союза писателей Москвы Р. Казакова, директор «Русского ПЕН-центра» А. Ткаченко, бывшие директора Литфондов Азербайджана – А. Ибрагимов, Белоруссии – В. Мачульский, бывший директор «Фирмы Литфонда» В. Грачёв и др. Они требовали от суда признания III конференции Международного Литфонда и её решений нелегитимными и возвращения Р. Гюлумяна на должность.

Первоначально, 19 февраля 2003 г., Савёловский суд принял решение в пользу Р. Гюлумяна и Р. Казаковой. Однако Коллегия по гражданским делам Мосгорсуда 24 апреля 2003 г. отменила это решение и направила дело в Савёловский суд для дополнительного исследования обстоятельств и вторичного рассмотрения. «Литературная газета» неоднократно писала о дальнейших перипетиях этой затянувшейся судебной волокиты. И вот наконец два с половиной года спустя Савёловский суд выполнил постановление Мосгорсуда и вторично рассмотрел иски Р. Гюлумяна, Р. Казаковой и др. Непрерывный судебный процесс продолжался неделю – с 2 по 9 декабря. В ходе процесса обнаружилось, что первый секретарь правления Союза писателей Москвы Р.Ф. Казакова не имеет никаких юридических оснований именовать себя председателем Международного Литфонда. На суде были оглашены заключения Министерства юстиции РФ, одно – от 16.12.2003 г., другое – от 17.06.2004 г., в которых сообщалось, что «как председатель Международного Литфонда Казакова Р.Ф. не зарегистрирована в установленном законом порядке и решение об её избрании не подтверждено Государственной регистрацией», поскольку в регистрации Казаковой Р.Ф. как председателя Международного Литфонда Минюстом России отказано.

В ходе судебного разбирательства был оглашён ещё один документ – письмо в Савёловский суд бывшего первого заместителя председателя Исполкома Международного сообщества писательских союзов А. Ларионова, который, изменив свою прежнюю позицию, выступил в защиту и поддержку Р. Гюлумяна и Р. Казаковой. Ещё вчера Р. Казакова и А. Ларионов находились по разные стороны баррикад и были непримиримыми врагами: ведь именно А. Ларионов, являвшийся в ту пору первым заместителем председателя Исполкома МСПС, выдворял Союз писателей Москвы из «Дома Ростовых» на Поварской. Но после того, как, пойдя по стопам Гюлумяна, Ларионов, в обход С.В. Михалкова и Исполкома МСПС, продал одно из строений «Дома Ростовых» стоимостью три миллиона долларов за четыре миллиона рублей, он стал вдруг сторонником и защитником Гюлумяна и Казаковой. Других защитников у Гюлумяна среди писателей, кроме находящегося под следствием за мошенничество в особо крупных размерах А. Ларионова да коллеги Р. Казаковой по руководству Союзом писателей Москвы Ю. Черниченко, в Савёловском суде не оказалось.

Более двадцати писателей, представлявших в суде писательские организации России и стран СНГ, выступили в суде с непримиримой критикой злоупотреблений Р. Гюлумяна и в защиту легитимности внеочередной III конференции МЛФ, освободившей Р. Гюлумяна четыре года назад от должности.

Суд принял решение в иске Р. Гюлумяну, Р. Казаковой и др. отказать; обязать Р. Гюлумяна возвратить Международному Литфонду все принадлежащие Литфонду документы и не чинить более препятствий в его работе.

Пресс-бюро Международного Литфонда

ВПЕРЁД, ФАНАТЫ ФАНТАСТИКИ!

Процесс идёт. Куда он денется?!

Статьёй Д. Калюжного и А. Жабинского мы продолжаем дискуссию о фантастике, в которой уже приняли участие Владимир Можегов, Сергей Павлов, Александр Осипов, Илона Вандич, Вера Тимофеева (Воронеж), Светлана Шидловская (Минск), Сергей Волков, Елена Кошара, Юрий Петухов, Luger Max Otto, Вадим Д.

Дискутируя в «ЛГ» о состоянии современной фантастики, большинство коллег пришли к выводу, что кризис жанра налицо. Между тем кризисы, надо заметить, необходимы для эволюции. Будь то в природе, в обществе или в какой-то сфере деятельности человека, в момент кризиса ослабляется старый, скажем так, вектор развития, зато усиливаются новые, «оппозиционные» векторы. В итоге основным в следующей эпохе станет один из них, более подходящий для изменившихся условий. Собственно, в этом суть эволюции, в которой кризисы и катастрофы – двигатели прогресса.

Фантастика – процесс, как и всякая литература, и, конечно, в ней обязательно должны быть кризисы. Но особенность именно этого жанра – что, на наш взгляд, наиболее важно – в том, что *она сама* предлагает варианты «векторов развития» для всего общества. Кстати, по этой причине лично мы очень высоко оцениваем инициативу «ЛГ», начавшей дискуссию. Фантастическая литература – философская, социальная, техническая, – отражая в невероятных сюжетных конструкциях мировоззрение автора и зачастую прямо прогнозируя будущее, даёт читателю возможность поставить мысленный эксперимент: что будет, если произойдёт то-то и если поступить так-то.

Да, сегодня сильно развились развлекательная и сказочная фантастика. И действительно, многие произведения ничего не отражают и не прогнозируют. Но это и не хорошо и не плохо, это просто есть. Сказочное развлекалово вышло на сцену под влиянием рынка при наличии спроса, подчиняясь тем же эволюционным законам, что и «большая фантастика». Но ведь оно получило особое словечко для своего определения: фэнтези!

Вообще эволюция общества есть развитие всяких человеческих деяний, а с этим развитием расширяется некая пирамида причастных к этим деяниям. В литературное творчество втягиваются новые люди и снижается уровень – не мастерства, нет, оно-то как раз растёт, – а общей образованности и таланта. Мы наблюдаем действие этого закона повсюду! Чтобы из массы народа появился один гений, требуется воспитать тысячи талантов. А для выявления этих тысяч приходится давать образование миллиону «простых». Точно так же, чтобы в лесу благоденствовали большие деревья, нужен и подлесок, и трава, и кроты, и, простите, дятлы. А потому и появление толп фэнтезистов, насаждающих «подлесок» из космических бойцов и волшебных фей, – явление нормальное. Многие сказки Шехерезады были чистейшей фэнтези. Просто не надо рассматривать этот жанр в дискуссии о фантастике (не берут же в расчёт ясновидящих, рассуждая о медицине), а устроить, может быть, отдельную дискуссию о качестве фэнтези. И ещё стоит поговорить о бездарной организации книготорговли, которая смешивает всё – старую научную фантастику (НФ), современную фантастику и фэнтези в одну кучу, сводя с ума читателей, подрывая интерес и к тому, и к другому, и к третьему.

В разных странах в разное время на первый план выдвигалась то одна, то другая фантастика. Уже в советские времена НФ о «чудесах техники» практически исчезла, и понятно почему, зато социальная фантастика пошла на взлёт (тоже понятно почему). У одних кризис, у других расцвет. «Пилите, Шура, пилите», толк будет, и с такой точки зрения кажущееся засилье коммерческой литературы – это не беда. А вот с чем беда, так с мировоззрением фантастов. Редко у кого оно нынче есть, да ещё своё, не заёмное! А без него только фей и выдумывать. В ходе дискуссии В. Звягинцев точно подметил, что многие тоскуют по Отделу пропаганды ЦК КПСС. Это, казалось бы, их личный кризис, но он проистекает от общего кризиса современного общества. А кризис общества – от ограниченности мировоззрения. Да, всё завязано одно на другом.

Воззрение на мир возникает от понимания настоящего, знания прошлого и предвидения будущего. Джонатан Свифт ради описания современного ему общества отправил своего героя на острова, населённые лилипутами и прочими небывалыми созданиями. Жюль Верн изменил мир, показав людям поразительную технику будущих времён. Однако пришла иная эпоха: писать об уродствах современного нам общества можно, не прибегая к экивокам, а поражать людей выдумыванием техники будущего бесполезно, потому что образованные и так уверены во всемогуществе науки, а необразованные, которые верят в сглаз и пришельцев, «излишне умные» тексты читать не будут.

Остаётся прошлое. Там вообще можно найти всё что угодно. Но в советские времена такого вида НФ, как историческая фантастика, не было, хотя история – тоже наука! Странно, не правда ли? Что это за священная корова, история? Максимум, что позволяли себе фантасты, это просвещение школьников «на предмет» самочувствия первобытного мальчика или воспевание какой-нибудь революционной туфты, как это сделал, например, знаменитый Л.И. Лагин, отправивший своего «голубого человека» из времён застоя к молодому Ленину для беседы о светлом будущем.

Одно тогда было светлое пятно: всеобщий любимец дон Румата, но этого темпорального разведчика авторы загнали аж на другую планету. (Кстати, вот вам и критерий. Действие может происходить где угодно и с кем угодно, но если возможные выводы имеют отношение к современному человеческому обществу, то это фантастика. А если не имеют, то это фэнтези.)

Западные же фантасты, используя изобретённую Гербертом Уэллсом машину времени или иными какими способами, часто отправлялись в прошлое в поисках истоков современного им положения дел, или желая понять, чего ждать дальше, или ради вящего философствования. Теперь это и у нас началось. В таком направлении фантастики, как криптоистория, нет никакого кризиса. И это правильно: исследуя прошлое художественными средствами, можно уловить действие тех самых законов эволюции, которые влекут нас в неведомую даль, что в условиях явного социального кризиса крайне важно.

Иначе говоря, фантастика может сделать то, на что не решается наука.

Что такое криптоистория? Самый распространённый ответ: это то, что было на самом деле. А вот и ничего подобного. То, что было на самом деле в нашем общем прошлом, никто не знает и никогда уже в полном объёме не узнает. Другой ответ: криптоистория – это изучение тех фактов, о которых умалчивают историки. А они умалчивают об очень многом: и о фактах, которые противоречат их стройной версии, и об изобилии фальшивок. С научной точки зрения такое определение более верно, однако древо жизни пышно зеленеет: год за годом криптоистория наполняется новыми смыслами, быстро превращаясь в эвфемизм наконец-то возникшей исторической НФ.

И мы в этой её эволюции предвидим три следствия. Во-первых, из-за наличия в официальной истории значительной политической составляющей никогда она, история, не сольётся с криптоисторией в сладостном экстазе, то есть криптоистории предстоит всегда проходить по фантастическому ведомству. Ведь история не сможет согласиться, например, с тем, что выдумки про царство пресвитера Иоанна ничем принципиально не отличаются от сочинений Марко Поло или любого из его современников и что его современники (а то и люди следующих поколений) могли писать за Геродота или Фукидида. С точки зрения истории это просто бред и ересь, а согласно криптоистории – нормальное дело.

Во-вторых, как ни странно, такое развитие фантастики втянет в себя многие наработки фэнтези, ведь жанрово криптоистория зажата в треугольнике между НФ, исторической фэнтези и магическим реализмом. Авторам будет просто некуда деваться. Такой синтез может стать очень продуктивным: ведь если обычно в фэнтези мир, как правило, упрощён до банальной модели противостояния добра и зла, то в криптоистории прошлое – сложное, многомерное. Ведь это жизнь наших предков, коллеги, чёрт возьми!

В-третьих, пополнится палитра мастеров. Окажется почти невозможным шаблонное использование готовых мифологических сюжетов, которым столь часто грешат нынешние фэнтезисты. Поскольку в криптоистории мифы разных культурных эпох (а они стали разными только стараниями первичных хронологов) переплетаются, постольку фантасты получат возможность создавать невиданные доселе экзотические узоры.

И в заключение: просим не рассматривать эту статью как попытку «фоменкизации» отечественной фантастики. Давайте избавляться от страсти к ярлыкам. Пусть себе А.Т. Фоменко занимается математической формализацией той истории, которая осталась нам от Средних веков, а мы с вами давайте займёмся художественным осмыслением прошлого. Хотя... Кажется нам, что иные многотомные саги о судьбоносной борьбе выдуманных гномов с выдуманными эльфами сильно проигрывают в увлекательности научно-популярным произведениям, написанным в русле Новой хронологии, или Хронотроники.

Дмитрий КАЛЮЖНЫЙ,
автор фантастического романа «Зона сна»,

Александр ЖАБИНСКИЙ,
автор криптоисторического романа «Трое в Трое»

СВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ

Чего же мы хотим?

В 69-м году прошлого уже века появился роман Всеволода Кочетова, главного редактора журнала «Октябрь», секретаря Союза писателей, представителя так называемой *секретарской* литературы. Назывался он лобовым вопросом: «Чего же ты хочешь?» Речь в нём шла о том, как шатаются устои советской молодёжи под тлетворным влиянием Запада и не без прямого участия вражеской идеологической агентуры. И вот в страшный час внутренней борьбы молодой человек слышит от крепкого коммуниста этот вопрос: «Чего же ты хочешь?» Читай: социализма или капитализма?

Вообще-то Всеволод Кочетов написал много чего другого, в том числе знаменитую в своё время эпопею о рабочей династии Журбиных, по которой был снят фильм «Большая семья» (1954). Но подозреваю, что в историю русской литературы XX века он наиболее прочно войдёт именно своим «вопросительным» романом. Не потому что он лучший, а потому что «знаковый».

Роман Кочетова очень тогда нашумел и стал как бы символом антишестидесятничества. Он был бесконечно высмеян либеральной интеллигенцией не только 60-х годов, но и последующих лет. Чего стоит одна знаменитая пародия на него Зиновия Паперного, распространяемая в самиздате, за которую Паперного в 1970 году исключили из партии. Роман называли литературным «доносом». (Кстати, неправда. Доносят на своих и втихаря, а Кочетов писал публично и о чуждом ему либерализме.) Роман стал образцом даже не плохой литературы, но как бы антилитературы, исключительно подлого общественного жеста.

Зато сегодня продвинутые молодые филологи считают Всеволода Кочетова родоначальником «концептуализма». В нежной любви к его прозе признаётся Владимир Сорокин, а прозаик Евгений Попов, участник внецензурного альманаха «МетрОполь», который травили именно «секретарские» писатели, заявляет: «...его (романа «Чего же ты хочешь?» – П.Б.) серьёзность и правоверность разоблачают гомо советикус похлеще любого соцарта. Пригову с Сорокиным и не снилось такое».

Что произошло? – тоже задам я вопрос. Всё очень просто. Конечно, «правоверные» шестидесятники никогда не признают значение ненавистного романа Кочетова. И это по-человечески понятно. Для них этот роман, напечатанный в тот момент, когда Александра Твардовского «ушли» из «Нового мира», когда окончательно рухнули надежды на идейную «перестройку» и социализм «с человеческим лицом», когда начались новые гонения на интеллигенцию, навсегда останется пакостью. Он торчит костью в горле, осиновым колом в истории либерализма 60-х годов XX века. Для них это не история, а биография.

Зато для более свежего поколения, к которому принадлежат те же Евгений Попов и Владимир Сорокин, не говоря уже о молодых, хладнокровных филологах, роман Всеволода Кочетова не более чем исторический и литературный факт. Вернее, артефакт.

О, я знаю, что мне возразят. «А если это повторится?» Не повторится. Ничего в истории не повторяется буквально. И всё – причём неизбежно – повторяется по смыслу. История развивается не по механической спирали, а, как говорил сам Твардовский, «волнами». И каждая волна несёт с собой одинаковую энергию наката и отката. И каждая непохожа на прежнюю, но все порождают один ровный исторический гул.

Сегодня читать роман Кочетова невозможно. Но – интересно. С художественной точки зрения он ничтожен. Не роман, а фельетон в комсомольскую газету.

«Господа! – Резким своим выкриком Порция Браун остановила танец. Она стояла с поднятой рукой. – Одну минуточку! Кирилл вздумал меня поймать на расхождении моих слов о стыдливости с делом. Мы только что заключили пари. Сейчас будет стриптиз. Прошу устроить свет соответственным образом.

В лицо Ии ударил жар. Не может быть, этого не будет, американка не решится на это, нет!

– Товарищи, товарищи!.. – в отчаянии восклицала она».

Однако вот в чём дело. Ушедшая в небытие эстетика комсомольского фельетона стала единичным и неповторимым феноменом. Зато примеры личного и даже высокохудожественного стиля мы, как говорится, будем ещё иметь и иметь. Как это ни странно звучит, гораздо проще написать хороший, даже прекрасный роман, чем написать роман плохой, но который бы «врезался в жизнь» и затем стал историей, несмотря на все свои эстетические слабости. Как «Что делать?» Чернышевского. Как «Мать» Горького. И это самый веский аргумент против тревожного вопроса: «А вдруг повторится?» Что ж, попробуйте написать плохой роман, который бы читали и обсуждали в обществе. Попробуйте написать литературный «донос»... кому? на кого? зачем?

Но даже не это самое любопытное в романе Кочетова. Самое любопытное, что это роман *правильный*. Потому что вопрос в нём задан *правильный*. Сегодня, обозревая общим и непристрастным взглядом романтическую идеологию шестидесятничества прошлого века, понимаешь, что вся она замешана на эдаком пафосе *человека неправильного*. Да возьмите хотя бы прекрасную пьесу Александра Вампилова «Утиная охота». Возьмите хотя бы действительно очень смешной талантливый фильм Элема Климова «Добро пожаловать...». Правильный человек – это плохой, подозрительный человек. Даже если это обычный директор пионерского лагеря, который заставляет детей и персонал выполнять обычные инструкции. Неправильный, даже если это алкаш, погубивший себя и семью, гораздо симпатичнее. В нём есть «второе дно». А уж что там, на этом «дне», не важно. Главное – чтобы интересно было.

И вот когда эти романтики стали управлять страной, сразу стало понятно, чего же они хотят. Я не говорю о прямом воровстве. Я говорю о вопиющей безответственности людей, которые имели наглость становиться премьер-министрами, руководить заводами, творческими организациями и т. д.

«Что делать?», «С кем вы, мастера культуры?», «Чего же ты хочешь?» – простые и неотменяемые вопросы, на которые отвечать всё-таки нужно. А уж кто их задаёт и как...

Павел БАСИНСКИЙ

ВЕК

Жизнь и судьба за правое дело

12 декабря исполнилось 100 лет со дня рождения Василия ГРОССМАНА (1905 – 1964)

Он родился 29 ноября (12 декабря) 1905 года в Бердичеве Житомирской области (Украина) в семье инженера-химика. В 1929 году окончил физико-математический факультет Московского университета, работал в Донбассе инженером-химиком.

В 1934 году опубликовал «производственную» повесть о шахтёрской жизни «Глюкауф» и рассказ «В городе Бердичеве» из времён Гражданской войны, обративший на себя внимание М. Горького. Позднее рассказ был положен в основу одного из самых замечательных в отечественной кинокультуре фильмов «Комиссар» (1967). Сборники рассказов Гроссмана «Счастье» (1935), «Четыре дня» (1936), «Рассказы» (1937) дополнились в 1937 году повестью «Кухарка», в 1937 – 1940 гг. – романом «Степан Кольчугин» о рабочем пареньке, вступившем на путь революции, а в 1941 году – пьесой «Если верить пифагорейцам...».

В годы Великой Отечественной войны Гроссман – специальный корреспондент газеты «Красная звезда». Выступления Гроссмана на её страницах высоко ценились в армии, и если в редакцию из штаба какого-нибудь фронта приходила телеграмма «Пришлите Гроссмана», было ясно: готовится серьёзная операция. В это же время он пишет принёсшие ему широкую известность повесть «Народ бессмертен», очерки «Направление главного удара» (оба – 1942), «Треблинский ад» (1944), художественно-документальную книгу «Сталинград» (1943) и другие произведения. В них проявились основные качества прозы Гроссмана – эпическая масштабность, многоголосие, склонность к историко-философским обобщениям в традициях эпопеи «Война и мир» Л.Н. Толстого. Военный корреспондент Василий Гроссман прошёл войну с отступления под Гомелем летом 1941 года до взятия Берлина. Всю Сталинградскую битву он провёл вместе с защитниками города, знал их судьбы и нужды.

В 1946 году Гроссман вместе с И. Эренбургом подготовил документальную «Чёрную книгу» об истреблении гитлеровцами евреев на территории СССР во время войны.

В 1952 году Василий Гроссман публикует роман «За правое дело», который наряду с другими произведениями «окопной» правды о войне выдвинул в первый ряд её героев, реальных бойцов в реальных, порой драматических обстоятельствах. Непросто сложилась судьба рукописи продолжения романа под названием «Жизнь и судьба». Она увидела свет в СССР лишь в 1988 году. «Жизнь и судьба» – книга о Второй мировой войне, точнее, о Сталинградской битве. Но это военный роман ещё в меньшей мере, чем «Война и мир». Как Толстой в своё время, Гроссман пытается понять, чем и зачем живёт человек в век нацизма и коммунизма, газовых камер и атомной бомбы. Взгляд мудрого человека и писателя на историю войны сделал автора знаменитым.

Повесть «Всё течёт» (1953 – 1963, опубликована в 1989 году) – история советского «лагерника» с 30-летним стажем, размышляющего над вечной исторической проблемой опошления и извращения «духа» при его попытке стать «действием».

Также посмертно опубликован и сборник рассказов Гроссмана «Добро вам!» (1967), куда вошли путевые заметки об Армении и военные сюжеты, осмысляемые писателем, как всегда, с позиций неприятия насилия и признания права на жизнь всего существующего.

Умер Василий Семёнович Гроссман в Москве 14 сентября 1964 года. На скромной гражданской панихиде Илья Эренбург сказал: «Говорят, Гроссман тяжело умирал. Он тяжело и жил».

Памяти Владимира Топорова

5 декабря в возрасте 77 лет скончался выдающийся русский учёный Владимир Николаевич Топоров. Автор более полутора тысяч работ, относящихся к самым разным областям гуманитарного знания – лингвистике, литературоведению, религии, философии. Лауреат многочисленных премий, один из основателей московско-тартуской семиотической школы, сотрудник Института славяноведения РАН, академик РАН с 1990 года.

В.Н. Топоров являлся членом Academia Eurorasa, Международного семиотического общества и Семиотического общества США, почётным членом Академии наук Латвии, доктором honoris causa Вильнюсского университета. Владимир Николаевич был лауреатом Государственной премии, премии Андрея Белого, первым лауреатом премии Александра Солженицына.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Достойная премия для достойных писателей

В ЦДЛ прошла торжественная церемония вручения ежегодной литературной премии им. А. Невского «России верные сыны».

Поэт Андрей Дементьев награждён за книгу «Стихотворения». Прозаик из Оренбурга Пётр Краснов – за произведения, вошедшие в собрание сочинений в четырёх томах. Главный редактор газеты «Слово» Виктор Линник отмечен за публицистический талант и вклад в развитие независимой журналистики в России. Четвёртый лауреат – академик, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) Николай Скатов – за бескорыстное и преданное служение русской культуре и книги о выдающихся русских поэтах.

«Достойная премия нашла достойных писателей» – так сказал Валентин Распутин о награждённых.

Сергей КАРПУШИН

Пётр Краснов, Андрей Дементьев и Виктор Линник

От имени Пушкинского Дома председателю жюри премии Виктору Столповских была вручена Серебряная медаль – за деятельность во благо России.

Поздравить лауреатов пришли: Анна Шатилова, Леонид Бородин, Юрий Поляков, Василий Ливанов, Станислав Куняев, Юрий Маликов и многие другие.

Для лауреатов и их гостей пели Игорь Саруханов, Екатерина Гусева, Игорь Демарин, ансамбль «Денница» и Стелла Аргату.

TERRA INCOGNITA

Сияние в Иркутске

Впервые летела в Сибирь на Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Вот уж когда вспомнишь слова Александра III о причинах нелюбви Запада, да и Востока, к России: «Нашей огромности боятся». Чтобы ощутить российские просторы, нужно их измерить ногами. Или хотя бы пролететь на самолёте.

Первая встреча – Михаил Андреевич Чванов. Путешественник, писатель, исследователь пещер Урала. Михаил Андреевич ведёт не парадными улицами, а закоулками. Рассказывает, что город в последние годы изменился, стал чище, ухоженнее. Тихое предместье. Обычные декорации, которые история выстраивает для трагических сцен: на этом месте, где река Ушаковка впадает в Ангару, в 1920 г. был расстрелян адмирал Колчак. Если бы не М. Чванов, никогда бы не нашла этого деревянного креста на берегу.

Встреча писателей со студентами Иркутского государственного университета путей сообщения. Чёткая и слаженная организация встречи, кто-то заметил: «Как на железной дороге». Во время выступлений писателей выяснилось, что железные дороги объединяют не только пространства России, но и всех нас.

На встрече с писателями губернатор упомянул о восстановлении Круг-Байкальской железной дороги. Это хорошо, не всё же только вспоминать.

В школе № 3 в библиотеке отдельный стенд – «Иркутские писатели» с книгами и фотографиями. Значит, школьники не только эстрадных звёзд, но и родных писателей будут узнавать в лицо. Обширная подписка – все специальные педагогические журналы. Спрашиваю, какие книги дети берут читать в библиотеке. Отвечают, что в основном по программе, но не только.

Хозяева и гости, приглашённые Валентином Григорьевичем Распутиным. Иркутяне – Василий Козлов с его остросюжетными рассказами о тайге и управлении самолётом; внимательные Саша Семёнов и Таня Миронова и, конечно же, Костя Житов, проложивший для автора этих строк путь в Сибирь.

Гости – поэтически задумчивая Мария Аввакумова. Николай Зиновьев. Подтянутый Геннадий Иванов, даже о железной дороге успевший написать экспромт. Искромётный Михаил Рожков, трогающий балалаечную струну и с детским удивлением прислушивающийся к её звуку, его спутница – словно сошедшая с картин Кустодиева. Леонид Иванович Бородин. Человек высокой профессии – лётчик Валерий Хайрюзов. Героический Михаил Чванов. Ну и, конечно, неутомимый рассказчик Станислав Куняев, покоривший своих слушателей. О Есенине он рассказывал так, будто вчера ещё сидели они за одним столом, и беседовал он с ним, как с «Колей» Рубцовым или «Сашей» Вампиловым. Стихи, стихи – свои и чужие – настоящее стихотворное половодье.

Наталья ПЕТРОВА

Анфилада

Из лирики

Константин ВАНШЕНКИН

* * *

Наполнен лицами
Дорогими,
Как осень листьями
Золотыми.

Набит лекарствами,
Как аптека.
Ещё мытарствами,
Что от века.

Воспоминаниями
Солдата
И в них страданиями
Санбата.

Дом в лесу

Утром роща ещё не просохла,
И опять, как случилось на днях,
Ударяется дятел о стёкла,
Отраженье за просек приняв.

Оглушённый, лежит на балконе,
Коготками по жести скребя.
Я беру его робко в ладони,
И он долго приходит в себя,

После этого страшного стресса
Ничего до конца не поняв…
Снова сыростью тянет из леса
Точно так же, как было на днях.

Привычка

Из одной явившись горловины,
Не вникая в родственность свою,
Красные и белые лавины
Схватывались яростно в бою.

Схлёстывались миллионы жизней,
Чтоб навек исчезнуть без следа.
А спустя года, на даче ближней
Шло застолье, – позднее всегда.

И пока соратники болтали,
Он, их речи знающий давно,
По привычке смешивал в бокале
Белое и красное вино.

* * *

Вряд ли вообразимы
В перечне прочих даров
Те бесконечные зимы
С вечной нехваткою дров.

Долгие вялые вёсны
С солнышком только в конце.
Кровоточащие дёсны
Без витаминного С.

Инвалид войны

Тогда и впредь
Смирившийся с судьбой
Готов терпеть
Суровый жребий свой.

О, как ты прав!
Жизнь всё-таки обман –
Пустой рукав,
Засунутый в карман.

Встреченный

Увидишь издали: еле-еле
Бредёт, ступая не слишком в лад.
Но ближе – вздрогнешь: да неужели
И впрямь его этот быстрый взгляд?

Шуршит подобьем сухой былинки,
А вряд ли скажешь: навеселе.
Незашнурованные ботинки,
Как у матроса на корабле.

Памяти однополчанина Борислава Буркова

Эту жизнь принимавший на веру
От врачей получил приговор,
Подтверждающий высшую меру,
А ведь был не разбойник, не вор.

Потихонечку плачет от боли,
Обвеваемый жаром сухим,
Как солдатик беспомощный в поле
Со смертельным раненьем своим.

Мы потери бессчётные множим,
Пребывая в последней возне.
Умереть даже толком не можем –
На бегу или лучше во сне.

Сон

Лицо солдатское, во сне
Привидевшееся невесте –
То ли в дверях, то ли в окне,
То ли в каком-то странном месте.

Лицо солдатское вблизи –
С остриженными волосами,
Не только в копоти, в грязи,
Но и с закрытыми глазами.

Задаться нужно в основном
Вопросом самым человечным:
Каким он спит глубоким сном –
Предельно кратким или вечным?

Ночью на кухне

Тень от капли,
Падающей из крана,
В позднем кадре
Кухонного экрана.

Завернули
Вроде бы до предела,
Лишь заснули –
Капает то и дело.

Все мы высшим
Правилам только учим…
Я же вышел,
Долгою жаждой мучим.

Рояль в январе

Вьюги холодная мгла
Ходит, округу печаля.
Женщина вновь подняла
Чёрную крышку рояля.

Снова рояль в январе,
Словно звенящие льдинки.
Но почему же в игре
Вдруг возникают заминки?

Снежной безлюдной зимой,
Средь этой белой дремоты
Сложно играть и самой
Переворачивать ноты.

Пляж

Одни лежат на животе –
Столь обречённо, как для порки,
Другие в наглой наготе,
Так откровенно, будто в морге.

Какой-то дьявольский урок,
Иль это поле после боя?
…А море синее у ног,
А сверху небо голубое.

Зона риска

Слишком близко
В наши с вами времена
Зона риска –
Склады, яды и война.

Дышат адом
Средь холмов или низин
Спящий атом,
В пищу впитанный бензин.

Что осталось
После свадебных колец?
Немощь, старость
И рискованный конец.

Тоска

И всегда в суматохе людской,
Что законами жизни ведома,
Отличаются разной тоской
Детский садик от детского дома.

Мастер

Но Булгаков был смел
И герою в защиту
Он такую сумел
Написать Маргариту,
Что из многих одна,
Над житейскою бездной
То ли ведьма она,
То ли ангел небесный.

Памяти Святослава Фёдорова

Когда о Фёдорове Славе
Я думаю, то без конца –
И о кавалерийской лаве
Дивизии его отца.

И об отцовском же ГУЛАГе,
И о трамвайном колесе.
О странной Славиной отваге,
Что превзошла иные все.

И средь того аукциона,
Где ненадёжен каждый лот,
Упавший провокационно
Неблагодарный вертолёт.

Брат Слуцкого

То была последняя награда
И приют, поистине родной:
Боря Слуцкий в Туле жил у брата,
До конца – несчастный и больной.

И ни у поэта, ни у Бога
Не прося за это ничего,
Брат Ефим – как Тео для Ван Гога,
Всё, что в силах, делал для него.

Билет

Осознал на склоне лет, –
Кто бы мог подумать, право? –
Лишь в один конец билет
Всем нам выдали лукаво.

Уходящей жизни флёр
Тает с каждым перегоном,
И давно уж контролёр
Не проходит по вагонам.

Начало

Но вместо продолженья
Визитов в той игре
Он сделал предложенье
Её родной сестре.

И прочих потрясённей,
Знал счастие своё
От выданного Соней
Согласия её.

Воспоминания о футболе

Закатная вспышка луча.
Но что там за сладкие звуки?
А это удары мяча,
И ты уже с прочим в разлуке.

Внезапно рождаемый пыл,
Ворота, билетная касса.
И с теми, кто дорог и мил,
Общенья при помощи паса.

Куст сирени

Шарообразный куст сирени
Вблизи стандартных гаражей,
Опять в своей весенней смене
Неистовствуй и хорошей!

Тебя московская природа,
Затурканная няня та,
Хранит в любое время года,
Счастливо Кем-то нанята.

Трон

А этот старец с бородой,
Ещё довольно молодой,
Имел манеру
Лакать мадеру.

Он проявлял и к бабам прыть, –
О, дьявольская школа! –
И кровь умел заговорить
Наследнику престола.

Не кровь, однако, тех полков,
Рязанцев и сибиряков,
Полегших на равнине, –
Та вопиет поныне!

Плыл над Россией смутный гул,
Всё явственней, – тем паче,
Что трон стоял, как старый стул,
Рассохшийся на даче.

Тот женский мат

Тот женский, без причины,
Но откровенный мат, –
Услышали б мужчины,
Вот был бы компромат!

Не при внезапной ссоре,
Не с яростью лица,
А просто в разговоре,
Для красного словца.

А то ещё и проще –
Как лёгкий ветерок,
Пройдёт в беседе общей
Тот женский матерок.

Иль утром, встав с матраца,
Средь гулких этажей
Красотки матерятся
По поводу мужей.

* * *

Жила бы спокойно на свете,
Но душу сжигала порой
Потребность в сердечном секрете,
В желаемой жизни второй.

Скорей для ума, чем для тела,
А, впрочем, хоть как ни зови,
Она откровенно хотела
Такой нелегальной любви.

После свидания

И опять, для порядку,
Всякий новый разок
Три секунды площадку
Изучала в глазок.

Быстро дверь открывала
И его без стыда
От себя отрывала
С болью – как навсегда.

И роняя усмешки
Средь домашней среды,
С облегченьем, без спешки
Заметала следы.

Дознание

Не встречайтесь в домах,
И тем паче впотьмах,
Потому что при свете
Быть придётся в ответе.

Размышлений виток:
Это что за платок?..
В блюдце след сигареты…
И другие приметы…

Только встреча в саду
Не оставит суду
Подходящей улики, –
Даже малой толики.

Анфилада

Бегло снятые комнатёнки –
Анфиладою за спиной.
Разумеется, стенки тонки
(Трудно это назвать стеной).

Только сердца слышны удары,
Равномерно, как метроном.
Поселившиеся здесь пары
Сразу думают об одном.

Город, движущийся упруго,
Их на это благослови, –
Предназначенных друг для друга,
Приспособленных для любви.

Открытие

То, что произошло,
Настолько сильным было,
Что зеркала стекло
Как будто зарябило.

Смотрела на себя,
Почти не узнавая:
Была её судьба
Теперь уже другая.

На новую в упор
Глазела беззаветно…
Не знала до сих пор,
Что это так заметно.

Страсть

Он знал настоящую страсть
И не понаслышке,
Её запредельную власть,
А также излишки.

Он вынес её не из книг,
Без всяческой помпы, –
Однажды он просто проник
В её катакомбы.

Оклик

Окликнула его
Не словом и не взглядом,
А только тем всего,
Что оказалась рядом.

Но будто напрямик –
В летящем раннем гаме
Окликнула на миг
Осанкой и ногами.

Досада

Её лица ночная маска,
А чрез мгновение всего
Досады беглая гримаска
На нерешительность его.

Особенность

Обняла его сама
И поцеловала.
Боже мой, сойти с ума! –
Так это бывало.

И походкою мила,
И лицом красива.
И всегда при ней была
Инициатива.

Пришедшая

Начала раздеваться с перчаток,
В энергичных движеньях смела,
Но сначала с лица отпечаток
Небольшого смущенья сняла.

Расправа

Она то ахала, то охала,
А он ласкал вокруг да около.
И их любовь была расправою –
Взаимною и чуть лукавою.

Уснувшая

В ещё начальной духоте,
Где звуки полдня аккуратны,
Она спала на животе
Средь нагревавшейся веранды.

Желание

Пускай клубилась мгла,
Жизнь не была мученьем,
Пока любовь была
Их главным назначеньем.

– Быстрей иди сюда,
А то устану скоро
Ждать твоего суда,
Вернее, приговора!

* * *

Твоё немыслимое тело,
Оно фактически моё.
Сама ты этого хотела,
Уже впадая в забытьё.

За гранью сущего предела,
На гребне или же на дне,
Где и моё ночное тело,
Принадлежащее не мне.

Недоверчивая жена

Недоверчивая жена,
Подозрительная тигрица,
Многих радостей лишена,
С чем пора бы уже смириться.

Среди мужних знакомств и дружб
Скрытно ищет свою обиду, –
Как сотрудник секретных служб,
Потерявший объект из виду.

Одинокая

Жить одиноко
И ночью, и днём,
Думать без срока
О грустном одном.

Тайна людская –
Знать что-то своё,
В мыслях лаская
Себя самоё.

Заклинания

– Такие трепетные руки
Не отыскать во всей округе,
Да и вздымание груди…
Она в ответ ему: – Уйди!

– Такие синие глазищи
Бывают у одной из тыщи
Или из тысяч десяти…
Она в ответ ему: – Пусти!

Старая актриса

Вас внезапно увижу
И в понятной тщете
Вдруг представлю афишу
На рекламном щите.

Там прелестное фото
Из иной полосы
(Лишь фломастером кто-то
Вам приделал усы).

Мы, былое итожа,
Про себя повторим,
Что и время ведь тоже
Нам наносит свой грим.

* * *

Неровности тротуара
Заметнее после дождя.
Раскрытые окна. Гитара,
Звучащая чуть погодя.

Всё это не то чтобы мнимо
Иль прежде казалось милей,
А словно идущее мимо
Задумчивой жизни моей.

Не помню Константина Ваншенкина учеником. Если у него и были учителя, он действительно пришёл к ним со своим содержанием. А мастерством не овладевал. Мастерство само овладело им ещё в юные его годы.

Что значит «пришёл со своим содержанием»? В поэзии это означает – со своей гипотезой мира, системой жизнеустройства. Само слово К. Ваншенкина с первых же строк выражало своё необщее отношение к жизни.

Как часто ошибались в прошлом и ошибаемся поныне мы, читатели, принимая выстраданную, наисущественнейшую мысль в том или ином стихотворении за так называемую «узкоинтимную альбомность». Даже великие произведения А.А. Ахматовой воспринимали сначала именно так. О стихах К. Ваншенкина иногда говорят: какая точная зарисовка… Но никаких зарисовок у него нет и не было. Демонстрацией своей зоркости он не занимается. Это ему не нужно. Говорят: какие детали… Как тонко подмечено… Между тем «детали» эти только служат К. Ваншенкину оборудованием, помогающим осмыслить чувство, прийти к внутреннему единству, а не просто к согласованности суждений.

Можно возводить без фундамента довольно красивые здания, родственные моде, у которой, как известно, есть всё, кроме будущего. Стихи К. Ваншенкина основательны. Если они о войне, то не ради пересказа того или иного внешне впечатляющего боевого эпизода, а во имя выражения своего взгляда на явление жизни цельной и значительной.

Нет сомнения в том, что К. Ваншенкину присуща формальная изобретательность. Однако её функция сугубо подчинённая, далёкая от самоцели. Присуще ему и другое качество, куда более драгоценное, называемое когда-то инстинктом лаконизма, а теперь тормозной системой.

В его стихах действительно есть природная бодрость, любовь к жизни. Но какие препятствия на пути к ней преодолевает поэт! Как ощутимо это прекрасное преодоление, как чист и высок звук сопротивляющегося материала.

Внимательно читая или слушая К. Ваншенкина, замечаешь бесстрашное отсутствие заботы о том, какое впечатление на публику произведёт то, о чём он пишет. Безразличие к цвету чернил. Забота у него иная, – чтобы стихи не были богатым меню, а содержали в себе хлеб насущный. Забота – не провиниться перед истиной.

Многие стихи К. Ваншенкина стали песнями. Именно сделались ими. Вопреки внешнему, откровенно не песенному строю. Случилось так потому, что его строка рождается «по чутью совести», т.е. непреднамеренно, как музыкальная фраза. Не знаю, положил ли кто-нибудь на музыку эти, например, строфы:

Первый ливень над городом лупит,
Тарахтит в водосточной трубе.
– Ах, никто меня в мире не любит, –
Врёт девчонка самой же себе.

Брызги тучей стоят над панелью.
А девчонка в квартире одна, –
Врёт от радости и от веселья
У раскрытого настежь окна.

Дождь с размаху по улицам рубит,
По троллейбусным крышам стучит.
– Ах, никто меня в жизни не любит! –
Звонко голос счастливый звучит…

Их мудрость, ненавязчивая, всё время ускользающая с поверхности в глубину, музыкальна по своей сути.

Его сдержанный, строгий, почти аскетический стих не допускает притворства, развязности, самолюбования.

1975

Александр МЕЖИРОВ

17 декабря отмечает своё 80-летие Константин Ваншенкин, замечательный русский поэт, фронтовик, автор многих книг стихов и знаменитых песен – «Я люблю тебя, жизнь», «Как провожают пароходы», «Мы вас подождём», «За окошком свету мало» и других. Награждён орденами и медалями. Константин Яковлевич – лауреат Государственных премий СССР и РФ, первый лауреат премии имени Антона Дельвига, учреждённой «ЛГ», в области поэзии. Сердечно поздравляем юбиляра, желаем ему крепкого здоровья, долголетия, новых творческих свершений на благо российской поэзии.

УТРАТА

Когда уходят такие люди, как Георгий Жжёнов, похороненный в минувшую субботу на Новодевичьем кладбище, то стандартная, открывающая некролог фраза «Российское искусство понесло тяжёлую утрату...» кажется

Могиканин

не только излишне сухой, не только недостаточно «объёмной», но и в каком-то смысле не вполне корректной.

90-летний старик, патриарх актёрского цеха, проживший трудную и трагическую жизнь, в последние годы менее всего мог быть назван активным участником так называемого культурного процесса. Раз-два в месяц выходил он на сцену Театра им. Моссовета, где играл в скромном камерном спектакле «На Золотом озере» – в своей «лебединой песне». А про кинематограф, составивший Жжёнову его всенародную славу, и говорить нечего. Последние его экранные работы, совпавшие с «переходной эпохой», остались незамеченными, а самая последняя – снятый семь лет назад «Незримый путешественник» так и остался, в полном соответствии с его названием, фильмом «незримым». Отмеченная как минимум десятком знаковых и «культовых» (достаточно вспомнить хотя бы самого лучшего автоинспектора из «Берегись автомобиля») ролей кинокарьера артиста завершилась, по сути, в 86-м, последней серией знаменитой саги о резиденте...

Но несмотря на эту его профессиональную «незримость» и незаметность, ещё более оттенявшуюся тем подлинным дождём из государственных наград, которые сыпались на него в новейшую эпоху, от одного сознания того, что этот мужественный, несгибаемый, кристально честный человек существует где-то рядом, в душе, честное слово, возникал какой-то исторический оптимизм...

Он играл в «Чапаеве». Он провёл семь лет в лагерях, а потом, по «второму заходу», снова испытал и тюрьму, и ссылку. Он в 40 лет нашёл в себе силы начать всё сначала. Он был талантлив во всём, свидетельством чему тот отклик, что вызвал в «бурно разоблачительные» годы его мемуарный рассказ «Саночки», начисто лишённый пафоса, простой и пронзительный.

С уходом Георгия Степановича Жжёнова утрату понесли «связь времён», ещё более утончившаяся ноосфера порядочности и здравого смысла, общество, страна. Каждый из нас.

«ЛГ»

СОБЫТИЕ

Богатой вдове 100 лет, но выглядит молодо

Культурный, научный и информационный центр Венгерской Республики в Москве организовал юбилейный вечер, посвящённый 100-летию музыкального шедевра – оперетты Франца Легара «Весёлая вдова». И логику этого во всех отношениях сильного хода не надо долго объяснять в России. Мировая премьера состоялась на сцене Театра ан дер Вин в Вене 30 декабря 1905 года. Первые отклики о ней в русской прессе появились через полгода, а уже через девять месяцев, 23 сентября 1906 года, – первая русская премьера «Весёлой вдовы» в Санкт-Петербурге, в Пассаже. Через неделю там же, в Санкт-Петербурге, в Зимнем Буффе – вторая премьера. И с тех пор мы неразлучны с её героями. «Весёлая вдова» имеет астрономическое число представлений по всему миру – от Японии до Нового Света. Количество нот и грампластинок не поддаётся учёту. Вдова миллионера Ганна Главари, за состоянием которой по сюжету все охотятся, делает реальные миллионы по всему миру в течение века.

Но кто думает об этом, когда слушает музыку «ошеломляющей красоты», следит за давно знакомыми персонажами – смешными и трогательными одновременно? «Весёлая вдова» действительно преобразила мир музыкального театра, а кто-то считает, что и мир вообще. Так или иначе, но для России это тоже праздник.

В Москву прибыла фотовыставка из фондов Венгерского музея истории и теории театра, которую организаторы назвали «Франц Легар на венгерской сцене». Более 30 присланных из Будапешта архивных фотографий впервые экспонируются в России и представляют большой научный интерес. На них запечатлены фрагменты первых именно венгерских постановок Легара, о которых мы знаем очень мало. Это премьеры в Венгерском театре Будапешта, Кирай-театре и Театре оперетты столицы. В экспозицию вошли сцены из спектаклей:

«Весёлая вдова». 1906 год. Будапешт

«Весёлая вдова» (1906), «Цыганская любовь», «Граф Люксембург» (обе – 1910), «Ева» (1912), «Там, где жаворонок поёт» (1918) и «Три грации» (1923).

За свою славную историю оперетта звучала на десятках языков, завтра её споют по-русски солисты театра «Московская оперетта» – Елена Ионова, Дмитрий Шумейко, Валерий Исляйкин, Владимир Родин. Слово о Франце Легаре произнесёт театральный критик Александр Колесников.

Павел БЕЛЯЕВ

ПРЕМЬЕРА

Не опозориться перед вечностью

«Морковка для императора» в Театре Антона Чехова

Пьеса чешского драматурга Иржи Губача «Корсиканка» несколько лет с успехом идёт в двух московских театрах. И вдруг сейчас Леонид Трушкин выбрал её для юбилея Геннадия Хазанова, правда, сменив название и несколько переставив акценты. Если раньше речь шла прежде всего о трудных днях Наполеона Бонапарта, интернированного англичанами на остров Святой Елены, то теперь все участники исторического анекдота больше всего обеспокоены тем, как они станут выглядеть в глазах будущих поколений. Ради этого многие из них готовы пожертвовать последним, лишь бы не опозориться перед вечностью. Говоря языком математиков, режиссёр вычислил из пьесы корень квадратный, ибо убеждён, что сиюминутная выгода со временем может обернуться несмываемым позором. И, напротив, лишь подлинное бескорыстие способно сохранить благодарную память потомков.

В других прочтениях этой талантливой и отнюдь не безобидной пьесы основное внимание уделялось борьбе за существование во что бы то ни стало – с назойливыми крысами, с несвежим мясом, со скверным вином, куриными яйцами и козьим молоком, с отсутствием средств... Трушкин отнюдь не посягает на сюжетные перипетии комедии. Но они для него всего лишь оселок, повод, предлог, при помощи которого обнаруживается, кто есть кто на самом деле.

В нашем обществе, где утверждение А.Н. Островского, будто «бедность – не порок», уже не находит прежнего энтузиазма и понимания, где иные норовят как можно скорее урвать кусок побольше и пожирнее, практически некогда да и некому заботиться о том, как ты будешь выглядеть перед судом истории.

«Но есть и Божий суд, наперсники разврата!..» Его неотвратимая опасность отрезвляюще действует не только на верующих. Атеисты в конце концов тоже начинают задумываться о своём поведении, стараясь соотнести его с основными заповедями...

Спектакль устроен подобным образом, что в нём нет второстепенных персонажей. Даже те актёры, которым достались небольшие относительно роли, играют их с такой тщательностью, как будто служат в стационарном репертуарном театре, не претендуя на снисхождение, как это случается частенько в антрепризе, где главные усилия иногда сводятся лишь к поискам звёзд.

Нет, Трушкин тоже ничего против звёзд не имеет. Но он стремится к тому, чтобы и те, кого мы прежде по разным причинам знали хуже, имели бы возможность заявить о себе в полный голос. Разве можно не заметить, с каким явным удовольствием ведёт свой словесный поединок с Наполеоном Губернатор острова – Владимир Михайловский. Их диалог напоминает острую шахматную партию, где каждый готов в любую минуту объявить сопернику мат. Позиционные преимущества меняются после очередной реплики, противники с трудом сдерживают себя, но никогда не преступают грань, а лишь многозначительно улыбаются...

Мария Аронова (Жозефина) и Геннадий Хазанов (Наполеон) в сцене из спектакля

Выдержке Попплтона – Александра Давыдова могут позавидовать самые искусные дипломаты. Ему достаётся не только от Наполеона, но и от Жозефины. Однако, что поделаешь, если сама история предопределила подобную роль верному служаке Британской империи. Ни гневаться, ни протестовать Попплтону никак нельзя. Впрочем, с его заторможенным темпераментом он и не испытывает особых неудобств, постоянно натыкиваясь на сопротивление оппонентов. Попплтон по своей природе вовсе не вредный человек. Если бы не параграфы инструкций, разве бы посмел он ставить палки в колёса по собственной инициативе?..

Соперничество двух наиболее преданных соратников Наполеона (генералов Бертрана – Бориса Дьяченко и Гурго – Олега Макарова) не мешает им постоянно заботиться о своём месте в будущей истории. И когда один из них в отчаянии пишет донос Губернатору на Жозефину, он по-прежнему убеждён, что тем самым он – Гурго – оказывает очередную услугу своему императору.

Мария Аронова в Жозефине соединяет, казалось бы, несоединимое: необыкновенную искренность, наивность, лукавство и простоту с виртуозной эксцентрикой и подлинным гротеском. Не припомню, кто ещё из драматических актрис XX века, кроме Фаины Раневской, владел этим редкостным амплуа клоунессы. Аронова запросто меняет интонации, ритм, темп. Она способна быть и грубой, и нежной, и бескорыстной, и алчной. Однако в любом случае её Жозефина остаётся верна своему кумиру Наполеону. И не только потому, что озабочена собственным местом в будущей истории. Но потому, что по-другому просто не может себя вести в силу своего характера, неуёмного темперамента и редкостной энергии.

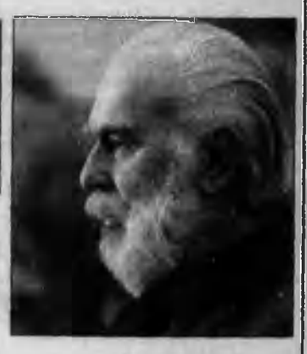
Что касается Наполеона, его судьба представляется в спектакле трагикомической. Геннадий Хазанов, да и Леонид Трушкин, думаю, изначально отдавали себе отчёт в том, чего будут ждать от встречи с бывшим студентом кулинарного техникума многие его поклонники. Но актёр давно и, по-моему, успешно ищет себя в другом репертуаре. Наполеон – как раз один из таких примеров. В герое Хазанова преобладают ноты отчаяния, растерянности. По понятным причинам он больше других обеспокоен своим положением в вечности и ради этого готов на любые жертвы. Но чтобы мы, не дай бог, не заподозрили, будто Наполеон впал в уныние, он может и рожу скорчить, и рассказать смешную историю. Потому что ничто человеческое ему не чуждо...

«Морковка для императора» своим успехом безусловно обязана не только автору, режиссёру, актёрам, но и сценографу Борису Краснову, и композитору Марку Минкову. Потому что им удалось образовать содружество людей, убеждённых в том, что не хлебом единым жив человек. И каждому в конце концов воздастся по заслугам.

Борис ПОЮРОВСКИЙ

ПОРТРЕТ

Летом этого года Гелию Михайловичу Коржеву исполнилось восемьдесят лет. Думал ли он, что доживёт до этого возраста, а если думал, то наверняка не предполагал, в каких условиях это произойдет.



Затворник и прорицатель

Судьба была к нему благосклонна. Коржеву предназначено быть лидером, а он предпочёл стать затворником. Почему? Вероятно, причиной тому какое-то особое отношение к жизни и к творчеству. Эта его особенность, а впоследствии исключительность, впервые стала проявляться ещё на рубеже 1950–1960-х годов; в тот период, когда многие художники ощущали себя новаторами.

Страна растормаживалась, и молодая генерация художников, названных впоследствии шестидесятниками, испытала потребность по-новому взглянуть на действительность, открывающуюся им вне идеологической шумихи. Художники традиционного плана обновляли живопись, представители так называемого «сурового стиля», отличавшиеся от традиционалистов ориентацией на другой слой советской живописи (А. Дейнека, П. Корин и др.), по сути дела, обладали родственными взглядами на задачи искусства.

Проводы. 1967 год

Коржев занял особое место, между двумя флангами. Тем не менее товарищи Коржева оставались в недоумении, когда его не причисляли к «суровому стилю». Ведь многие считали, что начало ему положила именно картина Коржева «В дни войны» (1952–1954), изображавшая вернувшегося с войны художника, раздумывающего перед чистым холстом.

Наиболее же значительной работой на переломе 1950–1960-х годов стал триптих «Коммунисты». Полотно рассматривает историческое событие как бы в двух временных измерениях. Его можно отнести к нормативному понятию соцреализма. Но уже в момент его исполнения в нём виделось что-то необычное, не согласуемое с принятым взглядом на революцию. Сегодня, глядя на этот триптих, приходишь к выводу о новом звучании его первоначального смысла, из которого возникает не только вопрос о смысле борьбы и жертв, но и ответ, в котором ясно читается истинность проникновения в исторические явления.

Этой работой Коржев вошёл в историю современного искусства. Далее последовали не менее яркие произведения, посвящённые Великой Отечественной войне. Самой, пожалуй, лучшей и, можно сказать, эпохальной в этой серии является большое полотно «Проводы» (1967). В ней Коржев показывает мужественный солдатский типаж, преподанный не однопланово, а в комплексе чувств и размышлений о цене войны. Полное драматизма прощание, происходящее на фоне красного, казарменного типа дома с засвеченными бликами окнами, и сдержанное мужество солдата, тяжёлой ладонью прижимающего к груди женщину, и напряжённый строй почти повсеместного красного цвета убеждают в драматичности события и, более того, мощнейшим образом передают то состояние, когда все силы направлены к одной цели: выстоять и победить. Это полотно не менее убедительно, чем военный документальный кадр.

Далее последовали картины, составляющие цикл «Опалённые огнём войны» («Следы войны», «Мать», «Уличный певец», «Облака 45-го года»...), укрепившие художественную среду в понимании значительности творчества Коржева, при том, что оценки их не были единодушны. Художник не только избегал ложного пафоса, но старался показать реальные издержки любой войны. И хотя это и не особо поощрялось руководством советского искусства, оно, понимая авторитет Коржева, поддержало его выдвижение на пост председателя Союза художников Российской Федерации. Сумев немало сделать на этом посту, он пробыл на нём недолго. Реакцией на бесконечные напутствия и указания стала замкнутость в мастерской, отказ от любой должностной службы, от орденов, которыми награждают не помня кого и не помня за что. Художник ушёл в своеобразное затворничество, где можно без помех поразмышлять о происходящих движениях жизни.

Чувствовалось, что Коржев попал не в то время. Оказавшись вне потока жизни, он принял позу наблюдателя, это положение позволило ему обратиться к своего рода живописному философствованию.

В искусстве важен второй план смысла, часто впрямую невидимый, но в настоящем творчестве всегда подразумеваемый. Картина «Беседа» (1975–1985) располагала не просто к размышлению, а к выходу на существенные умозаключения, раскрывающие закономерности явлений жизни. Огромный старик – это слепая Россия. Что такое рядом стоящий Ленин – не ясно. Но таким неравновесным смыслом персонажей художник пробуждал мысль зрителя, которому он предлагал самому прийти к выводу.

Рубежи эпохи обозначаются тогда, когда истощаются иллюзии, ранее казавшиеся работающими идеями. Коржев несколько раз предугадывал рубежи прежде происходящих перемен. Первый раз в промежутке 1975–1985 гг., когда появилась картина «Беседа». Затем к середине 1990-х. Жизнь за окном представилась ему тогда в облике странных, кошмарных существ. Обратимся к одной из картин цикла – «Мутанты» (1982–1993). Сборище отвратительных существ – полулюдей, полузверей, полуптиц – передаёт изменённую сущность людей, облик которых демонстрирует нравственное, интеллектуальное и физическое истощение нового общества. В связи с такой формой иносказания Коржев обращается к опыту произведений Босха. Образное его мышление находится на одной волне с великим нидерландским мастером.

Осознав перевёрнутое лицо новой России и жизнь в условиях стабилизации. Коржев пишет или прямым текстом («Иван, вставай!», 1975–1997), или прибегает к иной чем прежде форме иносказания («Адам Алексеевич и Ева Петровна», 1997–1998), где под ироничным названием подразумеваются русские народные алкаши.

Сегодняшняя действительность уже давно не вдохновляет Коржева на создание героических образов, и он обращается к вечным темам, стараясь вложить в них современный смысл. На первый взгляд его творчество всё дальше расходится с реальностью. На самом же деле в классические образы художник вкладывает истинный смысл происходящих перемен.

Он переводит на изобразительный язык сервантовского Дон Кихота с его мучениями и разочарованиями в способностях человеческого разума. Затем наступает черёд библейской и евангельской тематики. Коржева заинтересовала тема предательства. В ходе нынешних социально-политических перемен тема эта стала особенно актуальна. Художник создаёт одно из лучших своих полотен «Иуда» (1987–1993). Доведён до стадии символа и сюжет гибели двух молодых людей, сбитых огромной машиной в картине «Наезд» (1980–1990). Огромное колесо – это иносказание исторического процесса, наехавшего на Россию. Название оказывается ключевым к прочтению символического значения картины.

Осознав происходящие в стране метаморфозы, Коржев всё больше замыкается в своей мастерской. Такое расторжение союза с художественной жизнью – личное дело Коржева. Вернётся он к общественности? Вряд ли. И в этом – драма нашего времени, в котором ведущее положение заняли случайные люди, некие, вспоминая название ещё одного его недавнего цикла, «тюрлики», выталкивающие из орбиты искусства всех на них непохожих.

В этих условиях Коржев смотрится не только символом давно ушедшего времени, а воспринимается едва ли не знаменем мужества и достоинства художника.

Нет сомнения, что имя значительного мастера сознательно предано забвению. Ни одной информации по телевидению, по радио, в прессе в связи с прошедшим юбилеем. Ни одного вежливого поздравления. Это неудивительно. Кажется, что с картин Коржева спустились в нашу жизнь шустрые мутанты, не подозревающие о существовании культуры.

Виталий МАНИН

ЮБИЛЕЙ

Московскому государственному университету культуры и искусств – 75 лет. Поздравления, подарки, пожелания, смех и радость окружают один из ведущих вузов страны в «культурной» сфере со всех сторон, окутывают и создают атмосферу сказки. Среди поздравляющих и принимающих поздравления студенты, выпускники и преподаватели. Не поддаётся описанию праздничная картина в полном её масштабе, а потому сегодня на страницах «ЛГ» – МГУКИ в миниатюре: один из самых заметных его студентов и трое звёздных выпускников, обязанных своими успехами преподавателям. Четыре судьбы, четыре жизненные истории и четыре признания в любви alma mater, записанные студентами факультета МАСС-МЕДИА.

Звезда со второго курса

Молодой начинающий актёр Александр Пальчиков, второкурсник Московского государственного университета культуры и искусств, Кабанов из сериалов «Солдаты» и «Студенты». Родился в семье военных, мечтал стать врачом, как папа, а нашёл себя в актёрской профессии. Сначала прошёл конкурс в Щукинское училище, но позже выбор свой изменил и пришёл на факультет театра, кино и телевидения МГУКИ.

Честолюбивые замыслы у Александра Пальчикова не простые. Он мечтает стать по-настоящему хорошим артистом. Признаёт, что опасность навсегда остаться актёром сериалов существует, но сниматься в новых сериях истории о студентах не отказывается. Говорит, что лучше начинать так, чем вообще не начать. Верить, что рано или поздно и на него найдётся полный метр, но ждать большого кино до старости, конечно, не собирается.

Постоянно находиться на съёмочной площадке и учиться в Московском государственном университете культуры и искусств сложно, но можно. У Саши и на личную жизнь, и на друзей время остаётся. Однокурсники с уважением относятся к киноработам товарища, он среди них единственный, кого можно сегодня увидеть на экране и кого иногда даже на улицах узнают. Предъюбилейное торжественное настроение университета Саша разделяет, alma mater своей гордится и от души желает, чтобы ещё 100 раз по 75. Если бы мог подарить МГУКИ что-нибудь, кроме собственных успехов, обязательно вручил бы плюшевого мишку. Почему? Просто Саша самым любимым дарит всегда милых плюшевых медвежат. И ещё подарил бы коробку шоколадных конфет, чтобы сладко, мягко и нежно было Московскому государственному университету культуры и искусств.

Анастасия ЗЕЛЕНОВА

Дежа вю Леонида Агутина

Знаменитый «босоногий мальчик», выпускник МГУКИ, Леонид Агутин после своего концерта от души поздравил родной университет с юбилеем, рассказал о ярких событиях студенческой жизни и передал привет всем преподавателям и студентам:

– Я хорошо помню житьё-бытьё в Институте культуры. Я поступил туда в 1985 году. Было очень много талантливых ребят, которые жили в общежитии и только и делали, что сочиняли песни, читали друг другу богемные стихи при свечах и не задумывались, как сделать свой проект коммерчески выгодным.

В институт поступали профессионалы, то есть люди, работающие в своей профессиональной сфере. Именно эта атмосфера меня очень привлекла. Я общался с ребятами, которые уже знали своё дело, и мы умудрялись без отрыва от учёбы зарабатывать деньги, участвуя в разных массовых праздниках, театрализованных представлениях. Причём мы искали работу под конкретные номера, придуманные в вузе. Это была очень интересная профессиональная школа, которую не давал больше ни один институт. То есть мы не просто учились, не просто сдавали систему Станиславского на зачёте, а всё это пробовали на практике. Это потом очень помогло в жизни. Именно МГУКИ дал мне всё, чем я пользуюсь до сих пор: раскрепощённость на сцене, возможность импровизировать. А музыкальная практика шла совершенно по другим каналам, и это уже происходило само самой. Я желаю всем, кто поступил в Университет культуры, попробовать получить от этого удовольствие. Студентов поздравлять с 75-летием смешно. Хочется поздравить именно педагогов, пожелать им доверия студентов, поблагодарить, что существуют такие преподаватели, которые всей душой и всем сердцем отдаются любимому делу, готовые даже приехать в общежитии на репетицию ночью ради студентов.

Записала Женя САФРОНОВА

«Детей отдадим учиться в МГУКИ!»

С выпускницами МГУКИ, участницами группы «Блестящие» – Юлей Ковальчук и Ксенией Новиковой, мы встретились на радиостанции «Юность».

– Что больше всего запомнилось из студенческой жизни?

Ксения: Самое яркое воспоминание, наверное, о том, как мы готовились к первому своему показу, где-то в общаге, ночью.

Юля: Мне больше всего запомнилось посвящение в студенты, только-только все знакомятся, притираются друг к другу. Помню, что наше посвящение на хореографическом факультете откладывалось, в итоге нас «посвятили» в мае. Но готовились мы очень тщательно, дружно, все переругались, потом снова подружились.

Ксения: Помню, ещё до первого сентября в нашей группе уже дали задание сочинить капустник. Одновременно мы готовились и к карнавальному шествию в честь 850-летия Москвы. Так учёба и началась.

– Вы общаетесь со своими бывшими однокурсниками?

Ксения: С однокурсниками пересекаюсь именно на работе, на концертах, так как многие стали концертными администраторами, редакторами, помощниками режиссёров.

Юля: У меня тоже многие однокурсники – танцоры, танцуют у «звёзд», в балетах, мюзиклах, поэтому часто видимся!

– Как удавалось совмещать учёбу и бесконечные гастроли?

Юлия и Ксения: С трудом!

Юля: Мне пришлось перевестись с очного отделения на заочное, поскольку в утренние часы никак не успевала заниматься. Отпрашивалась у продюсеров на сессии и месяц старалась как-то посвящать институту.

– Что бы вы пожелали МГУКИ, студентам и преподавателям?

Ксения: Я хочу поздравить дорогой университет с юбилеем и отдельный привет хочу передать Анатолию Дмитриевичу Жаркову, спасибо ему огромное, всегда вспоминаю и Татьяну Петровну Варьчинко – первого руководителя курса.

Юля: Я хотела бы пожелать, чтобы институт с таким же успехом выпускал талантливых студентов. Ещё хочу передать огромный привет всем преподавателям. Большое вам всем спасибо, поверьте, то, чему вы научили, приносит мне пользу каждый день. Обязательно детей отдам в Университет культуры!

Женя САФРОНОВА, Тинатин ЧУНГУНАДЗЕ

ТЕЛЕ ПРОЕКТ

Елена Чавчавадзе, Никита Михалков

А в глазах «всё та же тайная тоска»

Фильм о соотечественниках на канале «Культура»

Примерно год назад по каналу «Россия» прошёл документальный сериал «Русский выбор». Он стал заметным явлением в истории хроникально-публицистического кино и заметной вехой в освещении столь непростой темы, как Белое движение в Гражданской войне и в изгнании. И вот совсем недавно на канале «Культура» состоялась премьера нового сериала «Русскіе без Россіи», который создан при содействии Культурно-просветительского центра «ОРДЕН» – общества ревнителей духовного единства народов.

От создателей фильма (ведущий Никита Михалков, автор проекта Елена Чавчавадзе, продюсер Денис Звягинцев) вновь потребовалось немало такта, мудрости и терпения, чтобы совместить определённую бесстрастность с эмоциональностью подхода, чтобы не «перехлестнуть» в своих чувствах – столь понятных при обращении к судьбам отдельных личностей, однако не всегда оправданных в оценках сложных исторических реалий.

Первый сериал был посвящен исходу. Бегству из России громадной массы людей, гонимых новым государством с его новой идеологией. Нынешний – показывает последующую жизнь русской эмиграции. Жизнь особой породы людей в условиях, близких им по социальному и общественному укладу, но тем не менее с десятилетиями не оставляющей тоской по своей родине. Наверное, нет в мире другого такого народа, у которого было бы столько могил в чужой земле... И потому сила «Русского выбора» в его мощном внутреннем накале; здесь каждый кадр, каждый метр ленты буквально кровоточат. Как в капсуле, заложенной в стену, в этих сериях хранится послание потомкам: вот наши слёзы и страдания, вот наша надежда, вера и любовь к матери-Родине.

Творческий коллектив фильма (режиссёры Татьяна Карпова, Ирина Бахтина, Галина Кудряшова, Людмила Уланова, авторы текста Валерий и Людмила Дёмины) сделал немало для того, чтобы придать особую неповторимость и его стилистике, и смысловой окраске. Сериал динамичен, скуп в выразительных средствах и одновременно насыщен приёмами чисто документального кино, в котором показ куда важнее рассказа.

Диктует тема. Никита Михалков остаётся верен своей манере подачи материала: он по-прежнему богато «интонационен», элегантен в формулировках, подчас пафосных, насыщенных риторикой. И всё же есть в его артистизме магия, наполненная чувствами истинного патриота, ратующего за Россию, за укрепление в памяти будущих поколений тех ценностей, которые дадут хотя бы в малой толике почувствовать вкус к слову «Отечество». Фильм строится на рассказах об эмигрантах, чья сознательная жизнь сложилась в странах, в основном западных: Франции, Германии, США, а также в славянской Сербии. Это дети эмигрантов первой волны, хорошо помнящие своих родителей и всё, что связано с кочевьем по морям и океанам в поисках нового пристанища. Глядя на этих людей, невольно вспоминаются слова Марины Цветаевой: «Всё та же тайная тоска». Она проглядывается во внешне вполне успешных и таких «западных» дамах и господах, которые иногда столь мило подыскивают нужное слово по-русски. Она, тоска, пусть и не так остро, видна и в глазах более молодых эмигрантов, которые трогательно хранят память о земле своих предков.

Большинство из интервьюируемых – люди благородных кровей, именитых сословий, чьи предки не словом, а делом прославили Россию: Мусин-Пушкин, Бунин, Зайцев, Ремизов, Тэффи, Волков, Бенуа, Лифарь – что ни фамилия, то отблеск света великой русской культуры!

Мы видим, как опыт и талант русского эмигранта переплетаются с жизнью и укладом страны, которая приняла их. Важно понять, что наши соотечественники, как правило, нигде не чувствовали себя пасынками. Особенно это было характерно для Франции. Считавшиеся беженцами, они фактически становились полноправными членами общества, причём ничуть не гнушаясь черновой или не «титульной» работой. Одних только русских таксистов в этой стране было более трёх тысяч. Вместе с тем среди награждённых орденом Почётного легиона есть и выходцы из русских эмигрантских семей второго поколения: Александр Жевахофф, советник министра обороны Франции, трепетно хранящий в своём доме реликвии, связанные с судьбой деда. Ирина Зайончек, атташе посольства Франции в РФ. Последней принадлежат глубокие по смыслу слова: «Быть русской во Франции и французом здесь, в России». Ведь второе, а тем более третье поколение эмигрантов «первой волны», их дети, внуки мало отличаются по менталитету от коренных сограждан стран, что приютили когда-то их отцов и дедов. Но поют же они русские песни, едят пельмени, пьют чай из самовара, учатся русскому языку, с удовольствием приезжают в Россию. Наступит время, когда для русских французов, русских немцев, британцев и т.д., живущих в своих нынешних странах уже в бог знает каком поколении, слово «эмигрант» станет звучать как семейное предание. Но всё равно, можно быть уверенным, будет эхом проникать в сердца людей русская песня любви к Отечеству, самая щемящая мелодия на свете.

Один из героев серии под названием «Дорога домой» – Андрей Андреевич Мусин-Пушкин, праправнук графа Андрея Мусина-Пушкина, известного в России коллекционера, археографа, историка. Сегодня он часто бывает в Рыбинске, в Ярославской губернии – на этой старинной земле, где что ни камень, то вздохи и слёзы предков, где затоплены цветущий когда-то город Молога и сотни усадеб, сельских домов и погостов. А в их числе и дом родовитых Мусиных-Пушкиных. Что движет сегодня их детьми? Только ли ностальгия? Скорее всего, нет. Честь, достоинство, порядочность – эти качества лучших представителей русской интеллигенции, передаваемые из поколения в поколение, находят выражение на генетическом, подсознательном уровне. Юрий Трубников, внук выпускника пажеского корпуса, военный разведчик, воевал в Алжире. Его формула: «Долг чести в Алжире, долг памяти – в России». Вот оно, по словам Никиты Михалкова, «первозданное ощущение страны».

Какие бы препоны ни ставила нам наша буйная история, но постепенно и мы вбираем в себя то благородное, что было когда-то в дореволюционной России, а потом сохранялось и развивалось в эмиграции, в России зарубежья. Как жаль, что о многих мы знаем понаслышке. Татьяна Васильчикова-Меттерних. Ирина Удинцова-Пабст, Анна Марли... Для кого-то имена этих незаурядных женщин вообще мало что значат. Анна Марли, она же Бетулинская, – легендарная певица, чьи песни поднимали отряды французского Сопротивления. А родилась она в старинной русской дворянской семье, в родовом древе которой много знаменитых людей. Или русская балерина Ольга Соловьёва, после ухода из Крыма ставшая одной из звёзд нового югославского кинематографа. Та же несравненная Ольга Янчевецкая, несостоявшаяся звезда русской оперы. Она поёт в серии «Тамо далёко...»: «Где теперь мой милый, // где любовь и ласка...» Поёт необыкновенно красиво и душевно.

Надо заметить, что эта серия, посвящённая эмигрантам, оказавшимся в Сербии и сердечно принятым королём Александром Карагеоргиевичем, – одна из самых трогающих сердце. Сербские кадры самые трепетные, самые волнующие. Комок к горлу подкатывает, когда слышишь сербскую мелодию, созвучную состоянию и духу русских людей, исстрадавшихся в годы исхода и по-братски принятых в отнюдь не самой богатой стране и столь пронзительно откликающейся на фоне нынешней трагедии сербского народа.

Вообще ассоциаций и современных рефлексий новый сериал предлагает немало. Что особенно важно при разговоре об общественной значимости фильма, в разы превосходящего уровень возможных обывательских толков о нём, что, мол, опять ностальгия, опять господа эмигранты!.. Но в том-то всё и дело, что «Русскіе без Россіи» – это «многоуровневая» работа, затрагивающая и проблемы нравственного порядка, при котором ответственность любого государства как перед беженцами и переселенцами, так и перед своими соотечественниками, живущими на «береге дальнем», полагается равновеликой. Только тогда общество может считать себя цивилизованным, когда оно помнит о своих детях, разбросанных страшной трагедией России в XX веке по всему миру и не по своей воле лишённых главного – Родины. И не зря так проникновенно читает в фильме Никита Михалков строчки замечательного русского поэта Владимира Солоухина на фоне кадров детей, марширующих где-то на чужих полянках с российским национальным флагом в руках:

Кого потеряла, не ведала
В мальчиках тех страна!
Пушкиных, Грибоедовых,
Героев Бородина!..

Это звучит как горький упрёк нам и предостережение тем любителям сегодняшних социальных экспериментов, коим (по цитированной Пушкиным поговорке) «чужая головушка – полушка, да и своя шейка – копейка».

Сергей ЛУКОНИН

ТЕЛЕ ФОРУМ

Россия возродится Сибирью

В Тюмени проходил девятый по счёту межрегиональный телевизионный фестиваль, чей девиз и привлекателен для зрителя, и одновременно заставляет задуматься – «Белые пятна истории Сибири». Верно подмечено, что без прошлого нет настоящего, а без настоящего – будущего, цепь времён непрерывна, и стоит только выпасть одному звену, как образуется «белое пятно».

Заполнить эти «белые пятна», расшифровать события и людей, уже ставших бывшестью, – задача достойная. Ею и занят Тюменский телефестиваль. Участие в нём принимают не только сибиряки, но и дальневосточники, и северяне, и уральцы. Членам жюри в этот раз, например, пришлось просмотреть более пятидесяти лент. Что же главное было вынесено из этих просмотров?

Первое. Ныне не существует телевидения, скажем, столичного и телевидения провинциального, и по этому делению, мол, у провинциального телевидения и «труба пониже, и дым пожиже». Если быть откровенным, то это у столичного телевидения фильмы иногда выходят на-гора такие, что их без противогаза невозможно смотреть: слишком уж дурной запашок идёт от них и, как в игре в «очко», бывает перебор. Перебор крови, секса, грязи, «клубнички», «негатива», чернухи, пошлости, глупости и так далее. Высокий уровень провинциального телевидения очень наглядно подтвердил Тюменский телефестиваль.

Второе, и это надо отметить особо, душою фестиваля стал собрат по профессии, такой же литератор, как и многие из нас, и одновременно – теледокументалист, глава телерадиокомпании «Тюмень-регион» Анатолий Омельчук. Если бы не он, вряд ли бы съехались в Тюмень люди из столь многих весей и городов российских, вряд ли бы они спорили до хрипоты, обсуждая, зарыл Колчак российское золото в землю, или же оно до сих пор хранится в банковских подвалах Токио, могла бы Россия ныне выжить, если бы не было безымянных героев, открывших на здешней земле первые фонтаны нефти... Вряд ли бы участники фестиваля с замиранием сердца ожидали приговора высокого жюри, возглавляемого питерским режиссёром Игорем Шадханом... В общем, Омельчук лишний раз доказал, что и один человек может быть в поле воином, если у него есть единомышленники.

Третье. Существует точка зрения, что интеллектуальный уровень нынешнего телевидения оставляет не то чтобы желать лучшего (это означает вообще ничего не желать), а требует некоего резкого скачка, движения вверх, даже перекраивания... Действительно, ныне на экране идёт много «мыла», которое можно смотреть десятками километров и без всякого ущерба переключаться с одной кнопки на другую – везде будут мелькать одни и те же лица, а общее движение лент напоминает рождение навоза в природе (извините), мысли же, как правило, будут такими тонкими, что за них невозможно зацепиться, а авторский текст надо переводить со словарём с разгонного воляпюка, громко именуемого сленгом, на нормальный язык, и так далее.

Формула фестиваля «В прошлое ради будущего» была оправдана конкурсными лентами. Главная премия «Гран-при» была присуждена фильму «Homo Sachaliensis». Это печальный и поучительный рассказ о путешествии Чехова на Сахалин. Думаю, встань Антон Павлович из могилы и посмотри трезвым критическим оком на нас, нынешних, да на Сахалин, разорённый, как после войны, и приготовившийся уже разговаривать по-японски, он был бы ещё более обескуражен, чем в пору Сахалина каторжного, вот ведь как. И хотя фильм не делает никаких сравнений, эти сравнения всё равно приходят на ум, и вопрос вечности «Камо грядеши?» всё равно встаёт перед нами. Остаётся лишь добавить, что романтичный и умный фильм этот создали хозяева фестиваля, тюменские теледокументалисты.

Первый приз был вручён новосибирцам за ленту «Тайны сибирского Колизея». Этот фильм о том, как осенью 1941 года из Москвы были отправлены в эвакуацию бесценные шедевры Третьяковки, как в обстановке строгой секретности двигался литерный поезд и как обогатились духовно сибиряки, в течение нескольких лет посещая Третьяковку, поселившуюся в недостроенном оперном театре.

Второго приза была удостоена лента о драматических поисках главного сибирского клада, оставленного в этих краях армией Колчака, – «Золото Ямала». Третий приз также достался ленте, созданной на Ямале, в Салехарде, – «Свадебный аргиш». Этот фильм – и игровой и документальный одновременно, этакий синтез и того и другого, создан на языке ханты, рассказывает об очень красочных свадебных нарядах и быте небольшого северного народа.

Практически все ленты, рассмотренные жюри, сделаны по классическим законам кино – в них существуют и сюжет, и образы, и настроение, и кульминационные подъёмы, и необходимые сбои, чтобы перевести дыхание, и философия – словом, всё-всё, что положено иметь подлинным произведениям искусства. Соблюдены все каноны.

Кроме главных призов, было ещё много других – зрительских симпатий и жюри, оргкомитета и Евразийской академии телевидения и радио, призы по профессиональным номинациям и президента «Тюмень-региона»...

Более того, призов не хватило. А это, если хотите, показатель качества фестиваля.

Валерий ПОВОЛЯЕВ,
МОСКВА–ТЮМЕНЬ

ТЕЛЕ ГА

«Письмо счастья»

Телевизионным начальникам от их доброжелателя поклон

Дорогие теленачальники!

Не в состоянии более сопротивляться разумом рекламному прессу возглавляемых вами телеканалов, способному сокрушить любую ещё мало-мальски не одеревеневшую подкорку, и, находясь пока ещё в ясном уме и трезвой памяти, предлагаю заключить следующее мирное соглашение.

Я согласен до конца своих дней с утра начинать чистить зубы исключительно зубной пастой для чувствительных зубов «Лакалют», а как только чувствительность уменьшится, уменьшить свой кариес на 72% зубной пастой «Колгейт».

Согласен, умывшись нежным мылом «Камеа» и помыв голову шампунем «Хед энд шолдерс», а все остальные волосяные покровы – шампунем «Шамту», побрившись при помощи крема «Арко» бритвой «Жиллетт» с тремя плавающими ножами и намазав тело кремом «Камеа деликат», а самые деликатные места – «Красной линией» (прокладки и памперсы пропущу, потому что при всём желании употреблять не смогу), сдобрив одну подмышку «Рексоной», другую (чтобы не обидеть никого из производителей и вместе с ними несравненную Марию Шарапову) – «Леди-спид-стик-24 часа», а всё остальное – не оставляющим следов (и запаха?) «Секрет-гелем», утолять лёгкий голод только густым и нежным творожком со сливками «Даниссимо», а более тяжёлый голод – макаронами «Макфа», с поджаренными на плите «Гефест» при помощи «день и ночь думающей о нас» сковородке «Тефаль» в подсолнечном масле «Милора» полуфабрикатами «Золотой петушок» с консервированными овощами «Балтимор» и одноимённым кетчупом, щедро политыми майонезом с яичными желтками «Ряба», запивая всё это попеременно только чаем «Ахмад», кофе «Милагро», «Нескафе-голд», и заполнять себя исключительно соками «Тонус», «Мой сад», «Добрый» и «Я».

Чтобы справиться с первым пищевым ударом и не потолстеть, торжественно обещаю не забыть тут же обклеиться «Слимом-24», съесть таблетки для похудения «Ли да голд» вкупе со всеми известными китайско-тибетскими капсулами, а чтобы остаться после этого в живых, немедленно употребить «Активию» и под лихие караочные песни – «Фестал», а для полного восстановления – «Йодомарин» с «Центрумом».

После чего, погладив рубашку утюгом «Браун-фристайл», постиранную с помощью «Ретоны» и непременно «Тайдом», чтобы не пойти по миру, когда «пойдёт ко мне» этот настырный малый в компании с беспардонной Сердючкой, торжественно клянусь не забыть пролистать журналы «Караван историй» и «Атмосфера», дабы доподлинно выяснить наиважнейшие в нашей теперешней жизни обстоятельства, кто из «звёзд» «с кем, когда и как». После чего, напихав в рот «Орбиту» всех вкусовых оттенков и модификаций, гарантирую поездку на службу, где, приняв для точности прицела глазные капли «Чернега», я начну мять документы и метать их в урну, чтобы потом, уединившись с подругами по работе, похрустеть «Сладкими парочками», запив всё это «Горячей кружкой».

Повторный пищевой удар и вздутие живота клянусь нейтрализовать «контрреволюционным» препаратом «Мезим». А ближе к вечеру, вернувшись домой и поужинав пельменями «Русский хит» с майонезом «Кальве», гадом буду, не забуду употребить «Золотой конёк» и «Простамол» (мало ли?), отведать, слитых в общую ёмкость (опять же, чтобы никого не обидеть) «Старого мельника», «Балтику», «Толстяка», «Красного Востока» и всех других новоявленных сортов пива, дабы потом «отполировать» всё это продукцией компании «Немиров» с неизменным перцем.

Под воздействием употреблённого и в заключение всего этого бурного дневного цикла непременно обещаю, ей-ей, воспользоваться необычайно мягкой и пушистой туалетной бумагой «Клинекс», испытав после этого гарантированное «необычайное облегчение»...

За всё это прошу немногое. Сущую малость. Прошу на сон грядущий увидеть (по купленному за полцены в «М.Видео» или «Техносиле» телевизору) хотя бы одну программу или фильм, в которых рекламный метраж не превышал бы все пределы, хоть сколько-нибудь соотносимые со здравым смыслом, где рекламные блоки не подбирались бы по своему хронометражу к объёму, почти превышающему продолжительность самих фильмов и программ, и не «врубались» бы столь жирными кусками, что по окончании оных с трудом вспоминаешь, о чём, собственно, шла на экране речь до того.

Антон МЕНЬШОВ

Нет, по-человечески мне, конечно, понятны все ваши бюджетные головные боли в условиях специфического российского капитализма, господа «продавцы эфира». Но, судя по количеству припаркованных вокруг «Останкино» навороченных иномарок, вы, надо полагать, на паперти не стоите. Да ведь и есть же в конце концов психологический предел, за которым примитивная настырная реклама, денно и нощно атакующая население (доходы которого и, соответственно, покупательная способность составляет у нас всего лишь 13–14% от ВВП в отличие от 60–65% среднеевропейских) оказывает эффект, диаметрально противоположный желаемому. И последнее. Интересно, даже в отсутствие многострадального закона о недобросовестной рекламе не возникало ли у вас хотя бы мимолётного желания всё-таки извиниться перед тысячами страдальцев, митингующих сейчас по всему Подмосковью и кинутых не без помощи телерекламы квартирными мошенниками? Не говоря уже о тех, кто, избежав печальной участи нынешних «новосёлов», всё ещё хорошо помнит и «очарование» МММ-овских бабочек, и «денежки», идущие благодаря фокусникам «отличной компании» «Хопёр-Инвест», да и телевизионные обещания нашего первого «гаранта», публично обещавшего «лечь на рельсы» как раз накануне дефолта...

Владимир ПОПКОВ,
среднероссийский телезритель

P.S. «Телебиблиография»: несколько программ наших федеральных и дециметровых каналов, «потреблённых» в течение вечера.

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

Керосин нынче дорог?

Илья Колосов на ТВЦ вновь увлекательно провёл свою программу «Завтра, послезавтра... и все дни недели». Многие политические передачи поднадоели переливанием из пустого в порожнее. А вот ему удаётся удерживать зрителей, нащупывая болевые точки нашей удивительной жизни. Анализируют с ним проблемы, как правило, нетривиально мыслящие эксперты – на этот раз бывший зампред Счётной палаты Юрий Болдырев, специалисты по энергетике Виктор Кудрявый и Александр Ремезов.

Последняя тема – деятельность РАО «ЕЭС России» и прогноз на ближайшее будущее судьбы нашей энергосистемы. Оно выглядит весьма пессимистично. Кризис, поразивший Московский регион, грозит повториться где угодно в стране. Руководство энергохолдинга ту вину признало, но продолжает прежнюю чреватую новыми бедами стратегию, «распиливая» систему и повышая тарифы. Потому правомерны претензии, предъявленные Ю. Болдыревым, – почему власти не принимают мер к наведению порядка в компании, от которой зависит вся наша жизнь?

Владимир ПОЛЯКОВ

Полный майдановец

Удивительно было наблюдать воскресным вечером явление господина Немцова на НТВ! Этот господин, говоря о конфликте, спровоцированном оранжевой украинской властью, желающей получать российский газ по халявным ценам, а потом ещё и спекулировать им, выглядел вполне не российским гражданином, а националистом-бандеровцем, который может желать России только зла и готов обманывать её ради своих узколобых выгод, за которые украинскому народу ещё придётся дорого заплатить.

А собственно, чему тут удивляться? Что ещё можно ждать от человека, который беззаветно служит президенту Украины, не скрывающему своих антироссийских наклонностей?

И уже совсем не по себе становится, когда вспомнишь, что человек этот был вице-премьером российского правительства! Более того, претендовал на роль преемника Ельцина! И сколько преемников и последователей дела Немцова осталось во властных структурах, сколько их продолжает его дело... Сколько людей и сегодня готовы за него голосовать... Что же ещё нужно сделать, чтобы они очнулись?

Игорь КУЛИЧЕНКО

А ради чего, собственно?..

Одним из недавних поздних вечеров после очень ёмкого и в то же время прозрачного по мысли рассказа о жизни и творчестве Ангелины Степановой в программе «Апокриф» на канале «Культура» начался разговор о любви и ненависти. Нет слов, участвовали в нём очень компетентные представители соответствующей науки, много говорилось о ненависти к врагу, о том, что в мирной жизни её оборотной стороной становится нередко любовь... И вот прошла передача, и что же осталось, как говорят, в сухом остатке? А вот эта самая толчея в ступе разнообразных вариантов проявления любви и ненависти. Наверное, теория, связанная с этими понятиями, существенно обогатилась. Но у телевизора сидел наш российский зритель со своими вопросами на эту тему, а именно: как в жизни поступать в том или ином случае? Ведь враги бывают не только на полях сражений, где ненависть уместнее назвать мужеством, патриотизмом – мало ли у нас понятных и ёмких слов? А в жизни как, да ещё в сегодняшней? Когда далеко не всегда человек человеку друг? И от всего этого долгого разговора на душе осталось признание Льва Аннинского о том, что ненависть можно пересилить только любовью, иначе она будет разъедать самого человека. К слову, дать 2 – 3 минуты такой личности в обширной передаче – в высшей степени нерационально.

Валентина КОРОСТЫЛЁВА

ТЕЛЕ АНОНС

Под знаком «Мастера»

В ближайший понедельник, надо думать, всё же свершится! Руководство телеканала «Россия» объявило о долгожданной (в данном случае это слово применимо абсолютно) премьере телесериала «Мастер и Маргарита» и собрало по этому поводу специальную пресс-конференцию. Дата, правда, вновь названа с осторожностью: мол, если ничто не помешает.

Гендиректор «России» Антон Златопольский подтвердил, что проект этот оказался самым сложным из всех, какие делали когда-либо на ВГТРК. Сценарий фильма был написан Владимиром Бортко ещё в середине 90-х, и в 2000 году режиссёр приступил было к съёмкам, но их пришлось отложить из-за возникших проблем с правами на экранизацию. Позднее права у наследников Булгакова были каналом выкуплены.

Начать съёмки режиссёр смог лишь в мае прошлого года и завершил их в рекордно короткие сроки – за девять месяцев. Практически с новым составом исполнителей, некоторые актёры потеряли интерес к картине, а некоторые, как, например, Олег Янковский – предполагаемый Воланд, отказались, понятное дело, по соображениям мистического характера.

Во всех этих помехах Владимир Бортко не видит никакой мистики и считает, что просто-напросто такими оказались жизненные обстоятельства. Режиссёр задал пресс-конференции тональность откровенного и глубокого разговора о культовом романе русской интеллигенции XX века, к своей роли интерпретатора относясь со здоровой долей иронии. Однако на вопрос о том, использовались ли, кроме романа, другие литературные источники, он ответил твёрдым «нет», уточняя: если не иметь в виду то, что в целом прочитано им о Мастере. И с вызовом добавил: «Но если вы о том, чтобы найти в нашем фильме хотя бы одну не булгаковскую строчку, не надейтесь...»

Бортко не скрывает, что, начиная съёмки «Мастера и Маргариты», поставил на кон свою репутацию, но, судя по всему, не снять этот фильм он не мог: «Смотрите, в романе даны ответы на все ваши вопросы».

Нина КАТАЕВА

МОЯ ГЛАВНАЯ ТЕМА

Пешками не рождаются

Наука управлять уже давно стала весьма востребованной частью психологии. Но обычно специалистов в этой отрасли больше интересовала личность руководителя. А вот личности подчинённых не привлекали особого внимания. Ведь вроде бы от них так мало зависит... Иначе думает видный российский учёный, директор Института психологии РАН, профессор Анатолий ЖУРАВЛЁВ.

– Анатолий Лактионович, почему сегодня проблема личности человека подчинённого стала одним из важнейших направлений в деятельности Института психологии?

– Мне пришлось видеть много трудовых коллективов, в том числе и моих коллег учёных, работа которых не приносила нужных результатов. И не потому, что они занимались сверхтрудной задачей. И не потому, что подчинённые были бездарные, незаинтересованные, а руководитель недостаточно требовательный и опытный. А потому, что «низы и верхи» команды психологически не подходили друг к другу. У них не складывались отношения, которые бы соответствовали решаемой задаче. Распоряжения руководителей словно повисали в пустоте...

Почему это происходило? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо было получить новые данные о психологии исполнения и личности исполнителя. Это и удалось сделать нашему институту. В нескольких городах России в производственных и научных организациях мы за несколько лет обследовали более тысячи человек. Оказалось, что в отличие от шахматной доски, где есть восемь чёрных и белых пешек, ходящих всегда одинаково на шаг вперёд, в человеческих коллективах существует огромное разнообразие психологических типов исполнителей и их деятельности. Мы выделяли их в зависимости от того, какие качества исполнителя оказывались ведущими или, наоборот, подавленными.

Перечислю лишь основные. Компетентность, профессионализм, подготовленность человека. Самостоятельность исполнения. Ответственность или безответственность. То есть озабочен ли человек целью довести дело до результата или работает лишь бы начальник отвязался? Мотивированность, заинтересованность. Иначе говоря, насколько активен, энергичен работник. Креативность, творческий подход к делу...

– И когда компьютер обработал весь массив этих данных, вы стали первым человеком, увидевшим психологический портрет труженика России рубежа веков. Он вас порадовал или разочаровал?

– Как учёный я считаю некорректным давать нравственную оценку нашим результатам. Да мы и не ставили перед собой такой задачи. Но если вас интересует моё личное мнение, то мне было приятно увидеть, что в большинстве оказались вовсе не лентяи и халтурщики. И заблуждаются те, кто уверяет, что народ наш обленился и разучился работать.

Результаты показали, что наиболее частыми оказались **нормативное исполнение и нормативный психологический тип исполнителя. Среднемотивированный, среднесамостоятельный** и во всём остальном умеренный тип личности и работника. Да, не «стахановец». Да, выполняет распоряжения от А до Я, не дальше. Но в своей трудовой деятельности он надёжен, добросовестен и продуктивен.

Два следующих типа тоже относились к высокочастотным, хотя и встречались реже нормативного типа.

Сверхнормативные исполнители, «ударники» выполняют больше, чем от них ожидают, имеют пики в мотивированности, ответственности, самостоятельности, но не в креативности.

Увы, примерно столько же, сколько этих «ударников», мы выявили представителей так называемого **низкомотивированного** типа. Этот исполнитель – «ни рыба ни мясо». По профессионализму, заинтересованности, ответственности – везде на графиках зияющие провалы. И, как правило, у этих людей не было «искорки» ни в чём – ни в увлечениях на отдыхе, ни даже в личной жизни.

Четыре следующих типа исполнителей встречались значительно реже.

Творческие исполнители стремятся выполнить поручение как можно лучше, воплощают в жизнь усовершенствованные варианты решения, до которых сам начальник бы не додумался. Делая эту «прибавку», они самореализуются. Схватка со сверхзадачей становится смыслом их жизни. Они не уснут, пока не примут её на себя.

Трансформирующие, то есть изменяющие задания исполнители, выслушав указания и не вступая ни в какие дискуссии, делают всё по-своему, исходя из своих мотивов и представлений. Мотивы же у этих, если можно так выразиться, «киндерсюрпризов» могут быть самые разные, начиная от жульничества или желания отомстить начальнику и кончая искренним стремлением отличиться. Но именно их деятельность часто приводит к срывам в работе.

Не менее опасен для начальника **пассивно-следующий** исполнитель. На их графиках был провал по креативности и самостоятельности, зато пики в мотивированности и ответственности. Это люди, плохо разбирающиеся в работе, но стремящиеся исполнить указания с высочайшей точностью, которые из-за страха ошибиться буквально истязают своего руководителя бесконечными расспросами и уточнениями.

И, наконец, седьмой тип исполнителя – **«уклонист»**. Он уходит от взаимодействия с руководителем, избегая поручений. А если его таки нагрузят, то он быстренько нахалтурит и снова – в «бега». Интересы этих людей лежат не в работе, а в другой сфере, где они себя и реализуют.

– Ваши результаты могут помочь предприятиям отсеивать на основе психологических тестов негодных исполнителей ещё на стадии приёма на работу?

– Оказывается – и для меня это самое важное открытие, – что психологические типы исполнительской деятельности определяются лишь в небольшой степени природно-обусловленными и индивидуально-психологическими качествами. Главным образом они зависят от социально-психологических свойств личности.

– Не понял, в чём тут неожиданность?

– Личность каждого из нас – это как бы трёхуровневое «строение». Фундамент из монолитного бетона – это генетически детерминированные качества человека, которые невозможно изменить, как, например, невозможно вырастить в самом блестящем литинституте Пушкина или Стендаля. Гением можно только родиться.

Над фундаментом – основная часть человеческого «здания», индивидуально-психологические качества. Они приобретаются как через задатки, так и воспитанием, жизненным опытом. Словом, это то, что очень прочно и долговечно, но что всё-таки можно изменить, перестроить. Например, пожилой человек с низкой коммуникативностью, сложившейся благодаря тому, что ему вполне хватало внутрисемейного общения. Но вот дети выросли, ушли в свои проблемы, и однажды умирает жена, его последняя опора. Вдовец мучается от одиночества, и в результате жесточайшего стресса его замкнутость – индивидуально-психологическое качество – изменяется. Он начинает искать общения с людьми, понимая, что другого пути выхода из депрессии и страданий нет.

А самый верх «психологического здания» можно сравнить с мансардой дома, построенной из лёгких досок. Это наиболее пластичная часть нашей личности. Она реализуется в гибком поведении, которое мы сознательно изменяем в нашей повседневной жизни, приспосабливаясь к социальной среде, сотканной из интересов окружающих нас людей. Пример такого поведения в социально-психологической ситуации? При выяснении причины аварии чувствующий свою вину водитель, каким бы грубияном он ни был, вовсю «виляет хвостом», чтобы расположить к себе «товарища майора».

Так вот, оказалось, что все семь обнаруженных нами психологических типов исполнения создаются, образно говоря, на третьем «этаже здания» нашей личности. Люди не только не рождаются пешками, но даже и плохими и хорошими пешками. Это не предопределено нашими генами, и даже после многих лет развращающего бездельничанья в какой-то конторе человеку посильно измениться и стать хорошим работником. Поэтому один и тот же человек не всегда, но в большинстве случаев может менять типы исполнительской деятельности.

– От чего это зависит?

– От характера задач, решаемых организацией, и от личности руководителя, психологического типа его управляющей деятельности.

В научных организациях мы нашли особенно много уклоняющихся от исполнения потому, что наука по своей сути – низкорегламентированный вид деятельности, где нет жёсткого контроля, жёстких этапов и где трудно сразу оценить качество продукции.

Наличие творческого типа исполнительской деятельности во многом зависит от того, к какому руководителю попадает подчинённый. Творческие люди практически не встречаются у авторитарных руководителей. Наши исследования показали, что в науке, особенно в прикладной, такие руководители не редкость.

Вообще я бы назвал креативных исполнителей самым эффективным, но неудобным типом подчинённых. Они низкоуправляемы, конфликтны, склонны к эмоциональным срывам. Их творческие качества расцветают лишь при взаимодействии с пассивным невмешивающимся руководителем или коллегиальным, способным к взаимодействию на равных.

Зато чем более авторитарен начальник, тем более он культивирует нормативное и сверхнормативное исполнение. Первый тип оказался особенно характерным для армейской субкультуры управленческого взаимодействия. Этого и следовало ожидать, поскольку вся военная дисциплина построена на том, что человек должен сделать ровно столько, сколько ему поручили. Сверхнормативное исполнение было более выражено на промышленных предприятиях. Но чем «сверхавторитарнее», бескомпромиссное, жёстче с подчинёнными проявлял себя руководитель, тем чаще у последних формировалось пассивно-следующее, нерешительное, угодливое и непродуктивное исполнение.

Надеюсь, что наши данные открывают путь к решению задачи, более сложной, но и более заманчивой по результату, чем подбор для конкретного предприятия оптимальных руководителей и подчинённых. Речь идёт о выборе типа управленческого взаимодействия как интеграции вкладов руководителя и подчинённого, наиболее подходящей для того дела, которым это предприятие занято.

Антон МЕНЬШИКОВ

О ЧЁМ ГОВОРЯТ

Капризная, как фея

На вопросы «ЛГ» отвечает руководитель Росгидромета (Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды), президент Всемирной метеорологической организации, кандидат географических наук Александр БЕДРИЦКИЙ.

В самом развитии облака крылась великая тайна. По каким неведомым законам оно вдруг начинает пухнуть, наливаться и темнеть? Оно капризно, как фея, оно может выкинуть любое. Может вывалить на землю десятки миллионов тонн воды. Обстрелять землю сотнями молний или пролиться тёплым грибным дождём.

Даниил Гранин
Роман «Иду на грозу»

– Можно ли ожидать выдающиеся прорывы в науке метеорологии?

– Боюсь вас разочаровать, но прорывов в геофизике и гидрометеорологии не было в последние годы, и маловероятно, что они произойдут в ближайшем будущем.

Но развитие нашей науки идёт весьма быстро. Это проявляется в том, насколько растёт точность прогнозов погоды и её экстремальных явлений. 30 лет назад достаточно точный прогноз ограничивался 2–3 сутками, за ними уже лежала непредсказуемость. Сегодня мировые метеоцентры – а Россия к ним относится и занимает 7-е место по надёжности прогнозов – дают прогноз на сутки вперёд с точностью свыше 90%, около 80% – на неделю. А правильность в 60–70% уже свойственна для прогнозов на следующий сезон. Кстати, Росгидромет определил температурный режим зимы прошлого года с точностью 61%, позапрошлой – 58%, а из месячных предсказаний 2004 года лучшим было сентябрьское – 85%. Но погода следующей весны сейчас ещё неизвестна вовсе...

– А что касается тайфунов, штормов и тропических ураганов?

– Визит «Риты» и «Катрины» на территорию США предвидели уже за 5–7 дней. Удалось спрогнозировать скорость ветра этих ураганов, траекторию движения, мощность ливней, которые они принесли. Ни о чём подобном ещё каких-то 20 лет назад человек не мог и мечтать.

Этот прогресс был обусловлен не открытиями фундаментальных наук, а технологическими и организационными усовершенствованиями, громадной рутинной прикладной работой.

Во-первых, до 10 000 пунктов увеличилась международная сеть наземных метеостанций (из них 1038 российских), восемь раз в день дающих традиционный набор из 30–40 наблюдений об осадках, температуре, давлении, влажности и т.д.

Во-вторых, в последние годы резко вырос объём информации уже не точечного характера, который дают метеостанции, а трёхмерной, широкозахватной, получаемой со спутников, самолётов, кораблей. Например, это профиль температуры воды, начиная с глубин океана и кончая его поверхностью, и температуры воздуха от суши до верхних слоёв атмосферы.

Но вся эта колоссальная информация оказалась бы бесполезной, если бы не удалось наладить её анализ. Это и стало третьим направлением прогресса в метеорологии.

Например, в 2004 году в Японии появился компьютер, считающийся сейчас самым мощным в мире. Он совершает 35 триллионов операций в секунду и применяется для многих задач, в том числе для прогнозирования погоды. Обобщая колоссальный объём метеонаблюдений, этот сверхкомпьютер рассчитывает прогноз погоды на земной поверхности с разрешением в 5 километров. Этот прорыв – один из самых ярких.

– Выходит, за последние годы человек не узнал ничего принципиально нового о взаимодействии суши, океана и атмосферы, из которого и рождается погода, хотя и научился получать больше информации и лучше её анализировать?

– Это не совсем так. Сегодня мы гораздо больше знаем о том, как в «природных печках» над океаном зарождаются тайфуны, штормы, циклоны, ураганы наподобие «Риты» и «Катрины». Причина их появления – резкий перепад температур поверхности океана и воздушных слоёв. Когда в Карибском море температура воды вдруг повысилась почти на 6 градусов и достигла 31°С, родилась «буйная девушка» «Рита» и помчалась к побережью США. Примерно также появилась на свет «Катрина» и другие их «родственники».

Глобальные проекты Argo и Torpex как раз и нацелены на решение этих задач. Одновременно две эти грандиозные международные программы должны сделать прогнозы погоды более надёжными и заблаговременными, что уменьшит число человеческих жертв и разрушений при природных катастрофах.

Я бы с осторожностью назвал Торпех окном в то далёкое будущее человечества, когда оно научится управлять погодой. Сегодня «лекарство от тайфунов» невозможно создать потому, что, скажем, движение одного атмосферного фронта длиной несколько сотен километров заключает в себе энергию, сопоставимую с высвободившейся при взрыве всех ядерных боеголовок одной великой державы. Воображая даже середину нынешнего века, трудно себе представить, что можно будет безопасным образом учинить в атмосфере такое грандиозное «энергетическое сражение».

Но воздействовать на циклон на стадии его зарождения, допустим, «заполнить» его, чтобы он не формировался дальше, может быть, будет возможно...

– Если сегодня человек только учится воздействовать на погоду, значит, само понятие «климатические войны» не более чем журналистская утка?

– Безусловно. Потому вымыслом были и жалобы Фиделя Кастро на США, которые якобы обрушили засуху на Кубу, и высказывания некоторых американских метеорологов, что «Катрина» и «Рита» могли быть эхом холодной войны, итогом применения некоего электромагнитного генератора, разработанного в секретных лабораториях СССР и проданного развивающимся странам.

На самом же деле человек сегодня освоил лишь четыре вида так называемых точечных воздействий на гидрометеорологические процессы. И их никак не назовёшь таким громким понятием, как «управление погодой».

Это противоградовые работы, принудительный спуск снежных лавин, рассеяние холодных туманов и такая излюбленная пища для шуток и злословия москвичей, как искусственное регулирование осадков, которое в народе называют «разгоном облаков».

По поводу же «разгонов облаков» замечу, что наша публика не права, думая о них как о дорогущем удовольствии московских властей, которое к тому же якобы портит погоду в послепраздничные дни. Что недешёво – это так, около 2,5 миллиона долларов обходится одно «погодоулучшительное мероприятие» над Москвой. Но никакого вреда погоде эти меры не приносят. На сегодняшний день по воздействию на погодные процессы российские достижения считаются одними из лучших в мире, и наш опыт имеет гораздо более широкое применение, чем только разгон облаков в праздничные дни.

Экономические аспекты гидрометеорологии представляют для меня особый интерес. Я посвятил им мою кандидатскую диссертацию и сегодня внимательно слежу за этим интереснейшим мировым процессом. Метеорология становится основой прибыльного бизнеса, и я уверен, что в XXI веке инновации в этой области превратятся в широко востребованную и развитую отрасль мирового экономического хозяйства.

– Но разве сейчас это уже не произошло? Ведь у рекламы, звучащей во время прогноза погоды, едва ли не самые высокие расценки?

– Доходы от рекламы – это капля в море от той огромной прибыли, которую человек получает от прогнозов погоды и предсказаний климатических экстремумов. За последние 50 лет ежегодный ущерб от природных явлений в мире вырос в 10 раз и достиг сейчас 60–70 миллиардов долларов, причём удары стихии метеорологического характера, как, например, ураганы, штормы, засухи, ливни, град, составляют подавляющее большинство (85–87%) природных экстремумов. Остальные 13% делят между собой явления геофизического характера – землетрясения и цунами; геологические процессы – оползни и осыпи, и гидрологические – паводки, наводнения, сели.

Всё более опасными для человека эти катаклизмы становятся не столько за счёт их учащения, а потому, что с развитием цивилизации и урбанизации повысилась уязвимость общества. Например, при знаменитом урагане летом 1998 года в Москве скорость ветра была не больше 22–33 метров в секунду, и этого хватало, чтобы выворачивать деревья, срывать рекламные щиты, опрокидывать краны. А на Камчатке такой «ветерок» просто не заметят. Там это обыденное явление.

2004 год выдался для России рекордным по числу опасных гидрометеорологических явлений – 310 (в 2002 – 2003 годах соответственно 276 и 272). Из них наша служба спрогнозировала 86%. По нашим подсчётам, экономический эффект от использования гидрометеорологической информации для экономики страны составил около 11 миллиардов рублей. Вообще же в развитых странах прибыльность от успешных предсказаний климатических факторов составляет около 7 долларов на каждый вложенный доллар.

Сейчас в мире сложилась некая общая тенденция. Метеослужбы любой страны мира финансируются бюджетом, и их деятельность является воплощением государственных гарантий гражданам по защите их здоровья и имущества от негативного воздействия погоды и климата. Однако чем более развита экономика страны, тем больше ей требуется помимо общедоступной информации прогнозов специальных: для авиации, флота, сельского хозяйства и т.д. А чем более специализированной становится метеоинформация, тем более она интересна для сферы бизнеса.

Россия теряет ежегодно из-за природных катаклизмов около 1 миллиарда долларов, и мы надеемся, что если всё, что мы задумали, осуществится, сумма потерь будет уменьшаться ежегодно на 7–8%, то есть более чем на 100 миллионов долларов.

– Уже два года вы возглавляете Всемирную метеорологическую организацию. Чем она занимается?

– Основная цель этого специализированного подразделения ООН, куда входят 189 стран и территорий, состоит в обеспечении и совершенствовании единой всемирной системы наблюдения за погодой.

Национальные гидрометеорологические службы стран – членов ВМО передают в глобальную сеть наблюдений информацию по всему земному шару. Потом мировые и региональные метеорологические центры обмениваются информацией и различными прогнозами. Ресурсов одной страны не хватило бы для точных прогнозов даже на трое суток и вообще для успешного развития современной гидрометеорологии. Сегодня это можно достичь только международными усилиями.

УЧЁНЫЕ РОССИИ

Так учинили начало

Из приглашённых Петром в Россию иностранцев, пожалуй, не найдётся никого, кто бы так же самоотверженно потрудился в кузнице наших национальных кадров, сколько голландец Николай Бидлоо.

Первая в России постоянная больница с отечественными врачами. Первый военный госпиталь. Первая школа-вуз для подготовки врачей. Первый учебник по медицине.

Николай (Николаас) Бидлоо родился в 1670-м в Амстердаме. Изучал медицину в Лейденском университете, и в 1697-м защитил диссертацию. В качестве приложения к его диссертации сохранились две поэмы, написанные на латыни поэтами, друзьями Бидлоо. Ведь он рос в семье, где кроме медицины, знали и любили театр, литературу, живопись, архитектуру, музыку, математику.

В 1701 году Бидлоо пригласил в Россию по личному распоряжению Петра наш посланник в Голландии Андрей Матвеев. Контракт заключили на 6 лет. Бидлоо заступал на должность «ближнего доктора его царского величества». Он безотлучно находился с Петром, участвовал во многих боевых действиях, бывал на строящихся верфях и каналах, словом, всюду, где метался наш неуёмный реформатор.

В 1706 году Пётр предложил своему лейб-медику основать и возглавить госпиталь с «лекарской школой» в Москве.

Бидлоо с жаром принялся за составление планов здания, финансовых смет и всю прочую подготовку лечебницы. Не прошло и года, как Николай Робертович написал царю: «Божьим благоволением гофшпиталь ноября в 21-й день 1707 г. в такое состояние приведён, что с оным в Божие имя начало учинено и первые несколько больных в тот дом приведено».

В качестве первых пациентов приняли отставных солдат, монахов, подьячих, даже нищих. Пациентов вначале был недобор, ибо театры военных действий были далеко, а москвичи тогда ещё предпочитали знахарей.

28 лет Бидлоо посвятил своему госпиталю. Единственным источником знаний для студентов долго были его лекции, которые и записывать-то удавалось не всем. Бумага была только немецкая и очень дорогая.

В мае 2006 года отметит своё 300-летие первое лечебное заведение России, а ныне Главный военный клинический госпиталь им. академика Н.Н. Бурденко. Создателем госпиталя был голландский врач, учёный, сподвижник Петра Великого Николой БИДЛОО.

Лекарство изготовлял штатный аптекарь госпиталя, в основном используя растения, которые выращивали в ботаническом саду и «аптекарском огороде», распланированном Бидлоо.

С 1708 по 1712 год через госпиталь прошло уже 1996 больных. И это при штате всего в 5 медработников – доктор Бидлоо, лекарь, подлекарь, аптекарь, подаптекарь. Правда, ещё помогали 33 студента.

Бидлоо страстно заботился о карьерном росте своих учеников, становлении нашей национальной медицины и её кадров. Ради своих питомцев этот лейденский интеллектуал отважно конфликтовал со столькими важными персонами, шёл грудью на такие редуты, что это можно объяснить только тем, что в России он не просто по гениальному русскому слову «обжился»... Он полюбил её, она стала для него второй родиной.

Успехи Бидлоо в подготовке первых российских врачей встревожили сообщество иностранных медиков. Началась травля его учеников. Двух из них, принятых на флот, завалили на самовольных экзаменах иноземные доктора. Бидлоо заступается за русских перед начальником флота адмиралом Апраксиным. Гневный голос русского голландца воистину пробивается к нам через века. «Нужно им, – возмущённо говорил он адмиралу об интриганах, – чтобы твоего народа никто при них в такой науке не был. Чтобы сами они господами были, а они *(русские врачи)* бы слугами были до смерти, как и прежде сего обычай был!»

В 1715 году травля достигла такого накала, что дело дошло до императора. Тот приказал, чтобы четырёх выпускников Бидлоо переэкзаменовывала уже целая экспертная комиссия. Знания молодых специалистов оценили как «зело изрядные». И тогда Петру осточертели козни иностранных интриганов. 18 марта 1715 года Сенат в присутствии Петра постановил: «Чтобы никто из оных *(медиков-иностранцев)* никакой обиды в чести и повышении чина российского народа от него *(от Бидлоо)* изученным хирургам являть не дерзал».

В 1723 году Бидлоо отстоял бесплатное лечение больных из простого народа, которое вопреки начальному указу Петра отменили чиновники. В своём рапорте возмущённый Бидлоо написал: «Его Императорское Величество именным своим указом, когда сначала строился госпиталь, изволил мне приказать, чтобы всякого чина людей мизерных, хоть не из солдатства, в госпиталь принимать, и... лечить, я такая Е.В. милость всему народу генеральная была».

Николай Робертович таки добился того, чтобы в его госпитале, как и решил Пётр, лечили бесплатно всех, кроме «шляхетства и купечества». Так были заложены на Руси основы общедоступной квалифицированной медицины, которая и в западной-то Европе тогда была в зачаточном состоянии!

А доктор Бидлоо приказал увенчать статуей богини милосердия при госпитальную церковь и призывал в своём «Наставлении для хирургов» молодых врачей «лечить больного по любви»...

Николай Бидлоо умер 23 марта 1735 года. В России он прожил 34 года. Могила его не сохранилась. О судьбе его потомков ничего не известно.

Страницу подготовил Александр РЫЛОВ

ЖИЛИЩНЫЙ ФОН

Обещанного лет двадцать ждут

Московская городская дума приняла Закон «О порядка признания жителей города Москвы малоимущими в целях постановки их на учёт нуждающихся в жилых помещениях». Уже название его говорит о том, что закону не обойтись без пояснений.

В советские времена, чтобы в Москве вселиться в отдельную квартиру, приходилось выжидать в очереди 10 – 15 лет. Сегодня же получить её бесплатно стало ещё проблематичней: муниципального жилья строят немного, а очередь на него – огромная. Причём по договорам социального найма оно практически предоставляется только в Москве, Санкт-Петербурге, Саратове и некоторых других крупных городах. Во многих же регионах в последние годы строительство муниципального жилья не ведётся – нет денег.

Новый Жилищный кодекс Российской Федерации ещё более осложнил жизнь нуждающихся в жилье москвичей. Если раньше в очередь на получение социального жилья могли встать все, у кого на каждого члена семьи приходилось меньше установленных по норме квадратных метров жилплощади, то теперь в соответствии с федеральным законом право на получение жилья имеют только малоимущие граждане или иные категории лиц, признанные нуждающимися в нём. Разбираться же, кого следует к ним причислять, поручено местным органам власти в соответствии с теми нормами, которые будут установлены региональными законодательными органами.

На заседании Мосгордумы руководитель Департамента жилищной политики и жилищного фонда Пётр Сапрыкин разъяснил, что малоимущими будут признаваться москвичи в тех случаях, когда совокупный доход всех членов семьи, а также стоимость имущества не позволят им в течение 20 лет приобрести жильё, необходимое по установленным городским нормам на каждого члена семьи. Для информации: сейчас городская норма в столице составляет 18 квадратных метров.

Совокупный доход – это, по сути, семейный бюджет. Более или менее всё ясно. Что же касается стоимости имущества, то здесь членам столичного правительства пришлось поломать голову. В результате решили учитывать только самое значимое – имущество, подлежащее налогообложению. В частности, квартиры, земельные участки, строения и сооружения, автомобили и т.д. Более подробной методике определения стоимости имущества будет посвящено специальное постановление правительства, которое увидит свет в ближайшее время.

Допустим, сейчас какая-то семья, остро нуждающаяся в улучшении жилищных условий, перебивается с хлеба на квас. Правда, у неё ещё с советских времён осталась дача. Раньше эту семью, которая ютится в маленькой квартире, могли бы без особых проблем поставить в очередь на получение социального жилья. Теперь же могут сказать: денег, которые вы получите от продажи вашей нынешней квартиры и дачи, вполне хватит на новую, благоустроенную квартиру. Так что сами решайте свой квартирный вопрос.

В соответствии с городским законом максимальный срок ожидания социального жилья в Москве – 20 лет. Но здесь есть один существенный нюанс: если за это время доходы членов семьи существенно возрастут, её перестанут считать малоимущей и вычеркнут из списка очередников.

В документе также подробно прописан порядок признания граждан малоимущими. Для этого необходимо подать заявление и предоставить пакет документов, подтверждающих право на улучшение жилищных условий. В течение 30 дней муниципальными органами должно быть принято либо положительное, либо отрицательное решение. Можно прикинуть: сегодня, по официальным данным, за чертой бедности живёт 18,2 процента москвичей. Считай, каждый пятый! К этому числу прибавьте минимум столько же людей, которые не смогут накопить на жильё денег не только за 20 лет, но и за всю жизнь. Иными словами, половина жителей Москвы о покупке хорошей, благоустроенной квартиры может только мечтать!

Таков закон: максимальный срок ожидания социального жилья – 20 лет

Постановка на учёт для получения социального жилья будет проходить в два этапа: сначала гражданин признаётся малоимущим, потом нуждающимся в улучшении жилищных условий. Следует отметить, что все горожане, которые встали в очередь до 1 марта 2005 года, т.е. до ввода в действие нового Жилищного кодекса, будут получать бесплатное муниципальное жильё, как и раньше. Так что они могут не волноваться. Причём те, кто уже получил жильё, имеют право в течение двух лет его приватизировать. Те же, кто получил его после 1 марта, сделать этого уже не смогут: жильё остаётся в собственности города.

Сегодня москвичей волнует проблема: как будет составляться очередь на получение жилья по договору социального найма? Раньше существовали очередники, первоочередники и внеочередники. Теперь очередь одна – льготники, а это значит, что десятки различных их категорий будут, по сути, получать жильё так же, как и очередники. В статье 33 Жилищного кодекса записано, что жилые помещения предоставляются гражданам в порядке очерёдности, зависящей от времени их постановки на учёт, и это впредь не позволяет вводить какие-либо приоритеты при предоставлении жилья, как было раньше. Но, конечно же, нет правил без исключения. В том же Жилищном кодексе сказано, что жилые помещения по договорам социального найма предоставляются категориям граждан, «признанных по установленным настоящим Кодексом и (или) федеральным законом или законом субъекта РФ основаниям нуждающимися в жилых помещениях». Прежде всего это те, кто потерял жильё при каких-либо форс-мажорных обстоятельствах – в случае пожара, наводнения, террористического акта, обрушения дома… Или выпускники детских домов, которые по достижении 18 лет покидают привычные стены, и их нужно обеспечить жильём. Наконец, лица, страдающие хроническими заболеваниями, например, больные туберкулёзом в форме, опасной для окружающих. Всем этим людям жильё предоставляется на льготных условиях, вне всякой очереди. В мае этого года постановлением правительства Москвы был введён следующий порядок: 40 процентов муниципального жилья будет выделяться льготным категориям граждан и 60 процентов тем, кто стоит в очереди на общих основаниях.

Конечно, как и раньше, получить бесплатное муниципальное жильё будет очень сложно. По словам заместителя руководителя Департамента жилищной политики и жилищного фонда Николая Федосеева, в 2004 году для обеспечения жильём очередников было выделено 367,8 тысячи квадратных метров, что позволило улучшить жилищные условия 7,6 тысячам московских семей. В этом году будут примерно такие же цифры. О чём они говорят? Судите сами: сегодня в очереди на получение жилья стоят 200 тысяч семей (это около 655 тысяч человек). Вот и прикиньте, сколько лет им ждать квартиру, если ситуация не изменится.

Но если повезло и вы получили бесплатное жильё, вам придётся чётко выполнять все пункты договора социального найма. По новому Жилищному кодексу существует несколько оснований, согласно которым вас могут выселить из муниципального жилья. В частности, за неуплату предоставленных коммунальных услуг в течение шести месяцев, за разрушение или повреждение жилого помещения, за систематическое нарушение прав и интересов соседей и за использование жилого помещения не по назначению. Причём вас могут выселить и без предоставления другой жилой площади.

Сегодня в Москве примерно 140 тысяч должников, которые не платят за квартиру более 6 месяцев.

По стране выселение должников за неуплату ведётся уже давно. Москва же проявляет гуманность: до сих пор не было ни одного случая, чтобы должника выселили из его квартиры. Единственный прецедент такого рода закончился тем, что депутат Мосгордумы от округа, где жила злостная неплательщица, оплатил весь её долг – 23 тысячи рублей.

Но утешение для других закоренелых должников слабое: на всех неплательщиков не хватит добрых депутатов.

Виктор БАШКИН

ГОРОДСКАЯ ДУМА

Нередки мнения, что население столицы немного что знает о работе депутатов Мосгордумы. О ней якобы лишь узкий круг политологов и юристов что-то может сказать. В связи с этим уместно напомнить афоризм из Лао-цзы – «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует».

Лучшая власть
та, про которую редко слышишь

Владимир Платонов, уже более 10 лет бессменно возглавляющий Мосгордуму, на вопрос, зачем она нужна, всегда отвечает кратко: «Для того чтобы делать то, что не может и не имеет права делать мэр». Она необходима как часть государственной машины, утверждающая бюджеты, налоги, принимающая законы.

То, что деятельность депутатов негусто освещается СМИ, возможно, упрёк справедливый, но он должен быть направлен к обеим сторонам, тут и Думе, и прессе есть о чём подумать. Но населению главное – чтобы всё в городе было в порядке, а как и кем он достигается, как правило, горожан волнует мало.

Главное в деятельности Мосгордумы – заботиться о населении, чтобы в домах было светло и тепло. При сильном мэре работа представительного органа несколько отходит на второй план, но депутаты не «считаются славой» с властью исполнительной. Но вё контролируют. Дума принимает необходимые городу законы, а уж москвичи и правоохранительные органы смотрят, как они исполняются, чья деятельность их нарушает. И второй контроль самый важный – через финансы. Дума утверждает бюджет, указывает, на что и сколько надо потратить. То есть задаёт программу деятельности власти исполнительной и потом проверяет, как это программа осуществляется.

15 января 2006 года исполнится 220 лет со дня первого заседания Московской городской думы. Владимир Платонов считает, что Дума нынешняя продолжает добрые традиции представительной и законодательной власти столицы, накопленные за всё это время.

Почти сотня заседаний в год (весной было тысячное). За год Мосгордума рассматривает около полутысячи вопросов, принимает сотни законов, постановлений, тысячи поправок к проектам законов. Бюджет – один из важнейших документов. В этом году, как и в прошлые, более 40 процентов средств из городской казны пошло на социальную помощь горожанам.

Владимир Платонов не раз отмечал, что работа в Мосгордуме налажена так, что ни один вопрос не решается кулуарно, каждый депутат имеет своё мнение и отстаивает его самыми разными способами, предусмотренными регламентом. Парламентарии вносят поправки, обосновывают свою позицию, голосуют «за» или «против», заявляют. «Я удовлетворён работой депутатов, с каждый годом она становится всё сильнее и опытнее. Мы совершенствуемся и создаём профессиональный парламент столицы», – сказал председатель Думы.

Год нынешний начался тяжело – плохо продуманный и подготовленный федеральными властями 122-й закон о монетизации льгот взбудоражил всю страну, и москвичи не стали исключением. Но Мосгордума встретила проблемы во всеоружии, приняв в дополнение к закону 70-й закон города Москвы, лишивший население повода возмущаться властями и избавивший его от необходимости перегораживать дороги. Закон восстановил льготы отдельным категориям граждан. Нельзя доводить людей до того, что они начинают возмущаться установленным порядком, выходя на улицы. Принимая законы, Мосгордума внимательно отслеживает, как они действуют. Как только обнаруживается нечто «вредное», в законы немедленно вносятся поправки. Наверное, нет ни одного закона, принятого столичной Думой, который бы не подвергся этой процедуре.

Бесспорно, что это достоинство представительной власти – принимать законы, регулирующие жизнь в городе так, чтобы народ даже не замечал этого. Не почувствовали москвичи на себе, что совсем недавно пережили важный период в жизни столицы – подготовку и проведение выборов в городскую Думу по новому Избирательному кодексу Москвы. Выборы шли своей дорогой, а проблемы столичные решались баз всяких остановок.

Москвичи, судя по прошедшим выборам в Мосгордуму, довольны обеими ветвями власти своего города. Почти половина пришедших на участки проголосовали за список «Единой России», возглавляемый мэром Юрием Лужковым и председателем Думы Владимиром Платоновым, который к тому же ещё уверенно лидировал и в своём округе. То, что под их руководством сделано в Москве за последние 12 лет, наверное, и есть самый лучший административный ресурс, который помог им победить.

Мосгордума со многими проблемами сталкивается даже несколько раньше, чем другие регионы. Например, она первой приняла закон о минимальной заработной плате. Теперь подобные действуют и в ряде других регионов. Столица первой обратила внимание на коренных москвичей, всю жизнь проживших в коммуналках, которым отдельная квартира даже не светила.

Весьма сложным оказался вопрос об игорном бизнесе. Юрий Лужков назвал его «полным развратом и моральным уродством» и призвал Мосгордуму подготовить законопроект об ограничении числа игорных заведений. Шум вокруг этого поднялся неожиданно мощный, защитников нашлось немало. Навести порядок в этой отрасли развлечений непросто. Депутаты столицы больше всего не хотели навредить делу и пока нашли компромиссный вариант городского закона «Об игорном бизнесе», устанавливающий минимальную площадь казино и слотсалонов, запрет на размещение залов игровых автоматов в метро и рекламу. А подобного федерального закона пока нет, что осложняет поиск наилучшего решения.

Заключительным мажорным аккордом Мосгордумы третьего созыва стали поправки в Закон «О мерах социальной поддержки отдельных категорий жителей города Москвы», благодаря чему неработающие пенсионеры, живущие в столице, при наличии медицинских показаний получают право на бесплатное лечение в санаториях. Пенсионеры также вправе рассчитывать на возмещение расходов на проезд железнодорожным транспортом дальнего следования к месту лечения и обратно.

21 декабря, видимо, пройдёт первое заседание четвёртой Мосгордумы. «Кого можно назначить спикером, решит партийная организация, то есть «Единая Россия», – сказал Владимир Платонов, отметив, что не намерен отказываться от должности председателя Думы, если выбор падёт на него. Да в общем-то и оснований для замены успешного руководителя трудно найти.

Конечно, вряд ли кто будет спорить, что на успех «Единой России» мощно повлиял огромный авторитет Юрия Лужкова. Своим участием в списке он гарантировал, что в случае избрания представители этой партии вместе с мэром будут и дальше принимать нужные законы и решения, которые уже сейчас поддерживаются москвичами.

Победа «команды Лужкова и Платонова» даёт все основания полагать, что Юрий Михайлович будет переназначен мэром и в 2007 году. Система управления мегаполисом выстроена отлично. А от добра добра не ищут.

Геннадий ПОЛУШИН

НЕКРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Как отбиться от одноруких бандитов

Увы, этот факт не из детектива, которым принято зачитываться в метро: Москву оккупировали однорукие бандиты. Многочисленные игровые залы и казино, точно крепостные валы, которые предстоит преодолеть московскому правительству. За ними скрывается почти неподконтрольный бизнес, прокручивающий огромные потоки денег. Как заставить их работать на общество? Вот в чём вопрос. Устраивать облавы на игорные заведения? До сих пор такая мера оказывалась неэффективной. Поединок с ними можно выиграть лишь с помощью продуманной налоговой политики.

Недавно Мосгордума приняла законопроект о повышении с 1 января 2006 года ставки налога на игровые автоматы в два раза, а на игровые столы и тотализаторы – на четверть. Согласно проекту ежемесячный налог в Москве на один игровой стол составит 125 тысяч рублей против нынешних 100 тысяч, а на игровой автомат – 7500 рублей вместо сегодняшних 3500. Московское правительство ожидает, что эта мера принесёт городскому бюджету около 3 миллиардов рублей.

Но для Москвы засилье игорных домов – это ещё и большая социальная проблема. И потому в столичной Думе готовится другой законопроект – о выводе их за пределы города и об ограничении связанной с ними рекламы.

Поддержали московских парламентариев и федеральные законодатели. На днях депутаты Госдумы приняли в первом чтении законопроект, в котором речь идёт об увеличении ставок налога на игорный бизнес в целом по стране.

– Этот законопроект уже давно назрел. Как известно, к игорным заведениям влечёт не только предпринимателей, элитарную или богемную публику, что не нуждается в средствах, но и граждан, чей доход ниже среднего. Если одни играют из голого азарта, для развлечения, то другие – в надежде улучшить своё материальное положение, при этом нередко оставляя свои семьи без средств к существованию, – говорит один из инициаторов законопроекта, член думского Комитета по бюджету и налогам Сергей Чижов.

Игорный бизнес в нашей стране бурно развился, и, как показывает статистика, доход от игровых автоматов только в этом году составил более 100 миллиардов рублей. Однако сумма налоговых отчислений не превысила 12 миллиардов. Более того, ставки на игорный бизнес до сих пор не индексировались ни разу и рассчитаны на основе показателей 2001 года. Так что пора этот бурный поток необузданных страстей и средств ввести в цивилизованное русло.

Василий ТРЕСКОВ

НОВОЕ НА КАРТЕ МОСКВЫ

«Гранд-паркъ» в Берёзовой роще

Север нашей столицы заслуженно пользуется славой территории с благоприятной экологической обстановкой. Здесь расположено около десяти крупных естественных и рукотворных парков, зон отдыха и скверов, среди которых известные всем Серебряный Бор, Главный ботанический сад и лесопарк Покровское-Глебово. Есть и зелёные островки менее известные, но ничуть не утратившие от этого своего очарования и притягательной силы. Не случайно район рядом с одним из таких парков, который называется Берёзовая роща, был выбран для строительства большого современного жилого комплекса «Гранд-паркъ».

Этот уникальный по архитектуре комплекс будет состоять из шести жилых групп – «домов-эркеров» различной этажности (от 12 до 24), расположенных по дуге, огибающей территорию городского парка. Сплошная линия зданий прервётся тремя башнями, которые станут композиционным акцентом всей панорамы улицы.

При создании проекта были учтены многочисленные требования, предъявляемые ныне к комплексной застройке микрорайона. Ведь теперь для покупателя значение приобретает не только сама квартира, но и самодостаточность инфраструктуры микрорайона в целом. «Гранд-паркъ» решает все возможные бытовые и социальные проблемы ещё до того, как в его домах появятся новосёлы: ввод зданий, связанных со службой быта, культуры или спортивным обслуживанием, опережает строительство жилых домов.

Входящие в жилой комплекс четыре высотных дома выполнены в современном архитектурном стиле. Здания оборудованы скоростными лифтами, собственной тепловой подстанцией и даже вертолётной площадкой на крыше. В каждом жилом доме предусмотрен подземный паркинг. Кстати, соотношение подземных гаражей и квартир – примерно один к одному. Всего к 2007 году в «Гранд-парке» будет построено более 400 тысяч квадратных метров жилья.

Особенность и одно из главных преимуществ этого фешенебельного района заключается в том, что на его территории разобьют новый прогулочный городской парк. Здесь будет создан уникальный зелёный анклав, состоящий из пяти зон, каждая из которых призвана демонстрировать основные стили искусственных ландшафтов Первопрестольной: древний, средневековый, петровский (барочный), императорский и советский.

В каждой из зон планируется построить выставочный павильон с архитектурой, соответствующей определённой эпохе. В парке разместятся экспозиции исторических фрагментов из археологических раскопок (осколки декора, фундаментов, конструкций) и модели московской скульптуры.

Виктор СТРАШНОВ

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

Хаус у дороги,
а также хаус на набережной

Прогуливаясь по Москве и упиваясь её новоявленной красотой, иногда начинаю галлюцинировать: уж не перенёс ли меня ковёр-самолёт – сугубо наше, отечественное изобретение – в глубокое зарубежье? Куда ни кину взор, всюду вывески на непонятном языке. И ладно, когда б то были шопы или бутики иностранных владельцев со всемирно известными именами, которые говорят сами за себя и понятны, как эсперанто. Так нет – наипростейшие слова, близкие и привычные, как дом родной, что выведены над входами в заурядные «едальни» и прочие пищевые и торговые точки, переведены на их, забугорный, язык.

Какое-то поветрие столичных бизнесменов одолело: словечко в простоте на своих вывесках не скажут. Уж куда проще: открыл некто Лапин торговое заведение (а быть может, бери выше – торговый дом!), так назови его «Торговый дом Лапина» – солидно и массам доступно. Ан нет – на вывеске красуется: «LAPIN HOUSE». Что-то слышится родное…

А может, меня на минуту занесло в Париж: читаю «бистро» (искажённый «перевод» нашего «быстро» – это ещё понятно), а дальше название, вероятно, французской забегаловки «Чиквн хаус». Какая-то смесь нижегородского не только с французским, но и с «аглицким».

А вот это почти по-нашему: «Котлета хаус», «Краб хаус», «Шаурма хаус». Котлета как котлета, но вот хаус – это, по мнению хозяина котлетной, супер!

Хочется воздать владельцу «Кофе хауза». Хотя он на своей вывеске, видимо, желая не быть похожим на конкурентов, и протранскрибировал «хаус» через «з», но при этом подумал о простом российском кофемане и к сему добавил: «ЭКСПРЕССО КАППУЧИНО БАР». (Орфография приводится по оригиналу.) И тогда всё стало ясно: да хауз в данном конкретном случав не что иное как бар!

Не дай бог, если так и дальше пойдёт, то заголовок замечательной поэмы Александра Твардовского «Дом у дороги», того и гляди, придётся заменить на «Хаус у дороги», а известную повесть Юрия Трифонова «Дом на набережной» назвать «Хаусом на набережной».

Так откуда же пошло это поветрие? То ли «образованность все хочут показать»? То ли это говорит неизбывная любовь к «лейблам», явившаяся к нам в ту ещё пору, когда мы, читая «советское – значит отличное», моментально впадали в неверие.

Но языку-то своему нужно верить. Его ли вина, что, совершая над ним насилие, его используют во лжи, и уже иные люди, которые в мир пришли, «срубают бабки» и гибнут за «баблo». Но он-то, родной язык, по-прежнему достоин того, чтобы на нём говорили наши улицы с их влекущими вывесками и витринами.

Эмилий АРХИТЕКТОР

Фото Александра КАРЗАНОВА

Букериада

Какие книги выходят в финал «Букера» и почему?

Романище-городок

Олег Ермаков. Холст. – Новый мир, № 3–4, 2005.

Одно из высших достижений писателя – стать основателем «городского» мифа, мифа о «своём» городе. На основании таких мифов филологи и культурологи создают концепции культурных городских или провинциальных «текстов» – Петербургского и Московского, Пермского и Самарского, Алтайского и Вятского и т.д. Не везло только Смоленску, несмотря на колоссальную роль этого города в российской истории. Но вот вышел роман Олега Ермакова «Холст», и эта цепь замкнулась.

Собственно, город называется Глинск, но это прозрачный псевдоним. «Хм, вы считаете наш город заштатным? А ведь здесь ворота на Запад и на Восток. И сколько раз Запад в них ломился. Сто пятьдесят лет здесь вообще был Запад, городом владел западный король, по улицам ходили монахи-францисканцы. Москва предпринимала отчаянные попытки вернуть его. При желании в нём можно увидеть многое. Карта-реконструкция древнего Иерусалима, например, кажется удивительно похожей на картусхему Глинска, выполненную офицером польской армии, осаждавшей город в XVII веке: холмы, крепостные стены, ворота – правда, не Львиные, но Еленевские, Речные; посредине Иерусалима храм Соломона, в Глинске – собор Мономаха; первый храм в Иерусалиме разрушил Навуходоносор, в Глинске он был взорван при польском штурме; Иерусалимский храм снесли и во второй раз – римляне, а легионеры Наполеона и позже Гитлера второй собор Глинска, правда, не тронули... Храм блистал так ярко, отражая солнечные лучи, что казался снеговой вершиной, по свидетельству Иосифа Флавия. Ну а мы свидетельствуем скромно, что в солнечный августовский день золотые купола Успенского собора горят, словно яблоки в саду Гесперид.

Обратите внимание. Голос умолк. Вы хотите сказать, история здесь продолжается? Ну, интенсивность потока, так сказать, ослабла, как это произошло, например, с Толедо, бывшей столицей Испании, хотя Глинск и был только столицей княжества, но тем не менее».

Если судить по громоздкости изысканно-изобразительных предложений Ермакова, то можно заподозрить замах по меньшей мере на Йокнапатофу. Отличительная черта «провинциального» сознания – гордость за свой край и в то же время стремление его покинуть. Тогда-то и возникают города-псевдонимы.

Вообще-то город Глинск – не самый главный герой этого романа. Сюжет перекликается с «Тремя товарищами» Ремарка. Герои тут – вернувшиеся из армии парни, с войны (об Афганистане теперь у Ермакова ни слова) прямо в атмосферу андроповских проверок причин отсутствия людей на «своём» месте в рабочее время. Главный герой – Охлопков, художник и, волею автора, философ, размышляющий об особой пространственности времени.

«А город, как заметил некий – француз? – наблюдатель, приводит к женщине». Но главной героиней романа я бы назвал его длину. То есть роман затянут, особенно в части диалогов. Автор не совсем прав, когда утверждает, что «в этом пейзаже нечего убавить или прибавить, скалы краснеют, будто квазары, столпы на границе наблюдаемого мира, за которой уже ничего нет, там область сверхсветовых скоростей; и в туманной воде дрожит ртутный след, словно только что здесь скользила рыба – и ушла, дальше, сквозь град камней и взрывы сверхновых, в вихрях радиоизлучений и ветре солнц, туда, где грань режет взгляд, как алмаз стекло». Убавить-то как раз есть что! И всё же я буду не против послоняться по замысловатым улочкам и природным обнажениям и следующего произведения Ермакова.

Александр ЛЮСЫЙ

Назад, на кухни

Борис Евсеев. Романчик. – Октябрь, № 2, 2005;
Анатолий Найман. Каблуков. – Октябрь, № 8–9, 2004. – М.: Вагриус, 2005.

Возьму на себя смелость написать главу из учебника будущего.

«Второй срок правления Владимира Путина принёс моду на ретро практически во все сферы общественной жизни. Как будто в пику себе самим, радостно отмечавшим Миллениум и наступление XXI века, спустя всего шесть лет жители России устремились в прошлое. По радио звучали песни только тридцатилетней давности, а все новые песни создавались в стилистике давних образцов, телевидение отбросило само себя ещё дальше – в 2005-м программа передач стала даже менее интересной и пригодной к просмотру, чем в 1970 году, в который отсылают читателя «Каблуков» Анатолия Наймана и «Романчик» Бориса Евсеева. Ошибочно было бы предположить, что Найман и Евсеев исчерпались в современности как прозаики и ни на что более не способны, кроме как стонать о собственной молодости, по их уверениям, прошедшей в «цензурно-педагогическом застенке». Сама современность, предстающая в образе сериального генерала КГБ с широкими, как паруса, лигентских кухонь времён оттепели». Что нам за радость погружаться в атмосферу кухонь, или снова – здорово восхищаться языком, на котором и без нас прекрасно писали Достоевский и Горький, спрашивать как-то стыдно, ведь нас могут совершенно справедливо обвинить в комплексе Чернышевского и заявить, что литература (в отличие от Чернышевского) не даёт ответов на вопросы, а только их ставит. И тут всё для Наймана и Евсеева складывается очень удачно, потому что Россия-2005 похожа на СССР-1970, и можно лихо ввернуть вопросик: отчего это мы так склонны к авторитаризму и закрытому обществу? А ответа опять не дать, ну разве что привнести в роман образ стукача или другого какого приспособленца, который сам по себе, конечно, многое объясняет, но не всё. Идейная резкость также отсутствует и в «Каблукове», и в «Романчике»; по большому счёту и ту и другую прозу можно сравнить с репортажами раннего НТВ. С одной стороны, жизненная проблематика, в центре – человек, с другой – художественные повороты камеры, смелые кадры.

Каблуков – сценарист, не то чтобы очень известный, но уважаемый и хорошо оплачиваемый. Он ведёт вполне продуктивную жизнь, стремится ко всему свежему и передовому, среди его друзей и приятелей – величайшие люди эпохи. Люди эти названы реальными именами, но мы не будем их перечислять, потому что и так понятно, что центральная фигура партии – королева Анна Ахматова, с которой Анатолий Найман был дружен. Роман распадается на два основных рукава – массовые встречи, написанные в кортасаровском духе, и сцены наедине с Каблуковым, проникнутые простыми истинами шестидесятничества. Массовки читать тяжело. Герои постоянно встречаются, приехав из далёких точек Союза или из-за рубежа, провожают друг друга, всё это сопровождается мощнейшими застольями застоя, всех их в какой-то момент становится очень жалко, потому что они говорят о Солженицыне и японских транзисторах. Пускай говорят, но мы-то люди образованные, и Аксёнова читали, и знаем, что в те времена все говорили о приёмниках и Солженицыне. Затем приходят одинокие откровения творчества. Каблукову надо писать сценарий, он талантлив и хочет, чтобы сценарий вышел стоящим, тут-то и выясняется, что жизнь не укладывается в строчки, а мир шире любого замысла. Это очень справедливая и хорошая мысль.

Борис Евсеев пишет сочнее, с крутой, как перманент, самоиронией. Книга открывается поездкой в микроавтобусе, и сидящая рядом философиня призывает героя отвлечься наконец от дурацких бытовых переживаний, от детей, денег и рукописей и взглянуть на наступившую весну, завести романчик, да хоть вот с этой девчонкой...

«Ты всем корпусом развернулся к даме-философу и почему-то полушёпотом спросил:

«Видите тот поворот? Там, чуть подальше, была когда-то дача Ростроповича. А жил на ней одно время Солженицын».

На этом месте, а это самое начало, читать становится немного скучно, но ведь никто и не заставляет читать Наймана и Евсеева подряд. Герой Евсеева высокомернее и пустее Каблукова, он живёт и действует с таким распутинским полуграмотным апломбом. Маленький человек, посредственный, судя по всему, скрипач. Всё ему не по душе, ближние представляются в основном круглыми идиотами, и внутреннего поиска, к которому в «Каблукове» привыкаешь, как к чему-то само собой разумеющемуся, здесь вообще нет. Если у Наймана советская действительность временами входит в пике лёгкого трагизма, то для Евсеева ад – это другие. Трагическую нагрузку несут на себе всякие ожившие продавщицы, администраторы в ДК, слесари, которые все неустанно грубят и хамят ранимому главному «Я».

В заключение хотелось бы сказать несколько общих фраз, демократично добавляя после каждой: это всего лишь моё личное мнение. Итак, что же получается? Думаю, мы имеем дело с настолько значимыми произведениями, что они, как некогда лучшие образцы прозы XIX и XX века, не отражают реальность, а вовсю её формируют. Великий русский язык и интеллигентские кухни наконец-то снова возвратились в нашу социальную жизнь. Вместе с ними, ведь никогда не бывает, чтобы вернулось что-то хорошее, а плохое – нет, победительно возвратилась и однопартийная система, и стойкий интерес к подзабытому было Солженицыну. Пока Наймана и Евсеева ещё печатают журналы и книжки у них выходят, но можно ожидать, что вскоре мы будем наслаждаться их велеречивостью на кухнях по ночам, роняя сигаретный пепел на машинописные страницы.

Анна КОЗЛОВА

Тянет на целую ГЭС

Роман Солнцев. Золотое дно. – День и ночь, №№ 3–4, 5–6, 2005;
Минус Лавриков. – Нева, № 8, 2004

«Золотое дно» – роман энергетический. И вот почему. Хотя и рассказывается в нём о строительстве объекта энергетики – Южносибирской ГЭС в 70-е годы, но подлинные кило- и мегаватты вырабатывают герои романа.

Один Хрустов тянет на целую ГЭС: он и хроникёр-повествователь, и ударник бригадного труда, и донжуан, каких и в заграницах ещё поискать. Начальник строительства Васильев тоже не из простых. При всяком отсутствии плакатности он будто бы нарочно создан для решения великих проблем этой великой стройки.

Главное для автора – сохранить естественность повествования, не затрудняя его течение «плотинами» авторских вторжений. «Авторские права» Роман Солнцев отдаёт Хрустову, который о стройности своей «Летописи» особенно не заботится. С тем же простодушием «летописца»-непрофессионала автор частенько загружает нас технической стороной строительства, интересной, может быть, только специалисту. Да и как без этого: роман, начатый в 1978 году, то есть фактически «до нашей эры», имеет все признаки незабвенного «производственного».

Вторую, современную, часть романа «курирует» персонаж по имени Родион Солоницын, сотрудник «Музея истории Сибири». Но музеем здесь, в разрушительные 2000-е, отдаёт и сама героика конца 70-х, когда и бригадира Климова с робким подопечным Никоновым, и начштаба Туровского с его подхалиминкой, и «инородца» Бойцова с внезапным поэтическим даром плотина сплотила и нравственно «озолотила». В начале XXI века Южносибирская ГЭС украдена олигархами, и среди них, увы, оказались и бывшие друзья, теперь уже «чужие люди», «марсиане». Перспективы и плотины, и её легендарных строителей при этом очень тревожны.

Эта тревога прорывается в апокалиптической концовке романа со всем набором признаков последних судных времён начиная с землетрясения. «...А стоила ли эта грандиозная, из железа и камня стена до небес стольких слёз и горя?» – восклицают Р. Солнцев и его непрофессионалы-соавторы Хрустов и Солоницын. Если бы не вторая часть романа, похожая на затянувшийся эпилог к его первой части, можно было бы ответить безусловным «да, стоила». И если остались ещё у нас Хрустовы с их духом покорителей стихий, то и чубайсовскую стихию слепого и варварского приобретательства обуздать можно и нужно.

Уже само название «Минус Лавриков» обозначает энергетику, прямо противоположную «Золотому дну», то есть отрицательную. Приклеив к своему герою отрицательную ауру, писатель, кажется, развязал себе руки. Украли у Лаврикова, «низкорослого мужчины лет сорока с преувеличенным вниманием круглых глаз ко всему на свете», портфель с деньгами, значит, уже на 12-й странице «нету Лаврикова... Тютю! Минус Лавриков». Туда, в минус, ему, мол, и дорога.

Но нам вздыхать над жертвой «отрицательной» фантазии как-то не хочется. Да и сам Р. Солнцев, как видно, тяготится своим неудавшимся героем, гоняя его по тёмным лабиринтам авантюрного сюжета. То к деревенской наркоманке в постель его подбросит, то в психушку медбратом устроит. Не интересно это, не смешно и не больно. Да и хохмаческие утопии В. Войновича или В. Аксёнова, чьи уши так заметны в этой прозе, сейчас немодны и неактуальны.

Владимир ЯРАНЦЕВ,
НОВОСИБИРСК

«Букер» развёлся. Ради выгодного брака

На протяжении четырёх последних лет спонсором премии «Букер» являлся фонд «Открытая Россия». И вот отношения разорваны. В одном из интервью литературный секретарь Букеровской премии Игорь Шайтанов пояснил: «Около двух месяцев назад мы получили предложение от очень крупной, мирового значения компании, которая так же, как и «Открытая Россия», собирается в России быть спонсором культурных программ и проектов... В данном случае нам предложено долгосрочное сотрудничество. И сейчас, когда премия «Русский Букер» – уже не только премия, но и большая культурная программа, мы бы хотели более твёрдо чувствовать почву под ногами и знать свои перспективы не только на следующий год, но и на несколько лет вперёд».

Преступница наказана

Е. Чижова. Преступница. – Звезда, № 1 – 2, 2005

О романе Елены Чижовой я уже имел честь писать в обзоре журналов за первый квартал сего года. Вернуться к теме заставило то, что это произведение было включено в короткий список премии «Букер – Открытая Россия». Разумеется, выставлялось это произведение напрасно. Бесперспективность сего выдвижения была обоснована ещё восемь месяцев назад. Если бы члены жюри русской версии «Букера» открывали хоть изредка «ЛГ», вероятно, эту позицию можно было бы заполнить более достойным кандидатом. Но нет, как видно, не открывают.

Слабые стороны текста Е. Чижовой видны невооружённым глазом: анемичный текст, блёклый, бесцветный язык, неумение мыслить оригинально. Герои, а паче героини романа зафиксированы в пределах стилистики даже не 70-х годов XX века, как утверждают авторы проспекта премии: «Две девушки поступают в институт. Одной из них приходится пойти на подлог, скрыв, что она еврейка, точнее, полукровка. Это первое в цепи событий, меняющих характер и судьбу человека», а напоминают нам персонажей блаженной памяти 50-х годов. Так и ждёшь, что из-за угла выйдет нескладный герой С. Филиппова и начнёт старомодно ухаживать за девушками.

На самом деле 70-е годы были совсем иными – динамичными, резкими, определяющими. Под внешностью застоя шла подготовка к тому, что мы нынче наблюдаем. Это достойно художественного воплощения. Но автор «Преступницы» потерпел фиаско и был посвоему наказан.

Причин у неудачи несколько. Слабое понимание, как надо работать с языком. Не хотелось приводить примеры – они есть в «ЛГ» № 15, однако ранг номинанта требует: «Мама заходила с другой стороны. Её возражения сводились к тому, что выпускница исторического факультета не имеет будущего. «Кончится тем, что будешь всю жизнь преподавать в школе». Школьная история виделась ей жалким и второстепенным предметом. Не то чтобы у мамы были конкретные планы относительно будущего старшей дочери, но смутные чаяния, питаемые Машиными успехами, направляли материнские мысли в сторону Института Иоффе, где Иосиф, племянник мужа, работал старшим научным сотрудником».

Предвижу возражение: автор всё это пересказывает в стиле ретро, намеренно шаржируя бюрократический язык эпохи. Согласиться с этим нельзя, поскольку Е. Чижова выражается намного тоскливее, чем было на самом деле, а стилизация предполагает наличие хотя бы минимума иронического переосмысления. Иронией в романе и не пахнет!

Тогда я назвал эту стилистику суконной, но, думается, это сравнение оскорбительно для столь достойного текстильного продукта.

Тема, избранная для сочинения, удручающе банальна (основные пенки с неё давно сняты и литературой, и кинематографом – вспомним «Любовь» В. Тодоровского), а главное – не подтверждается реальным жизненным опытом: общаясь со студентами многих институтов того времени, можно свидетельствовать, что процент евреев среди учащихся тогда был весьма велик (кажется, больше студентов на душу населения имели только буряты). Концепт позавчерашнего дня был обречён на неудачу.

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

Блюз Советского Союза

Денис Гуцко. Без пути-следа. – Дружба народов, № 11–12, 2004.

Это всё-таки не роман, а повесть, состоящая из фрагментов-осколков. Но в читательском восприятии они вполне складываются в Судьбу. Судьбу советского человека, опоздавшего родиться. Типичную и архетипичную. «Мой адрес – не дом и не улица». А когда уже – и не Советский Союз?! Главный герой – парень с рязанским лицом и грузинским акцентом – русский, родившийся и выросший в Тбилиси, живущий в Ростове и чувствующий себя чужим в России, «не российским русским». СССР своим развалом выгнал его с малой родины – из Грузии, оставил без гражданства, лишил жены и сына (желая быть «успешной женщиной», а не торговкой на «толчке», она вышла замуж за иностранца и увезла ребёнка), не дал возможности работать по специальности. *«Митя ненавидел эту обрушившуюся на них новую жизнь, в которой нужно было столь пристально думать о деньгах. То есть не вообще, а непрерывно, как думают о неизлечимой болезни».*

И как всё это знакомо: учёный, созерцатель, неприспособленец, работает охранником в банке, вынужден лебезить перед хозяевами, унижаться перед чиновниками, в попытках получить российский паспорт, без которого невозможно поехать за границу навестить сына, стремительно забывающего русский язык. Поехать тоже на унижение: быть гостем в доме мужа своей бывшей и до сих пор любимой жены, поехать за счёт этого самого мужа.

Все эти мытарства изображены весьма узнаваемо и «торкают» в сердце. *«В кабинете его встретил такой же генератор ненависти. Такая же высоковольтная тётка... Она смотрела в стол и говорила спокойным голосом, от которого поднимались волоски на руках и ногах».*

При всей публицистичности, т.н. социальной заострённости, это художественная, тонкая проза. Она насыщена образами, которые хочется выписать в блокнот. *«Смотрел так, будто зрачками умел выколоть глядящие на него глаза». «Митя вошёл в комнату, пропущенную через мясорубку. Беспорядок был феноменальный». «В открытой форточке стучали рельсы, ковали ночную грусть». «Журнальные страницы хрустят, как валежник в задремавшем лесу». «Летучие мыши метались над двором, будто кто-то безжалостно взбалтывал их в огромном невидимом ведре».*

Здесь есть очаровательные и грустные эпизоды вроде этого: *«Он начал готовиться к слепоте заранее. Купил тросточку и чёрные очки. По утрам, покормив воробьёв, он зажмуривался, выставлял вперёд эту длинную суставчатую палочку – и шёл по двору... Это жуткое упражнение он заканчивал, когда дети начинали выходить в школу...*

– Здорово, ранняя пташка, – отвечал он. – Я вот решил в фехтовании поупражняться, – и вскидывал перед собой палочку на манер шпаги».

Это роман об одиночестве и любви на развалинах мира.

Может быть, он несколько затянут, лишён динамики. Явно занудны разговоры «о традиции», выдуманные и вставленные не ради «художественной правды», а ради дополнения идеи «куда ж нам плыть...» А роман в целом скорее просто тянется в ритме блюза, из тех, что поёт в капиталистическом кабаке советская мулатка Люся. Он и должен быть таким: долгим, грустным, трогательным и о нас с вами.

Надежда ГОРЛОВА

БЛИЦ-РЕЦЕНЗИЯ

Сверяясь с детской картой

Нина Шевцова. Свирель в можжевельнике. – М.: Голос-пресс, 2005. – 176 с.

О том, что не понравилось. Не понравилась фотография суровой дамы на обложке. Полно, разве это Нина Шевцова? И не уговаривайте. Она совсем, совсем другая. Она с детишками возится, как мало кто. Устраивает для них конкурсы, учит слагать первые стихи. И сама у ребятни учится, зная, что этот урок – один из самых бесценных:

Эй, жми за судьбой без оглядки,
Ныряя в измайловский март!..
Рисунки из детской тетрадки –
Не будет надёжнее карт...

И вся она – доброта и свет. Даже для разбитого стакана тёплое слово найдёт:

Стакану век короткий дан.
Светла его кончина.

Конечно, в сборнике много и горьких строк. Да ведь это от большой, пронзительной любви к миру со всем его несовершенством. Потому что «это путь, пройденный русской девушкой, матерью, женой, рождённой любить так слепо и безоглядно, как солнце любит степь, как ветер любит травы, как звезда – ночную темень, как чуткая птица – тишину», – как точно отмечает в предисловии поэт Владимир Бояринов.

Спою, но тихонько: ребёнку на ушко,
Бездомной собаке, обмёрзлой сосне...
От сонного бреда собьётся подушка,
И странная нота продлится во сне.

А тихие песни долго помнятся.

«Мне больно за весь мир...»

Борис Литвинов. Монолог открытого сердца: Стихотворения и поэмы. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2005. – 264 с.

Проза и стихи Бориса Литвинова известны в России и в США, а его романы «Современный мужчина еврейской национальности», «Она не узнала о своей смерти», «Крик души» стали бестселлерами.

И вот новый поэтический сборник, куда вошли стихотворения; «маленькие циклы», в том числе о Великой Отечественной войне; поэмы «Голос Америки», «Оборотень», «Новый вандал», «Человек в футболе», «Один»... Аннотация утверждает, что «стихотворные произведения Б. Литвинова отличает тонкий лиризм... яркость сравнений и метафор». «Мне больно за весь мир...» – таким ощущением пронизана книга. Взять хотя бы стихотворение, открывающее сборник:

...Не натянута жизни жила,
Не стремит стрелу тетива.
И отныне, и присно, вовеки,
Так, мне кажется,
будет теперь.
Всё хорошее в человеке
Размывается, уж поверь...

Названия многих стихов («Все могут обмануть, предать...», «Страна, где унижают стариков...», «Когда легла на сердце тяжесть...») говорят о том, что автора по-прежнему волнуют российские проблемы. Жизнь порой может быть очень жестокой, и всё-таки не уныло-безнадёжной: «...у поэта не отнять, Как не отнять цветенья у природы, Свободу слова, мысли благодать. Стремленье к свету нам всегда поможет, Оно есть стихотворца поводырь. Поэт свободу ощущает кожей...» Есть боль – есть и надежда.

Лесное сердце

Ирина Егорова. Горькая власть. – Саров: Изд-во «Альфа», 2005. – 72 с.

Тоненькая, скромно оформленная книжка, маленький – 300 экземпляров – тираж. Поэтесса – член СП России, выпускница Высших литературных курсов, публиковала стихи в «ЛГ», «Нашем современнике», «МК», в региональных изданиях. Занимается журналистикой. Такая узнаваемая книга, такая узнаваемая судьба. Только стихи – неузнаваемые, оригинальные. Мир увиден в них непосредственно, почти по-детски, глазами счастливыми, что редкость.

Слышишь, как псом надрывается гром,
Холодно? Так забирайся под плед!
Так заживём этим общим добром! –
Миром, где кошка, река и рассвет.

И в личной драме поэтесса видится свет: «Спросишь ты, для чего ухожу – За сияньем, мой друг, за сияньем». И даже боль о судьбе России не унывна, оптимистична: «Всё у неё – сомненья и раденья, Российская особенная стать. От головокружения паденья Жить хочется и хочется летать». При всей авторской особенности взгляда: «...дятла стук – лесное сердце, Тревожит Пустынь у реки» – в стихах Ирины Егоровой развито фольклорное, сказочное, народное начало. В них «словушко-соловушко», Финист, «золотая ноченька дует в лунный рог», ворожба, ведьма, водяница – образы подлинные, органичные.

Особенности национального счастья

Николай Переяслов. Кому на Руси жить хорошо: Поэма-парафраз. – М.: Общество дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2005. – 86 с.

Классика на то и классика, чтобы быть вечно актуальной. Это ещё раз доказал Николай Переяслов, предпринявший смелую попытку создать поэму-парафраз – полную тёзку некрасовской «Кому на Руси жить хорошо».

На сей раз действие разворачивается в наши дни: «...сошлись семь мужиков, семь нетрудоустроенных Пустобюджетной области, района Разворуйского, заштатных городков: Банкротовска, Дефолтовска, Терактовска, Реформовска, Бомжатовско-Бездомовска, Невыплатова – тож». Но проблема, волнующая главных героев, прежняя (см. заглавие книги). Поиск правды приводит их то в райцентр на празднование Дня города, то в Москву... На заветный вопрос пытаются ответить бывший «афганец» и графоманистый пенсионер, дальнобойщики и дорожные путаны и даже... экс-президент России. И кому всё-таки живётся у нас «весело, беспечно и уверенно» – чиновнику, олигарху, политику, эстраднику?.. Старое доброе изречение «не в деньгах счастье» верно и сегодня, и «нету счастья большего для человека русского, чем чувствовать опорою себя в своей семье». Видимо, истина на то и истина, чтобы быть нехитрой и доступной всем и каждому.

Не кладите меча мне в могилу...

Томас Мур. Ирландские мелодии: Стихотворения / Пер. с англ. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 384 с.: ил.

Цикл стихотворений великого ирландца Томаса Мура (1779 – 1852) «Ирландские мелодии» представлен в переводе русского поэта Анатолия Преловского. «В истории нашей поэзии немного совершено таких подвигов, ведь переложение на иностранный язык целиком поэтических циклов, в сущности, дело куда более трудное, чем даже перевод избранных стихотворений одного поэта», – справедливо замечает автор предисловия и составитель книги Людмила Володарская.

Томас Мур «на английском языке воскресил поэтическую традицию своей страны, уничтоженную английскими завоевателями вместе с гэльским языком» и соединил в своей поэтике ирландскую народную песню с английской поэтической традицией, переходящей в то время к романтизму, «ввёл в поэзию традиционные ирландские ритмы». Романтизм и породил новый жанр лирической поэзии – мелодии, в которых «сошлись старинные народные мотивы и новые стихи, посвящённые вечным темам, но в сочетании с событиями, волновавшими современников».

Просит славный мертвец: «Не кладите меча
Мне в могилу, ведь смертен из нас из двоих
Только я, но его рукоять горяча:
Гул боёв в этой стали ещё не затих!»

В приложении – избранные стихотворения и поэмы Мура в знаменитых переводах. Конечно же, и «Вечерний звон», стихотворение, переведённое Иваном Козловым, положенное на музыку Александром Алябьевым и ставшее в России народной песней. А многие из «Ирландских мелодий» стали народными песнями на родине поэта.

Отдел «ЛИТЕРАТУРА» «ЛГ».

Контактные телефоны для заинтересованных лиц – представителей книгоиздательств и книжной торговли: 208-85-24, 208-81-02.

Тайный коридор

Отрывок из романа

Андрей ВОРОНЦОВ

В тот день, когда умер Шолохов, Звонарёв приехал по вызову в элитный дом. На двери его был не какой-то там кодовый замок, а редкий в ту пору домофон. В просторном холле помещалась другая редкость – консьержка в застеклённой будке.

У дверей квартиры Алексея встретила озабоченная моложавая женщина с опрятной причёской. Она с некоторым удивлением оглядела его наряд – парадную офицерскую шинель поверх халата. Шинель эту за две бутылки водки Звонарёв выменял у горького пьяницы капитана Мигайло, начальника медсанбата, в котором он проходил военную медицинскую подготовку. Дело в том, что форменные чёрные пальтишки, в которые одевали скоропомощников, были на рыбьем меху, у Звонарёва уже появились признаки радикулита, и он решил утеплиться по заказу шитой шинелью. К тому же и мода тогда была у молодёжи – ходить в военных шинелях. Но бравый вид Звонарёва, сияние двойного ряда золотых пуговиц потрясли заведующего подстанцией, беспартийного и оттого чересчур бдительного. «Это что тут за белогвардейцы? – возмущался он. – Снимите это, наденьте форменное пальто, как положено». «В Советской Армии нет белогвардейских шинелей, – невозмутимо отвечал Звонарёв. – А сниму я её, когда вы мне выдадите нормальное тёплое пальто». Заведующий упорствовал, но и Звонарёв стоял на своём. Помимо тепла, шинель давала ему уважение со стороны больных и их родственников. Не просто врач приехал, а *военный*!

Вот и эта напряжённая дама с вертикальной складкой на лбу както смягчилась, глядя на его шинель.

– Доктор, – сказала она, – не будете ли вы любезны сначала пройти со мной на кухню? Мне надо объяснить вам некоторые обстоятельства.

– Извольте, – в тон ей ответил Звонарёв. Он уже примерно знал, что это за «обстоятельства». Повод к вызову: «Мужчина сорока лет, сильные головные боли», а жена зачем-то встречает у порога, тянет на кухню. Стало быть, головные боли клиента – от пьянства. Но по телефону об этом сказать нельзя: клиент, вероятно, какой-то начальник. Огласка ему не нужна.

В просторной, сверкающей импортным кафелем, никелем и белой мебелью кухне дама усадила Звонарёва на диванчик, сама села напротив, сцепив руки.

– Слушаю вас.

– Могу ли я быть уверенной, что наш разговор останется между нами? Поверьте, я в долгу не останусь.

Звонарёв поморщился. Как всегда, одно и то же! Чего она тянет кота за хвост? И так уже всё ясно.

– Если тайна больного не связана с каким-нибудь преступлением и не представляет вреда для его здоровья, хранить её – мой профессиональный долг.

– Но вы же должны записать всё... в какую-то карту...

– В карте можно написать всё общими словами. Но при условии, что моё лечение ему поможет и его не надо везти в больницу. В противном случае я должен писать всё, как есть, в подробностях.

– Едва ли ему поможет больница... я имею в виду – обычная больница. Может быть, ему нужно даже не лечение, а ваш совет. Мой муж полковник... одного важного военного ведомства. Он ждёт высокого назначения. Возможно, скоро он станет генералом. Через несколько дней он должен выехать в командировку за рубеж...

– Послушайте, что вы ходите вокруг да около? – не сдержался Звонарёв. – Ведь есть ещё и другие больные! Давайте прямо: у вашего мужа запой?

Лицо дамы выразило несказанное удивление.

– С чего вы взяли? Он вообще не пьёт.

– Так, – насторожился Звонарёв. Интуиция его подвела. – В чём же дело?

– Если бы я знала, в чём дело... – грустно сказала дама. – В четверг вечером он пришёл домой, заперся в кабинете, отказался от ужина. С тех пор сидит за столом, глядит в одну точку. Не спит, не ест, не пьёт, отвечает, как автомат. В пятницу на работу он не пошёл, сегодня тоже. Я вынуждена говорить по телефону его сотрудникам, что он болен. Но я совершенно не представляю чем!

– Зачем же вы вызвали «скорую»? – с досадой спросил Звонарёв. – Надо было обратиться в свою поликлинику – а у него, вероятно, спецполиклиника – к невропатологу... или психиатру. Может, у него просто неприятности на работе?

– Нет, – твёрдо сказала дама. – Сначала и я так думала. Поскольку он молчит, окольными путями навела справки. Жена его непосредственного начальника – моя подруга. Его служебные дела в полном порядке. Повторяю: он ждёт высокого назначения, а через несколько дней уезжает за рубеж. Если, – добавила она тихо, – сможет уехать... Этого-то я и боюсь, что не сможет. Допустим, я вызову своих врачей, и они запретят ему ехать... Что дальше? В той системе, где служит муж, не любят непонятных заболеваний у сотрудников, особенно связанных с нервными расстройствами. Высокое начальство может задержать повышение в должности и звании. Поймите меня правильно... не это для меня главное... но он много работал, чтобы добиться всего этого. Должна ли я ставить под угрозу его карьеру? А если это временный срыв? К тому же мне говорили, что на обычной «скорой помощи» врачи лучше, чем в спецполиклиниках, – в том смысле, что у них больше практики. Может быть, и вы сталкивались с подобными случаями и знаете, как ему помочь?

Обычно Звонарёв не возражал, когда больные называли его врачом (для солидности), но в данном случае играть в эту игру было просто опасно.

– Зачем же вы тогда указали такой повод: «сильные головные боли»? Ведь я же не врач, а фельдшер. Сказали бы: «сильные боли в сердце» – прислали бы врача. А ещё лучше: «сильная депрессия» – тогда приехала бы специальная психиатрическая бригада. А что я? Я провожу симптоматическое лечение и оказываю первую хирургическую помощь, а в сложных случаях везу в больницу. Или вызываю врачебную бригаду.

– Я не могу говорить «депрессия» по телефону, – тихо сказала дама. – Этот телефон... это не факт, конечно, но может прослушиваться. Своими, – добавила она, заметив удивление в глазах Звонарёва, – для безопасности.

– Хм, – почесал он в затылке. – А квартира ваша – не может прослушиваться?

– Муж проверял. Говорил, что нет, – коротко ответила дама.

Звонарёв задумался. «Попал!» Он знал одно только военное ведомство, сотрудник которого мог разбираться в подслушивающих устройствах, – разведку.

– Что ж, – встряхнулся он, – пойдёмте к больному, раз я уже приехал. Помогу чем умею. Ну а если чего не умею, – извините.

– Да, – снова сцепила пальцы дама. – Пожалуйста. Я не очень разбираюсь в том, что должен делать врач, а что фельдшер, но вы своей обстоятельностью вызываете у меня доверие. Вы окажете мне любезность, если... – Она расцепила пальцы, открыла ящичек буфета и достала оттуда заранее, видимо, заготовленный, плотный на вид конверт.

Звонарёв категорически помотал головой. Не то чтобы он был таким «правильным» – от коньяка, как правило, не отказывался, но денег от больных, пусть и богатых, не брал принципиально: они пахли несчастьем. А эти деньги, от жены полковника военной разведки, отчётливо пахли тюрьмой.

– Но вы нас обяжете... – бормотала дама. – А мы, в свою очередь, могли бы быть уверены, что вы...

– Вы можете быть уверены. Идёмте.

Они прошли по блестящему, натёртому воском паркету через большую светлую гостиную. У дубовых дверей кабинета дама остановилась.

– Подождите, пожалуйста, я его подготовлю. – Она приоткрыла дверь, скользнула в образовавшуюся щель.

Её не было минут пять. Звонарёву порой казалось, что он слышит сквозь плотно запертые двери её убеждающий, по-учительски чёткий голос и недовольный, низкий – мужа. Но, возможно, это ему только казалось.

Наконец жена вышла – с покрасневшим лицом.

– Пройдите, – коротко сказала она. – Да... одна просьба. Не обижайтесь на него, если...

– ...будет грубить? – угадал Звонарёв. – Не волнуйтесь – к этому делу я привычный.

Полковник, как и описывала супруга, сидел за столом – лицом к двери, откинувшись на спинку кресла, глядя воспалёнными глазами куда-то в потолок. Его правильное, продолговатое, с резко выраженными скулами лицо покрывала двухдневная щетина. Одет он был в домашнюю стёганую куртку с атласными отворотами – Звонарёв такие видел только в кино. Первое, что приходило в голову при взгляде на хозяина, – это название знаменитой повести Маркеса: «Полковнику никто не пишет».

Стены кабинета были сплошь заставлены стеллажами с книгами, ковёр над кушеткой украшало старинное оружие – сабли, шашки, кинжалы, кремнёвые пистолеты, ружьё с прикладом из дорогих пород дерева и инкрустацией. В простенках между стеллажами и книжными шкафами висели географические карты и большие фотографии людей, по большей части неизвестных Звонарёву. Узнал он только человека в гитлеровской форме – легендарного разведчика Николая Кузнецова.

– Здравствуйте, – откашлявшись, сказал Звонарёв.

Полковник, глядевший поверх головы Алексея, медленно перевёл на него внимательные усталые глаза, но не ответил.

– Садись, – подал наконец голос полковник. Он был точно низкий, хриплый. – Жена сказала, ты бывший офицер?

– Я, собственно, прапорщик, – пробормотал Алексей. – Медицинской службы.

– На что жалуетесь? – отведя глаза, спросил Звонарёв.

Хозяин чуть пошевелился.

– У русского человека одна жалоба, – насмешливо промолвил он. – На государство. Государство рушится, а я, понимаешь, жалуюсь.

«А, вот что! – пронеслось в голове Звонарёва. – «Некоторые конкретные мысли о государстве»! Шукшинский персонаж, Эн Эн Князев! Нет, не служить ему больше в разведке!»

Полковник вдруг криво усмехнулся.

– Я тебе помогу. Я не жалуюсь на здоровье. Я не слышу никаких голосов, не вижу никаких галлюцинаций, не воображаю себя великим человеком, не мочусь по ночам в постель и могу дотронуться пальцем до кончика носа. Но я не могу видеть, как рушится власть, потому что сам от этого рушусь. Понятно тебе?

– Что ж тут понимать? Происки ЦРУ, – буднично, с деланым равнодушием (чтобы помочь больному «раскрыться») ответил Звонарёв. Он уже повидал на вызовах психических больных и знал некоторые приёмчики психиатров.

Результат превзошёл все ожидания. Тусклые глаза военного сверкнули, рука молниеносно скользнула вниз и появилась с длинным блестящим пистолетом неведомой Звонарёву системы. Лицо полковника стало жёстким, скулы обострились. Он направил дуло прямо в лицо Алексею.

– Кто тебя прислал? Говори! Живо!

«Какая же его баба дура! – ругнулся про себя Звонарёв. – Мужик её совсем уже рехнулся, а она всё огласки боится! На таких клиентов «спецов» вызывают с милицией! А мне он сейчас вышибет мозги – и всё». Однако с удовлетворением он отметил, что не испугался. Последний «псих», с которым Звонарёв столкнулся, был с топором, и это было не менее страшно. Правда, тогда-то он приехал с милицией.

Звонарёв молчал, пристально наблюдая за полковником. Спешить в таких ситуациях, как он хорошо знал, было смерти подобно. Сумасшедшие – как быки: стоят перед тобой, наставив рога, пока ты не махнёшь красной тряпкой. Но удивительное дело: красные глаза полковника вовсе не казались безумными. «Что-то тут не так... И размышлял он логично, с иронией: «В постель не мочусь, могу дотронуться пальцем до кончика носа».

– Ты думаешь, я с тобой шутить буду? – зловеще, с неподдельной угрозой спросил военный и повторил: – Кто тебя прислал?

«Если это сумасшедший, не лишённый логики, то и воздействовать на него надо логическими методами», – решил Алексей. Он протянул полковнику карту вызова.

– Вот карта вызова, товарищ полковник. Наберите по телефону «03», спросите дежурного врача Центра. Назовите ему номер наряда и спросите, поступал ли на «скорую» такой вызов. Узнайте, кто вызывал, и мою фамилию. Вот моё удостоверение.

– Откуда ты знаешь, что я полковник?

– Ваша жена сказала. Справьтесь у неё.

Военный опустил пистолет. Звонарёв облегчённо перевёл дух.

– Что ты там болтал про ЦРУ?

– Видите ли, – осторожно начал фельдшер, – многие, э-э-э... больные связывают непонятные вещи, происходящие с ними и вокруг них, с происками ЦРУ.

– Ага. А почему они так делают? Разве у нас много пишут про работу ЦРУ внутри страны?

– Не знаю, – пожал плечами Звонарев. – Наверное, они смотрят фильмы про агентов ЦРУ.

– Какие фильмы? «Ошибка резидента»? Это чепуха, от такой клюквы не будет шпионобоязни. Просто люди с повреждённой психикой раньше других чувствуют реальную угрозу. Знаешь, как у ревматиков? Ноют суставы, значит – к дождю.

– А вы что чувствуете? – осмелился спросить Алексей.

– Я не чувствую. Я знаю. Ты видел когда-нибудь, как работает жукдревоточец? Я видел однажды. У моего знакомого был дореволюционный письменный стол. Массивный, просторный, с барьерчиком, как у Льва Толстого. Казалось, он сделан на века. А его съел жук-древоточец. Стол стоял, на вид всё такой же прочный, а на самом деле был весь изгрызен изнутри миллионами жучиных ходов. Однажды его толкнули случайно, и он рассыпался в прах. Вот что я чувствую, понял? Стол стоит, – он ткнул пальцем в столешницу перед собой, – но его уже не существует.

Звонарёву стало интересно.

– Под столом, надо полагать, вы подразумеваете наше государство?

– Ты догадливый.

– То есть вся наша огромная армия, МВД, КГБ уже совершенно подточены изнутри?

– Ты забыл, что у нас не военное, а партийное государство. Достаточно одного КГБ. Рыба гниёт с головы – знаешь пословицу? Ты решил, что приехал к сумасшедшему, а сумасшедшие – мы все. Мы уже более двадцати пяти лет живём в стране, где ни под каким предлогом нельзя проводить расследование в отношении члена высшего руководства – Политбюро. Спасибо Хрущёву! А теперь представь, что наверх пробрался враг. А ты говоришь: армия, КГБ, МВД... Миллионы людей бьются внизу, чтобы хранить госсекреты, проверяют каждого встречного-поперечного, не служили ли его родственники в Белой или власовской армиях, не проживали ли на оккупированной фашистами территории и тэ дэ, и тэ пэ, а на верхних этажах система не работает. Всё открыто, аж ветер свищет! Нужно только запустить крота с идеальной анкетой на первый этаж и ждать, когда он проберётся наверх.

Звонарёв хмыкнул:

– Это так просто? – Он даже не представлял себе, как вообще живой человек может попасть в это заоблачное Политбюро.

– Это не просто, но это возможно, если хорошо «вести» крота. Если последовательно убирать с его пути конкурентов.

– Так кто же «крот»? – по-детски спросил Звонарёв.

Полковник строго уставил на него красные глаза.

– Это тебе, прапорщик, не детективный роман. Это жизнь. Поживёшь подольше, если будешь знать поменьше. Да и никакого толку нет в том, чтобы знать «крота» по имени. Мало даже доказать, что он «крот». Тем более что он вовсе не один. Люди рисковали жизнями за границей, чтобы доставить мне эти сведения. Но я не могу их использовать. Нет такого механизма, чтобы брать за задницу высокопоставленных кротов! Если уж пробрался наверх, то всё, понял? В такой ситуации нужен Сталин или Мао... Чтобы разом уничтожил он эти привилегии Политбюро, чтобы оторвал оборотням их собачьи головы! Но нет ни Сталина, ни Мао. С великим трудом добытые материалы лежат в моём сейфе. Мы в Управлении даже не знаем, куда их направлять! Министру обороны? Но он передаст их либо в Политбюро (он и сам его член), либо в КГБ. Если в Политбюро, то подозреваемых, по хрущёвским правилам, ещё до всякого расследования обязаны с доказательствами ознакомить. Для членов Политбюро же нет секретов! В КГБ? Кротам жаловаться на кротов? Ставить под удар людей, добывших документы? Я был в августе 68-го в Праге, знаю гэбэшников. Они позволили этим гон...ам с «человеческим лицом» сообщать из нашего посольства по «вертушке» секретную информацию о ходе переговоров о формировании нового правительства. И тут же всё это передавалось по местному радио. Потом гэбэшники объяснили утечку информации «тактической игрой». Они, суки, игрались, а наших людей в Праге и Братиславе, готовых войти в состав нового правительства, травили на каждом углу. Если бы не армия, не армейская разведка, мы бы прос...ли Чехословакию! Я вижу, понимаю, что события развиваются по чехословацкому сценарию, но сделать ничего не могу. – Он помолчал. – Не знаю, зачем стал рассказывать тебе всё это. Наверное, оттого, что лицо у тебя хорошее – русское, открытое.

Он снова замолчал. Звонарёв с трудом переваривал полученную информацию. Полковник приоткрыл дверь в доселе неведомый для него мир – если, конечно, это не был мир его изощрённой паранойи.

– Ну, так что же? – Полковник с усмешкой наблюдал за ним. – Будешь ты меня лечить или нет?

– Для этого хотелось бы знать, нуждаетесь ли вы в лечении, – смущённо ответил Звонарёв. – Ваша жена сказала, что вы не спите, не едите, не выходите из кабинета...

– А ты бы на моём месте – спал и ел?

– ...Ещё её беспокоит, сможете ли вы пойти в понедельник на работу. По её словам, вам предстоит зарубежная командировка...

Военный поморщился.

О чём ещё с ним говорить и что делать дальше, Звонарёв не знал.

– Раз уж меня вызвали, – сказал он, – я обязан осмотреть вас, померить давление, выслушать сердце, лёгкие...

– Если обязан, то давай, – равнодушно отозвался полковник и положил руку на стол.

Всё было в норме, без особых отклонений. Звонарёв, выслушивая сердце, как бы невзначай провёл несколько раз фонендоскопом по груди военного: хотел посмотреть, не станут ли полосы красными, как у шизофреников. Нет, они были белыми. Руки не дрожали, реакция зрачков, коленные рефлексы – в норме. Просить дотронуться пальцем до кончика носа он не осмелился. Но версию о паранойе он всё же решил отработать до конца.

– Хочу вас вот о чём ещё спросить. Я понял, что для вас не имело большого значения, с кем именно поделиться своими невзгодами. Подвернулся я, с вроде бы честным лицом, и вы облегчили душу. Что ж, почему бы нет: едва ли я похож на шпиона. Но ведь то, что вы рассказали, – государственная тайна. У меня как-то не укладывается в голове, что вы, профессионал, взяли и открыли её первому встречному. Вы даже не попросили меня никому не рассказывать о ней. Я слушал вас: вы рассуждаете логично, но не кажется ли вам выбор меня в качестве доверительного собеседника нелогичным? Может быть, на вас действительно повлиял испытанный вами стресс, и вам надо отдохнуть, подлечить психику, – скажем, в санатории?

– Нет, это уже не *наша* государственная тайна, – усмехнулся, думая уже о чём-то своём, полковник. – Это уже тайна господ из Лэнгли. Устал я хранить их тайны... Ты прав – мне нужно отдохнуть.

– Ну а может, вам, как Штирлицу?.. – вдруг вырвалось у Звонарёва. – Найти своего Бормана, то есть соперника этого «крота» наверху, и передать ему материалы?

– Это не так уж и глупо, – кивнул полковник. – Они там все друг другу соперники. Как пауки в банке. Но это только Штирлиц может на спичках просчитать все расклады наверху. Есть ли вообще в Политбюро фигура вроде Бормана? Отважится ли он в одиночку на собственную игру? Где в этой интриге Мюллер, который возьмёт его сторону? Я не знаю. Я занимаюсь разведкой, а не интригами. Но знаю, что если действовать через одного члена Политбюро в обход всех других, то это скорее приведёт к обратному результату. А в лучшем случае – к приватному разбирательству в том же Политбюро. Но зачем тогда эта громоздкая «операция Борман»?

– Ну что ж, – развёл руками Звонарёв. – Извините, если был очень назойлив. Не хотите ли, я вам сделаю внутримышечно реланиум, чтобы вы поспали?

– Усну без всякого реланиума. Прощай.

– Всего доброго. Не забывайте о санатории. Чем скорее отправитесь, тем лучше. Шпионов много, а здоровье у вас одно, – брякнул он по привычке медицинскую глупость.

Полковник никак не отреагировал на его пожелания, снова уставившись куда-то поверх головы Алексея.

Супруга полковника нервно ждала Звонарёва в гостиной. Рядом с ней стояла тоненькая русоволосая девушка с точно такими же скулами, как у полковника, – что, впрочем, делало её похожей вовсе не на отца, а на молодую Марину Влади в фильме «Колдунья». Обе женщины с минуту внимательно смотрели в глаза Звонарёву. Потом старшая жестом снова пригласила его на кухню. Там дочь полковника проворно налила ему кофе, пододвинула вазочку с печеньем.

– Ну что я могу сказать? – начал Звонарёв, отпив из чашечки. – Как я и подозревал, вы ошибались, утверждая, что у вашего мужа нет неприятностей на работе. Просто они связаны не с его личной карьерой, а с положением дел вообще. А поскольку дела у него секретные, он о них и не говорит. Моё личное впечатление о состоянии психики вашего супруга таково: если его неприятности не выдуманы, то поведение его вполне естественно. Если же они – плод его воображения, налицо маниакальный синдром. В этом случае с ним должен работать психиатр, а не я. Я же никаких внешних психических отклонений у него не заметил, кроме заторможенности, вполне объясняемой усталостью. Пьющие люди в таких случаях снимают стресс алкоголем, он же не пьёт. От предложенного мной укола седативным препаратом он отказался. Уверяет, что уснёт сам. Вот и всё, что я могу сказать.

– Всё? – всплеснула руками дама. – Но вы же разговаривали с ним около сорока минут! Как же ему быть с работой? С заграничной командировкой?

– Мама!.. – укоризненно сказала дочь.

– Я высказал предположение, что ему надо подлечить психику в санатории. Он, между прочим, со мной согласился. Это надо использовать. О заграничной командировке, полагаю, следует забыть. Если он поедет, то будет хуже. Что же касается предстоящего повышения по службе, то едва ли начальство отменит его из-за того, что ваш муж попросится отдохнуть и подлечиться в санатории. Ценных работников не загоняют до полусмерти. Вы, наверное, и не помните, когда он последний раз был в отпуске?

– Да, – кивнула дама.

– Ну вот. Значит, ему пора в отпуск.

Одеваясь, опытный Звонарёв проверил карманы шинели, вытащил оттуда знакомый уже конверт и, строго насупив брови, вернул хозяйке.

Через несколько часов полковник Трубачёв покончил с собой. Утром на подстанцию нагрянули кагэбэшники. Так началась цепь неприятностей, впоследствии до неузнаваемости изменившая жизнь Звонарёва.

Роман «Тайный коридор» будет напечатан в журнале «Наш современник», в № 1 – 2 за 2006 г.

Антон МЕНЬШОВ

СОБЫТИЕ

Загадка книжного знака

«Причудливая форма малой графики», «Отпечаток человеческой души», «Утончённое произведение искусства» – как только не характеризовали экслибрис художники, коллекционеры, библиофилы, искусствоведы. И во всех этих лирических определениях, несомненно, видится одно – любовь и преданность книжному знаку.

Возникший как символ принадлежности книги владельцу, экслибрис в России конца XIX – начала XX века постепенно стал выражать не только желания заказчика, но и индивидуальность его создателя – художника, обретая самоценность. Связь его с книгой становилась всё более ассоциативной. Экслибрис и сейчас остаётся для нас не меньшей загадкой, чем раньше. И вопрос: «Что такое экслибрис?» – не находит полного ответа. Книжный знак по-прежнему элитарен и более, чем другие жанры графики, подвержен влиянию эпох и разнообразных художественных стилей.

ИЗ КНИГ ОЛЕГА ПОПОВА

Время изменилось, и далеко не каждый сейчас знает, что «экслибрис» — это значит «из книг». Бесспорно, что в сохранении книжного знака как нашего культурного достояния, в изучении и пропаганде его заинтересованы многие. Доказательством тому являются: возрождение «Российского экслибрисного журнала», издаваемого Международным союзом книголюбов; выставочная деятельность; проведение Всероссийской научно-практической конференции: «Книжный знак: история и современность». Обсудить приоритетные направления в изучении, пропаганде и сохранении отечественного исторического и современного книжного знака в декабре 2005 года в Российскую государственную библиотеку приехали коллекционеры, библиотечные и музейные работники, художники из 23 регионов России, а также из Белоруссии, Молдавии, Латвии.

Все собравшиеся прекрасно понимали, что для изучения книжного знака и как жанра изобразительного искусства, и как исторического документа важно говорить на одном языке, и потому первоочередной задачей стала разработка терминологии. Наивно было бы думать, что такой терминологии не существовало. Она есть, но не унифицирована, малообоснована научно и часто носит характер своеобразного сленга.

Чтобы быть понятными для широкого круга читателей, обратимся к простым бытующим терминам. Книжные знаки обычно подразделяют на четыре вида по своему содержанию: гербовые, вензелевые, сюжетно-тематические и шрифтовые.

Но здесь тоже возникает немало вопросов. Почему мы не выделяем в качестве самостоятельного вида геральдические знаки, также включающие в себя элементы герба? Почему к вензелевым относим инициалы, монограммы, написанные вязью или в виде переплетающихся букв геометрических форм? А художественные? Разве они не могут быть и без сюжета, и без темы? Что касается шрифтовых, то они бывают наборные, рукописные, типографские – и эти понятия путают даже специалисты, зачастую считая их синонимами.

Существует ещё особая терминология, связанная с «производством» экслибрисов. Но здесь дело обстоит гораздо лучше. FISAE (Международная федерация обществ любителей экслибриса) разработала обозначения техники приёмов, используемых художниками при изготовлении и печатании книжных знаков (от традиционной резцовой гравюры, офорта, ксилографии, линогравюры до компьютерных рисунков и японской техники катазоме). Опубликован перечень (в последней редакции 2002 года, Фредериксхавн, Дания), содержащий около 30 разновидностей печати.

Людмила ШУСТРОВА,
председатель исполкома совета Международного союза книголюбов,

Вениамин ХУДОЛЕЙ,
вице-президент Российской ассоциации экслибриса МСК

Последний разговор с Шукшиным

– Есть автомобиль! – подмигнул мне Шукшин, с удовольствием ввернув старомодное «автомобиль», как это делают под настроение лётчики, называя самолёт аэропланом, а военные моряки свои крейсеры и эсминцы – пароходами. «Управимся?» – спрашивал он администратора, листавшего блокнотик, радуясь получению транспорта для последних приготовлений и возможности прибыть в экспедицию, на съёмки без опоздания. «Должны управиться, Василий Макарович, броня заказана…» Речь шла, как я понял, о выкупе железнодорожных билетов.

После «Калины красной» мы не виделись.

Шукшин осунулся, был бледнее обычного.

Участники финальных съёмок рассказывали, как в эпизоде за церковной оградой, в белой рубахе, распластавшись, доводил себя до исступления в каждом дубле и бился грешной головой о землю Шукшин – Егор Прокудин…

– Тебе куда? – спросил Шукшин.

– В Сокольники…

В Сокольники, на Черкизовскую, где он не раз сиживал на моей кухоньке.

– Я на проспект Мира *(в его хоромах, недавно полученных, я не бывал)*. – Могу подбросить до Киевского, устроит?

Весь накатанный маршрут до Киевского – под горку.

Мимо правительственных особняков (колхоз «Заветы Ильича»), с видом на Москва-реку, на прожектора, склонённые к чаше стадиона, на золотистые луковки Новодевичьего монастыря, вдоль жилого массива, над которым клубятся нередеющие дымы теплоцентрали, и вот уже башенные часы Щусева, Киевский вокзал…

Ничего этого я в тот раз не замечал.

Василий сел рядом с водителем, вполоборота ко мне, говорил торопливо, подгоняемый краткостью знакомого пролёта, печать усталости лежала на его лице, и мне хотелось, чтобы администратор, уткнувшийся в записную книжку, видел, как не терпится триумфатору «Калины красной» выговориться, тоже ни на что не отвлекаясь…

Но лучше будет начать с конца поездки, когда «Волга» притормозила и я не мог не спросить на прощание: «А «Учитель», Вася?»

«Учитель» – это замысел, прианонсированный и кочевавший из одного тематического плана в другой до ухода Шукшина со Студии детских и юношеских фильмов имени Горького на «Мосфильм». В кинопрокате утвердились довоенный «Учитель» Сергея Герасимова и послевоенная «Сельская учительница» Марка Донского, мастеров, в общении с которыми поднимался Шукшин. Сентиментальную иллюстративность художник шестидесятых годов не приемлет, а неполнота сказанного в популярных лентах, в обход конфликтных обстоятельств, очевидна. На этом, собственно, мы и сошлись… Сестра Шукшина учительствовала. «Я тоже… это… сеял», – пошучивал Василий, говоря о своих трудах на ниве просвещения (в алтайской школе, где он, демобилизовавшись, за один год сдавал экстерном всю программу с восьмого по десятый). «Халтура, конечно… Меня ещё директором ставили…» А два моих двоюродных брата-сибиряка, Михаил и Тимофей Анфиногеновы, учителя из Бердюжья, по тридцать лет отдали сельской школе. «Надо глядеть в корень, – обдумывал тему Шукшин. – За такую плату, как нынче, работать нельзя… Какой урон терпим в образовании, если брать в масштабе страны… Вопрос следует ставить ребром: учителям надо прибавить!» Как с ним не согласиться, зная наперёд, что материальная сторона бытия, в частности оплата труда, обсуждению в советском кинематографе не подлежит…

Но об этом, как я предупредил, чуть позднее, а на первых шагах к заполученной «Волге» с бортовым фабричным штампом для гаишников и зевак «Кинематографическая» Шукшин сказал:

– Еду на Дон…

– Выбирать натуру? – подхватил я и улыбнулся, вспомнив нашу общую знакомую по студии Валентину Кибальникову, дочь скульптора Кибальникова, на века закрепившего в камне подвиг защитников Брестской крепости. Валя приглашала нас в Брест, где мы оба не бывали; там, на границе, встретили войну герои задуманного мной повествования, и я предвкушал знакомство с местами легендарных событий, как, возможно, ждёт сейчас встречи с разинским тихим Доном Шукшин, приглашённый Бондарчуком сняться в фильме «Они сражались за Родину»…

Приход Шукшина на «Мосфильм» был повторным, и, по словам Василия, он испытывал при это смешанные чувства. С одной стороны, он здесь начинал как режиссёр с безвестным тогда Куравлёвым… Не школяр-десятиклассник, с мамой и папой в московской квартире, но отслуживший действительную старшим матросом на Черноморском флоте. С производственным стажем слесаря-такелажника, механизатора и строителя, поколесив по Руси ради хлеба насущного, со скромным опытом начинающего прозаика и уже тридцати одного годочка, он защитой диплома признания, увы, не снискал. Невольные в таких случаях обращения к возрасту и сделанному классиками удручали… Дебют свой он вспоминал неохотно, глухо, отвлекаясь то на вгиковское общежитие под одним кровом с посланцами братского Китая, неразличимыми в маоцзэдуновских куртках («Они мне не мешали, я пишу в любой обстановке»), то на далёкие Сростки, где коротала век одинокая матушка Мария Сергеевна… А «Мосфильм» после XX съезда партии клокотал, его сотрясали сенсации, растравляя и без того обострённое в нём честолюбие. Чего стоил, к примеру, взлёт Григория Чухрая, в буквальном смысле из грязи да в князи!.. За искажённый показ Великой Отечественной войны, за дегероизацию и мелкотемье «Баллады о солдате» режиссёр-фронтовик Чухрай был исключён из партии… Но всесильному генсеку Хрущёву, знавшему фронт, между прочим, с июня сорок первого года, участнику Сталинградской битвы, фильм понравился, и вслед за тем «Баллада...» триумфально прошла по фестивалям Европы и Америки, и Григорий Чухрай стал ленинским лауреатом.

Мастер Шукшина, один из корифеев кино Михаил Ильич Ромм, в молодые годы сам грешивший пробой пера, советовал работяге-ученику «рассылать рукописи по журналам веером», авось где-нибудь да проклюнется. «Я так и сделал. Составил график, чтобы не запутаться» и, по военно-морской терминологии, вёл огонь из всех бортовых орудий. Московские издатели обладали железобетонной непробиваемостью. Он не унывал, менял тактику, прибегал к вкрадчивым увещеваниям. «Дорогие товарищи! – взывал он к редакции «Знамени» в апреле 1960 года. – Два месяца назад послал вам три своих рассказа. Я догадываюсь, сколько у вас таких рассказов. Много. Но, пожалуйста, скажите что-нибудь о них. Хоть немного…» Подрабатывая в ту пору в «Знамени» рецензиями на самотёк, я в отзыве на эти три попавшие мне рассказа незнакомого «безусловно, способного молодого литератора Шукшина» отметил: «…у него хороший глаз и чуткий слух, он пишет на материале, полученном в результате самого тесного знакомства с бытом современной деревни, стремится на письме к лаконизму и выразительности…» «Сильная, исстрадавшаяся, любящая мать обрисована свежо и чётко, стиль изложения отмечен ясностью, идея повествования реализуется художественными средствами с большой чёткостью…» И настоятельно рекомендовал редакции «установить более близкое знакомство с Василием Шукшиным, узнать его творческие планы, поинтересоваться, нет ли у него ещё каких-нибудь законченных работ…» Что предприняло «Знамя», не знаю. Написал и забыл. Четверть века спустя киновед Марк Волоцкий обнаружил эту переписку в архиве и опубликовал в журнале «Литературное обозрение».

А «проклюнулось» в «Смене».

Михаил Ильич Ромм, по-отечески его опекая, похоже, склонен был видеть в Шукшине скорее типажного актёра, настоящего русского – открытое лицо, ухмылка в углах рта и скорбный взгляд, – скорее способного прозаика, нежели режиссёра. Вкус, безупречный в прозе, на экране ему иногда изменяет. Аттестованный ассистентом режиссёра третьей категории, Василий и сам признавал, что ему «слово более послушно, чем кадр или игровой эпизод…»

Так что, с другой стороны, на «Мосфильме» режиссёр Шукшин, как говорится, подзавис…

Из трёхлетней почти неопределённости и прозябания его извлёк Сергей Аполлинариевич Герасимов, взяв на студию Горького, в своё творческое объединение. «Мне везло в искусстве на добрых и умных людей», – скажет позже Шукшин.

В самом деле, Ромм – народный артист, неотразимая «Пышка» и мужественные «Тринадцать» в далёком прошлом, «Девять дней одного года» и «Обыкновенный фашизм» в ближайшем будущем; Герасимов, секретарь и мозговой центр Союза кинематографистов, друг Александра Фадеева, давший экранную жизнь его многострадальной «Молодой гвардии» с плеядой молодых исполнителей-открытий, поставивший «Тихий Дон» с Петром Глебовым и Элиной Быстрицкой…

И на горьковской студии фильмом «Живёт такой парень» с тем же Леонидом Куравлёвым, удостоенным награды Венецианского фестиваля (вслед за «Ивановым детством» Андрея Тарковского), началось под патронатом Герасимова, как показало время, поразительное по динамизму, художественному эффекту и зрительскому успеху десятилетие Василия Шукшина, увенчанное посмертно Ленинской премией.

Я был тогда главным редактором творческого объединения М.С. Донского и секретарём парткома студии имени Горького. Об «Учителе» уже сказано, нетворческие минуты багровел. – Только Тигр (В.Е. Баскаков) не пропустит!» «Но Твардовский же напечатал!» «Журнал – одно, какой у него тираж… А фильм смотрят миллионы…»

Бритиков оказался прав, сценарий зарубили, но Шукшин уже входил в силу: рассказ за рассказом, фильм за фильмом. «Вася, когда ты успеваешь?» – спрашивал я, изумлённо и растерянно наблюдая его стремительный рост. «В день по странице… В году триста шестьдесят пять дней, вот и считай…» Чутьё вы, но это не имело значения: трогала погружённость певцов во что-то далёкое, дорогое и несбывшееся… «Вася, – сказал Бритиков, – ты чуть ли не на часть растянул песнопение старцев!» Шукшин, поднявшись в полутёмном просмотровом зальчике, ответил: «Старики вообще занимают большое место в моём творчестве. И в кино, и в прозе…» Это было в конце шестидесятых, вскоре после напутствия Ромма: «Теперь – сам! Ты парень крепкий…», и он обрёл право не амбициозно, с достоинством так сказать обо всём, им сделанном: «Моё творчество…» А предстоял ему «Степан Разин», выношенный, выстраданный, с надеждами и актёрскими пробами (перед домашним зеркалом) на исполнение роли Степана… Прежде чем говорить об этом, повторюсь: в моём окружении не было никого, кто бы так остро чувствовал невосполнимый, извечный российский дефицит правды, как ощущал его Василий Шукшин. Твардовский, печатая его в «Новом мире», заметил: «Ухо у Шукшина поразительно чуткое…» Рискну предположить, что Александр Трифонович, посвящённый в разинский замысел Шукшина, имел в виду не одну отзывчивость на склад русской речи, но и вот это чутьё на правду.

Мне выпало сопереживать мечтаниям и страданиям Шукшина и на официальных обсуждениях, и в студийных коридорах, и у себя дома, с нередкими откровениями – от милицейских протоколов «по факту драки в состоянии алкогольного опьянения» до доверительного посвящения в подробности встреч на высоком уровне. Шукшин был погружён в народное движение XVII века, захвачен им, и я улавливал, как в отдельных эпизодах «Разина» отзываются драматические обстоятельства его личной жизни. Отец Шукшина, Макар Леонтьевич, уважаемый сельчанами механизатор, мастер на все руки, в тридцать третьем году был раскулачен, увезён в Бийск и там расстрелян («Куда увели папу?» – теребил материнский подол четырёхлетний мальчик.) Сростки от них отвернулись, Мария Сергеевна была вынуждена сменить фамилию… «Разин – не сорвиголова, – твердил Шукшин каждому, кого хотел бы залучить в соратники. – Он – личность, знал персидский язык, о душе думал… Дважды ходил с Дона в Соловецкий монастырь, вон куда! Некие проблемы обсуждались, например, так: «Вася, хочу уйти из парткома, – скорее способного прозаика, нежели режиссёра. Вкус, безупречный в прозе, на экране ему иногда изменяет. Аттестованный ассистентом режиссёра третьей категории, Василий и сам признавал, что ему «слово более послушно, чем кадр или игровой эпизод…»

Так что, с другой стороны, на «Мосфильме» режиссёр Шукшин, как говорится, подзавис…

Из трёхлетней почти неопределённости и прозябания его извлёк Сергей Аполлинариевич Герасимов, взяв на студию Горького, в своё творческое объединение. «Мне везло в искусстве на добрых и умных людей», – скажет позже Шукшин.

В самом деле, Ромм – народный артист, неотразимая «Пышка» и мужественные «Тринадцать» в далёком прошлом, «Девять дней одного года» и «Обыкновенный фашизм» в ближайшем будущем; Герасимов, секретарь и мозговой центр Союза кинематографистов, друг Александра Фадеева, давший экранную жизнь его многострадальной «Молодой гвардии» с плеядой молодых исполнителей-открытий, поставивший «Тихий Дон» с Петром Глебовым и Элиной Быстрицкой…

И на горьковской студии фильмом «Живёт такой парень» с тем же Леонидом Куравлёвым, удостоенным награды Венецианского фестиваля (вслед за «Ивановым детством» Андрея Тарковского), началось под патронатом Герасимова, как показало время, поразительное по динамизму, художественному эффекту и зрительскому успеху десятилетие Василия Шукшина, увенчанное посмертно Ленинской премией.

Я был тогда главным редактором творческого объединения М.С. Донского и секретарём парткома студии имени Горького. Об «Учителе» уже сказано, нетворческие минуты багровел. – Только Тигр (В.Е. Баскаков) не пропустит!» «Но Твардовский же напечатал!» «Журнал – одно, какой у него тираж… А фильм смотрят миллионы…»

Бритиков оказался прав, сценарий зарубили, но Шукшин уже входил в силу: рассказ за рассказом, фильм за фильмом. «Вася, когда ты успеваешь?» – спрашивал я, изумлённо и растерянно наблюдая его стремительный рост. «В день по странице… В году триста шестьдесят пять дней, вот и считай…» Чутьё на правду сочеталось у него со стремлением утвердить её, сделать всеобщим достоянием, пробуждать людей от духовной дрёмы: «Нравственность – есть правда». Старик-плотник из рассказа «Критики» при появлении на телеэкране актёра в роли плотника, не умеющего держать в руках топор, снимает сапог и в сердцах разносит ящик… (Виктор Петрович Астафьев говорил, что ложь о войне, пущая с экрана, вызывает у него желание запустить в телевизор утюгом.) Абсурдность происходящего находила отражение и в прозе, и в экранных работах под видом чудиков, странных людей… воистину странных. «Хлеба нет, а нам весело, – говорит герой в «Печках-лавочках». – Я вот этого не пойму – хлеба нет, а мы песни поём…» Мучительный, исторгнутый из душевных глубин и прозвучавший со страниц «Литературки» вопрос: «Так что же с нами происходит?» – и по сей день не находящий ответа в стране, раздираемой противоречиями, навсегда вошёл в золотой фонд отечественной публицистики…

Черновую сборку «Печек-лавочек» открывала снятая под документ панорама деревенского застолья: камера медленно шла по кругу, всматриваясь в лица голосистых старух и вторящих им стариков. В рабочей фонограмме слова были неразборчивы, но это не имело значения: трогала погружённость певцов во что-то далёкое, дорогое и несбывшееся… «Вася, – сказал Бритиков, – ты чуть ли не на часть растянул песнопение старцев!» Шукшин, поднявшись в полутёмном просмотровом зальчике, ответил: «Старики вообще занимают большое место в моём творчестве. И в кино, и в прозе…» Это было в конце шестидесятых, вскоре после напутствия Ромма: «Теперь – сам! Ты парень крепкий…», и он обрёл право не амбициозно, с достоинством так сказать обо всём, им сделанном: «Моё творчество…» А предстоял ему «Степан Разин», выношенный, выстраданный, с надеждами и актёрскими пробами (перед домашним зеркалом) на исполнение роли Степана… Прежде чем говорить об этом, повторюсь: в моём окружении не было никого, кто бы так остро чувствовал невосполнимый, извечный российский дефицит правды, как ощущал его Василий Шукшин. Твардовский, печатая его в «Новом мире», заметил: «Ухо у Шукшина поразительно чуткое…» Рискну предположить, что Александр Трифонович, посвящённый в разинский замысел Шукшина, имел в виду не одну отзывчивость на склад русской речи, но и вот это чутьё на правду.

Мне выпало сопереживать мечтаниям и страданиям Шукшина и на официальных обсуждениях, и в студийных коридорах, и у себя дома, с нередкими откровениями – от милицейских протоколов «по факту драки в состоянии алкогольного опьянения» до доверительного посвящения в подробности встреч на высоком уровне. Шукшин был погружён в народное движение XVII века, захвачен им, и я улавливал, как в отдельных эпизодах «Разина» отзываются драматические обстоятельства его личной жизни. Отец Шукшина, Макар Леонтьевич, уважаемый сельчанами механизатор, мастер на все руки, в тридцать третьем году был раскулачен, увезён в Бийск и там расстрелян («Куда увели папу?» – теребил материнский подол четырёхлетний мальчик.) Сростки от них отвернулись, Мария Сергеевна была вынуждена сменить фамилию… «Разин – не сорвиголова, – твердил Шукшин каждому, кого хотел бы залучить в соратники. – Он – личность, знал персидский язык, о душе думал… Дважды ходил с Дона в Соловецкий монастырь, вон куда! Некие минуты багровел. – Только Тигр (В.Е. Баскаков) не пропустит!» «Но Твардовский же напечатал!» «Журнал – одно, какой у него тираж… А фильм смотрят миллионы…»

Бритиков оказался прав, сценарий зарубили, но Шукшин уже входил в силу: рассказ за рассказом, фильм за фильмом. «Вася, когда ты успеваешь?» – спрашивал я, изумлённо и растерянно наблюдая его стремительный рост. «В день по странице… В году триста шестьдесят пять дней, вот и считай…» Чутьё на правду сочеталось у него со стремлением утвердить её, сделать всеобщим достоянием, пробуждать людей от духовной дрёмы: «Нравственность – есть правда». Старик-плотник из рассказа «Критики» при появлении на телеэкране актёра в роли плотника, не умеющего держать в руках топор, снимает сапог и в сердцах разносит ящик… (Виктор Петрович Астафьев говорил, что ложь о войне, пущая с экрана, вызывает у него желание запустить в телевизор утюгом.) Абсурдность происходящего находила отражение и в прозе, и в экранных работах под видом чудиков, странных людей… воистину странных. «Хлеба нет, а нам весело, – говорит герой в «Печках-лавочках». – Я вот этого не пойму – хлеба нет, а мы песни поём…» Мучительный, исторгнутый из душевных глубин и прозвучавший со страниц «Литературки» вопрос: «Так что же с нами происходит?» – и по сей день не находящий ответа в стране, раздираемой противоречиями, навсегда вошёл в золотой фонд отечественной публицистики…

Черновую сборку «Печек-лавочек» открывала снятая под документ панорама деревенского застолья: камера медленно шла по кругу, всматриваясь в лица голосистых старух и вторящих им стариков. В рабочей фонограмме слова были неразборчивы, но это не имело значения: трогала погружённость певцов во что-то далёкое, дорогое и несбывшееся… «Вася, – сказал Бритиков, – ты чуть ли не на часть растянул песнопение старцев!» Шукшин, поднявшись в полутёмном просмотровом зальчике, ответил: «Старики вообще занимают большое место в моём творчестве. И в кино, и в прозе…» Это было в конце шестидесятых, вскоре после напутствия Ромма: «Теперь – сам! Ты парень крепкий…», и он обрёл право не амбициозно, с достоинством так сказать обо всём, им сделанном: «Моё творчество…» А предстоял ему «Степан Разин», выношенный, выстраданный, с надеждами и актёрскими пробами (перед домашним зеркалом) на исполнение роли Степана… Прежде чем говорить об этом, повторюсь: в моём окружении не было никого, кто бы так остро чувствовал невосполнимый, извечный российский дефицит правды, как ощущал его Василий Шукшин. Твардовский, печатая его в «Новом мире», заметил: «Ухо у Шукшина поразительно чуткое…» Рискну предположить, что Александр Трифонович, посвящённый в разинский замысел Шукшина, имел в виду не одну отзывчивость на склад русской речи, но и вот это чутьё на правду.

Мне выпало сопереживать мечтаниям и страданиям Шукшина и на официальных обсуждениях, и в студийных коридорах, и у себя дома, с нередкими откровениями – от милицейских протоколов «по факту драки в состоянии алкогольного опьянения» до доверительного посвящения в подробности встреч на высоком уровне. Шукшин был погружён в народное движение XVII века, захвачен им, и я улавливал, как в отдельных эпизодах «Разина» отзываются драматические обстоятельства его личной жизни. Отец Шукшина, Макар Леонтьевич, уважаемый сельчанами механизатор, мастер на все руки, в тридцать третьем году был раскулачен, увезён в Бийск и там расстрелян («Куда увели папу?» – теребил материнский подол четырёхлетний мальчик.) Сростки от них отвернулись, Мария Сергеевна была вынуждена сменить фамилию… «Разин – не сорвиголова, – твердил Шукшин каждому, кого хотел бы залучить в соратники. – Он – личность, знал персидский язык, о душе думал… Дважды ходил с Дона в Соловецкий монастырь, вон куда! Не-

вы, но это не имело значения: трогала погружённость певцов во что-то далёкое, дорогое и несбывшееся… «Вася, – сказал Бритиков, – ты чуть ли не на часть растянул песнопение старцев!» Шукшин, поднявшись в полутёмном просмотровом зальчике, ответил: «Старики вообще занимают большое место в моём творчестве. И в кино, и в прозе…» Это было в конце шестидесятых, вскоре после напутствия Ромма: «Теперь – сам! Ты парень крепкий…», и он обрёл право не амбициозно, с достоинством так сказать обо всём, им сделанном: «Моё творчество…» А предстоял ему «Степан Разин», выношенный, выстраданный, с надеждами и актёрскими пробами (перед домашним зеркалом) на исполнение роли Степана… Прежде чем говорить об этом, повторюсь: в моём окружении не было никого, кто бы так остро чувствовал невосполнимый, извечный российский дефицит правды, как ощущал его Василий Шукшин. Твардовский, печатая его в «Новом мире», заметил: «Ухо у Шукшина поразительно чуткое…» Рискну предположить, что Александр Трифонович, посвящённый в разинский замысел Шукшина, имел в виду не одну отзывчивость на склад русской речи, но и вот это чутьё на правду.

Мне выпало сопереживать мечтаниям и страданиям Шукшина и на официальных обсуждениях, и в студийных коридорах, и у себя дома, с нередкими откровениями – от милицейских протоколов «по факту драки в состоянии алкогольного опьянения» до доверительного посвящения в подробности встреч на высоком уровне. Шукшин был погружён в народное движение XVII века, захвачен им, и я улавливал, как в отдельных эпизодах «Разина» отзываются драматические обстоятельства его личной жизни. Отец Шукшина, Макар Леонтьевич, уважаемый сельчанами механизатор, мастер на все руки, в тридцать третьем году был раскулачен, увезён в Бийск и там расстрелян («Куда увели папу?» – теребил материнский подол четырёхлетний мальчик.) Сростки от них отвернулись, Мария Сергеевна была вынуждена сменить фамилию… «Разин – не сорвиголова, – твердил Шукшин каждому, кого хотел бы залучить в соратники. – Он – личность, знал персидский язык, о душе думал… Дважды ходил с Дона в Соловецкий монастырь, вон куда! Не-навидел бесправие… Его предали. Свои же предали. Заманили и схватили… А он им верил…»

На студии Горького «Разина» обсудили с участием профессионалов кино и учёных-историков, приняли сценарий, но судьбы его не решили. Воссоздание событий трёхсотлетней давности талантом Шукшина, можно сказать, проникнуто злобой дня. Всем своим образным строем сценарий вопиет против деспотизма бесконтрольной власти, равнодушия к нуждам забитого народа. Фильм на такой литературной основе заведомо и однозначно прогнозировался как «полочный», по тогдашней фене кинощников… Инстанции отвергали «Разина» с порога. «Читать двести страниц текста вместо семидесяти не буду!» – заявлял начальник главка. Это первый довод – громоздкость сценария. Далее: высокая стоимость, трудное обеспечение массовых батальных сцен. Натурализм, жестокость узловых эпизодов, кровожадность самого Разина.

Так из векового страха перед правдой и служебного угодничества возводились преграды на пути самобытного творения. Вера Шукшина в «добрых и умных людей» пошатнулась. Михаил Ромм ушёл из жизни, «Калину красную» спасла слеза генсека Брежнева, оброненная в финале; Василий добивался приёма у Демичева, тогдашнего секретаря ЦК КПСС по идеологии, встреча откладывалась, переносилась и, наконец, состоялась… Шукшин рассказывал мне о ней уединённо, в запертом на ключ кабинете, при выключенном телефоне, с глазу на глаз. «Демичев «Разина» не поддержал… Отговаривал… Мягко, но настойчиво… Выставляя доводы, пел с чужого голоса… «Пессимистическая сюжетика…» «Монтажные стыки оглушают, бьют по темечку…» «Слабость положительных мотивов…» Он же химик, Демичев, и – на тебе, здорово живёшь: сюжетика, монтажные стыки… То есть всё, на что мне указывал в сценарии Герасимов… Его подсказка, слово в слово…»

Я слушал потерянно, не обращая внимания на тон, каким всё это говорилось, на тон трезвого уведомления… То есть весь разговор с Демичевым – в порядке вещей, ничего другого от Герасимова Василий не ждал. Со временем, годы спустя, перебирая наимельчайшие подробности тех удручающих свидетельств, я понял, почему Шукшин был так рассудителен и терпим.

Герасимов, Красносотенец, по шутливому прозвищу острого на язык Сергея Эйзенштейна, иначе строить свои отношения с Демичевым не мог – вот что было ясно Шукшину, что звучало в его рассказе и что я тогда не воспринял… Идеолог и практик советского кинематографа, Сергей Аполлинариевич отстаивал литературный сценарий как незыблемую основу фильмопроизводства ещё и потому, что утверждённый, то есть обкатанный и обезвреженный на всех этажах, сценарий есть эффективная форма контроля, он не даёт разыграться режиссёрской фантазии, держит её в узде основ социалистического реализма… Сам Герасимов отклонялся от генеральной линии вместе с партией. Когда низовая партячейка исключила Чухрая из партии, Сергей Аполлинариевич печатно и устно оценивал «Балладу о солдате» как «огорчительную неудачу нашего кинематографа». Когда же фильм понравился Хрущёву и снискал безоговорочное признание за рубежом, Герасимов, опять-таки устно и печатно, прославлял талант режиссёра-постановщика Чухрая.

Шукшин бодался с дубом подобно другому художнику, всемирно известному, только гражданские их позиции были разные: Шукшин вне системы себя не мыслил, тут он был с Герасимовым един. Но Герасимов понимал и видел, пожалуй, как никто другой, что сценарий писателя Шукшина не сковывает, а напротив, раскрепощает Шукшина-режиссёра, исполнителя главной роли, что сообщает ему взрывную силу, предвещает таранный удар по режиму бюрократии и двойной морали. Рубить сук, на каком он сидит, Сергей Аполлинариевич не мог.

Александра Твардовского в советском кинематографе не было.

Вера Шукшина «в добрых и умных людей» пошатнулась, но не иссякла.

На «Мосфильме» утверждался самостоятельный и яркий Сергей Бондарчук, его предложение сняться в фильме по роману Шолохова обещало упрочить их отношения и получить со временем поддержку влиятельного члена коллегии комитета… С надеждой на это совершил Шукшин свой последний рывок ради «Разина», покинув студию Горького и придя на «Мосфильм».

Про выбор донской натуры, о чём я было заикнулся, – ни звука… Запамятовал? Не успел ответить?

Протягивая на прощание руку, Шукшин сказал:

– Последняя моя экспедиция. На всё меня не хватает. Ставлю на кинематографе крест, буду делать одно: писать, писать и писать.

– А «Учитель», Вася?

– За учителя можно вступиться и словом…

Через две недели Василия Макаровича Шукшина не стало.

Артём АФИНОГЕНОВ

ПОЭЗИЯ

Ангела крыло

Ирина КОВАЛЁВА

ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ

Пальцев каменных растрата –
Перст к персту, к скале скала.
Богоматерь Монтсеррата
Как язычница смугла.

Словно лемурийский гений
Гена чистой красоты
В знак единства всех творений
Закоптил её черты.

Гнев Господень, Божья кара,
Выжегшая материк,
Опалила в цвет загара
Завтрашней Мадонны лик,

Что несла державу грандов,
Лодочкой сложив ладонь,
Сквозь девятый вал атлантов
И Лемурии огонь

В мрака каменное лоно,
В известняк слоистых лет,
Под которым Барселона
Ловит ультрафиолет.

Расцветают померанцы
В марте прямо у крыльца,
И уверены испанцы
В том, что свету нет конца...

СУМАТРА

Снег растает, и я оживу –
Заспешу, задышу, зарифмую.
Мне бы только увидеть траву,
Свет не сквозь облака – напрямую.

И за что нам такая зима –
С ноября по апрель на полгода?
Скрежет жести вползает в дома
Вместо щебета и – непогода!

На Суматре леса зелены,
Дышит жаром из жерла Керинчи.
В манграх – символах вечной весны
След, проложенный лавой, коричнев.

Вот же выпало, словно в лото,
Счастье жить среди райского сада.
В Палембанге, Паданге никто
Не слыхал о поре листопада.

Здесь в почёте любые цвета,
Только белый придержан в застенке.
Даже снег на вершинах хребта
Барисана меняет оттенки.

***

Нужно, чтобы ёлочка мерцала,
Золотилось ангела крыло,
Чтобы честной юности зеркало
Зоркость зрелых лет приобрело,

А не катаракту мутных пятен
На сетчатках стёртых амальгам,
Дабы был не только глог приятен,
Но и лик твоей души богам.

Проступивший сквозь морщинок морок,
Словно в сухостое бывший сад,
В девочках, которым скоро сорок,
В мальчиках, которым пятьдесят.

АНТАРКТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ

Мы будем вспарывать сугробы
Концами пластиковых лыж,
Друг другу верные до гроба,
Как в песне про «Шумел камыш»,

И в сумерках истлевших суток
Раз в день на солнцевском пруду
Кормить вчерашним хлебом уток,
С утра гуляющих по льду

Босыми, не страшась ангины,
Бок о бок, что в руке рука,
Как королевские пингвины
С бесхозного материка.

Часы с кукушкой

Иван БЕЛОКРЫЛОВ

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ

Третий месяц молчит бумага.
И ответа не знаю сам...
Для чего мне моя отвага,
Обращённая к небесам?

Для чего эти мели и рифы,
Остановки, скачки, полёт, –
Если даже простые рифмы
Через строчку, как скользкий лёд?

Для чего, как лихой старатель,
Рыл я горы, не видя дня,
Если мой золотой читатель
Никогда не найдёт меня?

Может, это совсем не муки,
Только странный дар за грехи, –
Но ночами я слышу стуки
Вмуровавших себя в стихи.

Безответственно. Без остатка.
В темноте рукописных книг
Каменеющих строчек кладка
Не задышит даже на миг.

Это те, про кого забыли,
Кто исчез навсегда, о ком
Никогда не расскажут были
Пламенеющим языком!

И не надо искать ответа.
Роясь в памяти впопыхах, –
Лишь задуматься; как же это –
Умирать на своих стихах?

***

Часы с кукушкой исказили время,
Наехав громогласно на хронометрические выкладки по теме:
«Который век стучится к нам в окно?»

Большая гиря тянет шестерёнку
Запечатлеть в паркете поцелуй,
И нечто увидавшему ребёнку
Папаша сонно шепчет: «Не балуй».

Бормочет кот на языке забытом,
Подол хозяйки нервно теребя.
Торопятся минуты, но за бытом
Уже не могут обогнать себя.

Открой окно,
хотя, быть может, поздно
Бежать туда, покинув отчий дом,
Где облака, как ласточкины гнёзда,
К карнизам прикреплят окоём.

Потягиваешь время, как из кружки,
Клянёшься
чем-то светлым небесам.
...Давным-давно погибшая кукушка –
Ей хорошо прикованной к часам.

В ШАРМ-ЭЛЬ-ШЕЙХЕ

Гуляют голуби по пляжу,
Клюют испуганно волну.
Вплёл муэдзин своё адажио
В удушливую пелену.

Восточный ветер
с пыльным шлейфом
Принёс Аравии завет,
Над разомлевшим
Шарм-эль-шейхом
Гудит молитвой минарет.

Мулла, чтоб до любой сторонки
Домчал его призыв-привет,
Четыре – но сто ватт – колонки
Повесил через парапет!

Не слабость голоса, не леность,
Его находчивостьега –
Глас древности и современность
Связал решительный муэлли!

КОНКУРС

Губерния уже пишет

Стоило только нам поведать читателям «ЛГ» о грядущем открытии конкурса «Пошла писать губерния», как в редакцию посыпались разножанровые творения, а компьютер от перенагрузки буквально занемог. А начало конкурсной суматохе положили иронические вирши поэта Виктора ЛЮТОВА, проделавшие неблизкий путь из Воронежской области до редакционного стола. Одним из его опусов мы и даём старт нашему творческому соревнованию.

Обращение к народу

Вы видите: в душе моей волненье!
Да. Времена сегодня нелегки.
В России убывает населенье.
Нам надо что-то делать, мужики!

Конечно, рот дерёт сухая ложка.
Родить ребёнка – нынче не с руки.
Ведь каждый день – картошка да картошка.
Но надо! Напрягитесь, мужики!

Не буду уговаривать вас долго.
Хочу от вас услышать я ответ.
Как у мужей российских с чувством долга?
Вы патриоты, братцы, или нет?

И жёны наши тоже виноваты.
У них в квартирах тишина, уют.
Им от мужей нужны одни зарплаты!
А сами – что они мужьям дают?!

Погрязли мы в своём мещанском хламе.
А жёны где?! У теликов они!
А что им делать! Судя по рекламе,
У них одни критические дни!

Родные жёны! Коль не вы, то кто же?!
Смелей вперёд, мужья в расцвете лет!
В таких делах Госдума не поможет.
И на Совмин совсем надежды нет.

Я обращаюсь к вам, друзья-подруги!
На подвиг вас я за уши тяну:
В интимной жизни власть берите в руки,
Тем самым поддержав свою страну!

ПРОНИЗМЫ

День творца

УТРО

Подъём. Холодный душ *(мысленно)*. Кофе. Перекур.

Кофе. Перекур. Просмотр гороскопа по телевизору. Двойной кофе. Перекур. Вход в компьютер. Просмотр вчерашнего. Бурная показная радость. Уныние. Отправка вчерашнего в мусорную корзину.

Первый завтрак. Перекур. Кофе. Второй завтрак. Кофе. Перекур.

Приём электронной почты. Ответы абонентам, вопросы и реплики: «Как спалось? С кем? А кто он (она)? И как – он (она)? А сколько? А я когда-то мог больше *(мысленно)*! А за сколько? За столько?! Растут расценки, но всех денег не заработаешь и не истратишь! Не увлекайся! Предохраняйся! Да ну – его (её)! Он (она) тебя просто использует! Телефончик не дашь?»

Перекур. Кофе. Второй завтрак-2. Лёгкое творчество. Перекур.

ДЕНЬ

Творчество. Ожидание музы. Перекур. Ланч. Кофе. Перекур. Второй ланч. Преферанс с компьютером. Обед.

Ожидание музы. Творчество. Звонок музе – ну, где ты там?! Кофе. Отмена встреч. Назначение встреч. Кофе. Перекур. Кофе с коньяком. Водка, селёдка. Перекур. Интерактивный флирт с подругой. Кофе. Виртуальный секс с незнакомкой. Кофе. Третий ланч. Перекур. Кофе. Полдник.

Творчество. Ожидание музы. Грубый диалог с музой *(мысленно)*. Кофе. Перекур. Тихий час. Второй полдник. Телефон. Кофе. Перекур. Третий ланч.

ВЕЧЕР

Перекур. ТВ. Ужин. Телефон. Ожидание музы. Второй ужин. Перекур. Просмотр прогноза погоды на завтра. Горячий душ *(мысленно)*. Перекур на сон грядущий. Подготовка ко сну. Приход музы. Творчество.

НОЧЬ

Творчество, перекур, кофе, творчество. Холодный душ, кофе, перекур, творчество. Радостная усталость. Сон.

Просмотр текущих снов: кулинария, порно, эротика, мелодрамы, кошмары, фантастика...

Александр КОСТЮШИН

ТЕАТР ОДНОГО АБСУРДА

Эх, хорошо в стране афинской жить...

Не иссякает поток писем читателей, желающих узнать о жизни и деятельности И.Е. СУПОВА, графа по матери, а также о творческих продуктах его жизнедеятельности. Администрация «Клуба ДС» сообщает подробности.

Когда был Супов маленьким с кудрявой головой, он был шустрым и предприимчивым ребёнком, а с годами, наоборот, слегка облысел. Ещё совсем юный Иван Ерофеевич твёрдо решил стать переводчиком. Он переводил всё: старушек через дорогу, деньги телеграфом, продукты в доме... Пока не наткнулся на древних греков. Он и их сумел перевести полностью, не оставив ни одного. «Клуб ДС» начинает знакомить читателей с «Античными хрониками» в вольном переводе Супова.

СОВОКЛ
«Беседа в придорожной канаве»

Место действия: предместье античных Афин. По шоссе G-89 Афины – Солоники, обгоняя друг друга, мчатся грузовые мулы и легковые ослы. Чихая от пыли и выхлопных газов, едут на ишаке два афинских хроника (бронхит, косоглазие и спастическое плоскостопие) античные философы Платокл и Носокл.

Хор из суфлёрской будки *(с чувством)*: Эх, хорошо в стране афинской жить! Ух, хорошо...

Осёл с шашечками на боках и зелёным огоньком под глазом, визжа копытами, резко тормозит у обочины. Философы выпадают из такси прямо в придорожную канаву.

Просохл, таксист-водитель легкового осла: Простите, граждане, вам не хотел досадное доставить неудобство! За хамство моего осла готов я заплатить вином и сыром. Вот, возьмите! И зла на бедного Просохла не держите.

Платокл *(беря сыр и вино)*: Будь славен наш таксист Просохл и тот неведомый мудрец, кто изобрёл вино! Творенья лучшего ум человека до сих пор не знает.

Носокл *(вынимая гранёный стакан из нагрудного кармана своего хитона)*: Позволь с тобой не согласиться. Что может быть чудеснее, чем греческий огонь, полученный из нефти Архимедом?

Платокл *(глядя в стакан)*: Возможно, ты и прав, мой ученик Носокл. На этакой жаре, пожалуй, спор наш не решить сегодня.

Демосхрен, сандальщик *(появляется внезапно, босой)*: Жара расплавила мозги философам несчастным. Конечно, нефть важна! Но разве в душный день стаканчик нефти с сыром будет нам приятней, чем глоток прекрасного вина?

(С грохотом падает мраморный занавес.)

Смуршел

в переводе с болгарского – «овод». Сегодня это обладающее большим чувством юмора насекомое прилетело из Софии в Москву. На своих крыльях оно принесло образцы творчества испытанных остряков нашей соседней страны.

В этом году ежемесячнику сатиры и юмора «Стършел» исполнилось 60. Все эти годы газета и её авторы – среди них, кстати, часто бывали коллеги по жанру из вашей страны – регулярно забавляли болгарских читателей. Настало время поделиться хорошим настроением и с читателями российскими. Читайте, смотрите и – хочется надеяться – улыбайтесь!

Михаил ВЕШИМ, *главный редактор «Стършел»*

НА ПОЛОСЕ ГУЛЯЮТ С ДАМАМИ ИСПЫТАННЫЕ ОСТРЯКИ

ПУТЬ к славе

Жаль доктора Койчева, он так хорошо играл на гитаре и пел старинные романсы. Уехал бы в Норвегию или Финляндию – наверняка зарабатывал бы лучше искусством, а не врачебным ремеслом, притом блондинки, голубоглазые красавицы обращали бы на него больше внимания, чем медсёстры – женщины с патриархальной моралью и со страхом перед сплетнями.

Доктор Койчев всё глубже погружался в житейскую трясину. Первый раз женился на артистке из Сливенского театра. Друзья сочувствовали и упрекали:

– Что ты за врач, если не можешь отличить шизофреничку от нормальной женщины?

– Она показалась мне вполне нормальной, – оправдывался доктор Койчев. – Но после того как выбросила кошку с балкона, сказав, что проделает то же самое и с матерью, я понял, что она чокнутая. Кроме того, она побила домоуправляющего и подожгла парикмахерскую на первом этаже.

Он с ней развёлся и зажил с продавщицей магазина цветов. Её брат оказался телевизионным техником, переселился в их дом и одну из комнат завалил телевизорами и радиоаппаратурой. Однажды нагрянула полиция, и выяснилось, что её брат – преступник с шестью судимостями, а дом доктора Койчева превратился в склад краденых вещей. После хождения по судам и нового бракоразводного дела доктор стал крепко выпивать. Вместо сочувствия приятели его ругали:

– Что ты за доктор, если ты хотя бы чуточку не психолог? Почему женишься, как слепой, зачем доверяешься обманщикам?

В больнице его предупредили, чтобы перестал пить и не просил родственников больных приносить ему алкоголь. Он не перестал пить и просить – его уволили.

Доктор начал играть на гитаре в ресторане за еду, выпивку и карманные деньги. Одна из официанток заманила к себе. Стирала его вещи, гладила, стригла, растирала камфорным спиртом. Была доверчивой женщиной, только не верила, что он врач.

– Разве не слышишь, как люди называют меня «доктор»? – злился доктор.

– Но я тебе всё равно не верю. Ты же не можешь вылечить даже простой насморк!

Доктор Койчев продолжал «тонуть». Играл и пел, но ему не всегда платили. Однажды обозлённый на управляющего ресторана, доктор напился и произнёс громогласную речь против эксплуатации, социального неравенства и коррупции. Двое с соседнего стола подхватили его и приютили в собственной партии. Он привязался к своим спасителям. Стал политиком на счастье пациентов, слушателей и теперь известен широкой публике. Да, кстати, и пить он бросил...

Йордан ПОПОВ

Габровски анекдоти

Габровцу предложили работу. Он спросил, сколько ему будут платить.

– Сначала семьдесят левов, потом – сто.

– Хорошо, – ответил он. – Я непременно устроюсь, но... потом...

В театре жизни

♠ Чтобы аплодировали тебе в театре жизни, надо находиться на сцене.

Кольо ЧАЛЫКОВ

♠ Некоторые хотят дойти до чего-то, не трогаясь с места.

♠ Из одного большого ничего можно сделать ничего больше, чем ничего.

♠ Не знает, не может, но старается расположить.

♠ Когда все мы считаем себя правыми, жизнь идёт криво.

Васил КАРАКАШЕВ

Габровски анекдоти

Захотел габровец поставить могильный памятник своей тёще.

– Есть у вас что-нибудь солидное, но подешевле?

– Есть одна плитка, только на ней высечено другое имя.

– Ничего, я беру. Моя покойная тёща не умела читать.

– Сколько стоит билет в ванну? – спросил габровец.

– Два лева.

– Вот вам один лев, налайте до половины.

Врач, недовольный суммой, которую ему заплатил пациент, иронично спросил:

– Это для меня или для моего слуги?

– На двоих, – невозмутимо ответил габровец.

Умение и собственное мнение

♠ Люди лучше узнают друг друга, когда обманывают друг друга.

♠ У иных умение, у меня – собственное мнение.

Веселин ЗИДАРОВ

♠ С начальником и с врачом не спорят: первый может послать к чертям, второй – к ангелам.

♠ Девиз эгоиста: если нельзя взять, хотя бы не дать.

♠ Недостойно человеку молиться одному Богу, а кланяться другому.

Веселин ГЕОРГИЕВ

БЕЛАЯ тишина

Жизнь – это то, что случается с нами, когда немечаем одни планы, а выполняем другие, любил говорить Джон Леннон. Однажды утром я проснулся с головокружительными планами, но ощутил в ухе какой-то тупой звук. Пошевелился: повернул голову туда-сюда, но гул не проходил. Более того – такой же звук появился и в другом ухе.

Без паники, подумал я, как пришло, так и уйдёт.

И действительно, досадный звук исчез, но исчезли и все остальные, которые утром заполняли всю комнату, – свист кофеварки, плач ребёнка и тембр ведущей телепередачи «Прежде всего».

Анализируя ситуацию, понял, что ничего не слышу. Вокруг царила белая тишина, как поётся в одной песне.

Другой на моём месте забил бы тревогу, но я не такой человек. Так просто не бегаю по врачам, сначала хорошенько думаю и взвешиваю все плюсы и минусы.

Перестать слышать, подумал я, может быть, это минус, но в некоторых случаях это и плюс. Особенно тогда, когда жена долдонит о неоплаченных счетах или политики объясняют, как повысить жизненный уровень. Не слышать подобную чепуху – это же счастье!

Начал жить в тишине. Притом неплохо. В личном плане – перестал обращать внимание на причитания моей половинки и капризы ребёнка. В общественном – перестал спорить с радио и ругать ведущих телепередач, как и их собеседников. Мимо ушей пропускал споры в парламенте, требования оппозиции и невнятные речи премьер-министра. Ни один скандал не доходил до моего слуха – ни политический, ни семейно-бытовой. Жизнь в тишине показалась очаровательной – натянутые нервы ослабли, сон стал здоровым, ибо по ночам я не просыпался от громкого лая бездомных собак.

Но хорошее небесконечно. Жене надоело смотреть на меня такого счастливого, она схватила за руку и отвела к врачу. Он не сделал ничего особенного, просто промыл уши. Мои слуховые органы оказались забитыми грязью. Ничего удивительного, если иметь в виду, в каком болоте все мы утонули по уши. После вмешательства специалиста я, увы, стал опять прекрасно всё слышать.

И о боже! Узневал такие вещи, которые вообще не хотел знать. Например, об интригах на работе. Или об интригах власти. Или об интригах жены...

Я чуть не лопнул от избытка негативной информации. И наверняка сошёл бы с ума, если в одном спортивном магазине не купил бы затычки для ушей.

И сейчас я с ними – так что если вы хотите сказать мне что-то важное, кричите как можно громче! Ещё громче!

Михаил ВЕШИМ

Перевод с болгарского Веселина ГЕОРГИЕВА

АНОНС

Подмосковье продемонстрирует свою «Культурную реальность»

С 19 по 27 декабря 2005 года в выставочном комплексе «Крокус Экспо» Министерство культуры Московской области, подводя итоги Года культуры, организует большую выставку-форум «Культурная реальность Подмосковья».

В трёх выставочных залах площадью более 20 тысяч квадратных метров разместятся экспозиции и отдельные павильоны, витрины с уникальными историческими экспонатами и различные тематические выставки, представляющие музеи, храмы, народные промыслы, ремёсла, декоративно-прикладное, театральное и изобразительное искусство, археологическое наследие Подмосковья.

Впервые в столь масштабном объёме и так наглядно посетители выставки смогут ознакомиться с итогами реставрации памятников искусства и архитектуры, получить представление о развитии детского художественного творчества в области, о богатой событиями и талантами творческой деятельности и многом другом. В ходе выставки на главной сцене комплекса пройдут выступления художественных коллективов различных жанров и стилевых направлений, будут показаны отрывки и фрагменты театральных спектаклей. Посетители выставки станут гостями удивительного Города Мастеров, которыми всегда славилась Подмосковная земля.

Гостей, участников и посетителей выставки ожидает яркий красочный праздник, стилизованное театральное действо с множеством интересных и познавательных фактов культурной жизни Подмосковья. Не будут забыты и юные посетители. Так как выставка проводится в канун Нового года и школьных каникул, в отдельном большом зале будут представлены различные программы, которые подготовят для детей учреждения культуры Московской области.

В рамках выставки-форума пройдёт конкурс социокультурных проектов «Культура – Подмосковью». В конкурсе примут участие государственные, муниципальные, негосударственные организации, чья деятельность связана с культурой. Смысл проведения конкурса в выявлении тех культурных инициатив, на базе которых может в значительной степени выстраиваться сегодня работа в сложившихся экономических условиях с учётом запросов общества. Идеи, рассматривающие культуру как наиболее перспективный и эффективный рычаг социального и экономического развития общества, получат поддержку областного правительства. А лучшие проекты будут представлены на выставке-форуме как отдельная экспозиция.

Соб. инф.

ВПЕРВЫЕ!

Бесплатная подписка на «Литературную газету» сроком от шести месяцев до нескольких лет (!) ждёт всех покупателей страховых полисов (в т.ч. полисов ОСАГО) в офисах СБ «ПОЗИТИВ».

Подробности акции по телефону единой справочной службы страхового брокера «ПОЗИТИВ» – (495) 223-35-03 и на сайте WW.LGZ.RU

Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А.М. Горького объявляют дополнительный набор на семинар драматургии, кино и телевидения. Руководители семинара: А. Гельман, М. Рощин, М. Шатров.

Справки по тел.: 202-86-66.

Красивые страны! Красивый отдых!

ТАИЛАНД
МАЛАЙЗИЯ
СИНГАПУР
ИНДОНЕЗИЯ
МАЛЬДИВЫ
АНГЛИЯ
ИЗРАИЛЬ
ГЕРМАНИЯ
КАНАДА
ФРАНЦИЯ
КИТАЙ
КИПР

Сертификат эксплуатанта №51

Всё начинается с авиакомпании

ТРАНСАЭРО

Наши билеты ждут Вас на www.fly-UN.com

Полная информация на www.transaero.ru

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» распространяется на бортах авиакомпаний AEROFLOT BRITISH AIRWAYS ТРАНСАЭРО АВИАКОМПАНИЯ JAL JAPAN AIR LINES

Розничное распространение за рубежом: в Европе и Сев. Америке – W.E. Saarbach GmbH; в Израиле – Издательский дом «Новости недели».

ЦЕНА В РОЗНИЦУ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ ДОГОВОРНАЯ

ISSN 0233-4305